

ISSN 1994-2540 (Print)
ISSN 2542-1956 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия



Серия Экономика. Управление. Право

2020

Том 20

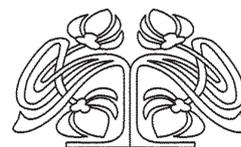
Выпуск 3



Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия



Научный журнал
2020 Том 20

ISSN 1994-2540 (Print)
ISSN 2542-1956 (Online)

Издается с 2007 года

Серия Экономика. Управление. Право, выпуск 3

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Экономика

Ткаченко И. Н., Стариков Е. Н. Цифровая экономика: основные тренды и задачи развития 244

Минат В. Н. Федеральное финансирование научных исследований и разработок в США: объем, структура, перспективные направления 256

Неверов А. Н., Голубев Ф. С., Каткова М. А. Агент-ориентированная модель совершенной экономики 266

Управление

Власенкова Т. А., Панченко Т. М., Цыпин А. П. Индикаторный метод как инструмент обеспечения финансовой безопасности хозяйствующего субъекта 271

Дерунова Е. А. Обоснование принципов государственной поддержки развития сельского хозяйства 284

Трегубов В. Н. Исследование механизмов синхронизации в различных функциональных сферах логистики 292

Право

Анисимов А. П. Развитие экологического законодательства в США: проблемы и перспективы 301

Несмеянова С. Э. Национальный механизм судебной защиты основных прав и свобод человека и гражданина в контексте федеративных отношений 310

Тихонова С. В. Философия права в контексте постнеклассической науки: методологический плюрализм и случай коммуникативной теории права 320

Вестов Ф. А., Фаст О. Ф. Правовое, социальное и полицейское государство в оценках студентов-юристов 326

Тогузаева Е. Н. Информационно-коммуникативная культура как условие реализации некоторых прав граждан (на примере процессуального законодательства) 333

Тюменева Н. В. Стратегия развития информационного общества и информационно-коммуникативной культуры в Российской Федерации 339

Кузнецова О. В. Принцип всеобщности и разумность ограничения пассивного избирательного права 346

Стеничкин Н. Г. Судебная власть и конституционное равновесие 354

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Экономика. Управление. Право» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76645 от 26 августа 2019 г.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 08.00.01; 08.00.05; 08.00.10; 08.00.12; 08.00.13; 08.00.14; 12.00.01; 12.00.02; 12.00.06; 12.00.12)

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36012, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка
Ковалева Наталья Владимировна

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Трубникова Татьяна Александровна

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izvestiya@info.sgu.ru

Подписано в печать 25.08.20.
Подписано в свет 31.08.20.
Формат 60×84 1/8.
Усл. печ. л. 14,18 (15,25).
Тираж 500 экз. Заказ 77-Т.
Цена свободная

Отпечатано в типографии
Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2020



ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации на русском и английском языках общетеоретические, методические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований экономической и юридической науки в области экономической теории, экономики, организации, управления, государства и права.

Для рассмотрения статьи автору необходимо представить в редакцию следующие материалы: 1) текст статьи в электронном виде, включая УДК, сведения об авторах на русском и английском языках, ORCID автора, название, ключевые слова и структурированную аннотацию на русском и английском языках, список литературы, references в одном документе; 2) справку о результатах самопроверки статьи на наличие неправомерных заимствований; 3) договор на издание и предоставление права использования произведения. Статья направляется на рецензирование только после получения подписанного автором договора (лично в деканате экономического факультета или почтовым отправлением). Более подробная информация о правилах оформления статей и образцы оформления различных источников приведены вместе со стилевым файлом по адресу: <http://eup.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Представляемая для публикации рукопись статьи должна быть законченной научной работой, содержащей важные научные результаты самостоятельных исследований теоретического или эмпирического уровня. Статья должна быть структурирована с использованием подзаголовков: например, Введение, Теоретический анализ, Эмпирический анализ, Результаты, Список литературы, оформлена в соответствии с требованиями и тщательно отредактирована.

Статьи подвергаются анонимному рецензированию и в случае положительного отзыва – научному и контрольному редактированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель. Статья, задержанная на больший срок или требующая повторной доработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую, корректорскую и допечатную правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Статьи публикуются в порядке очередности.

Адрес редколлегии серии: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский университет, экономический факультет/юридический факультет.

Ответственный секретарь разделов «Экономика», «Управление» – e-mail: sgu-eup@rambler.ru, тел.: (8452) 22-51-38; ответственный секретарь раздела «Право» – e-mail: kulikovasveta@inbox.ru, тел.: (8452) 22-51-17.

Сайт журнала: <http://eup.sgu.ru>

CONTENTS

Scientific Part

Economics

Tkachenko I. N., Starikov Y. N. Digital Economy: Key Trends and Development Objectives 244

Minat V. N. Federal Financing of Scientific Research and Development in the USA: Volume, Structure, Perspective Directions 256

Neverov A. N., Golubev F. S., Katkova M. A. Agent-Based Model of Perfect Economy 266

Management

Vlasenkova T. A., Panchenko T. M., Tsypin A. P. Indicator Method as an Instrument to Ensure Financial Security of an Economic Entity 271

Derunova E. A. The Foundation of the Agricultural Development State Regulation 284

Tregubov V. N. Research of Synchronization in Different Functional Areas of Logistics 292

Law

Anisimov A. P. Development of Environmental Legislation in the United States: Problems and Prospects 301

Nesmeyanova S. E. National Mechanism for Judicial Protection of Fundamental Human and Civil Rights and Freedoms in the Context of Federal Relations 310

Tikhonova S. V. Philosophy of Law in the Context of Post-non-classical Science: Methodological Pluralism and the Case of Communicative Theory of Law 320

Vestov F. A., Fast O. F. The Legal State as a Problem of Professional Consciousness of Lawyers 326

Toguzueva E. N. Information and Communication Culture as a Condition for the Realization of Some Rights of Citizens (the Case Study of Procedural Legislation) 333

Tyumeneva N. V. The Role of the Russian State in Shaping the Information Society Development Strategy 339

Kuznetsova O. V. The Principle of Universality and the Reasonableness of Limiting Passive Suffrage 346

Stenichkin N. G. Judiciary and Constitutional Balance 354



**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: Экономика. Управление. Право»**

Главный редактор

Огурцова Елена Вячеславовна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Заместители редактора

Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Фирсова Анна Александровна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственные секретари

Челнокова Ольга Юрьевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Куликова Светлана Анатольевна, доктор юрид. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Александр Анна, PhD, профессор (Вайоминг, США)

Анисимов Алексей Павлович, доктор юрид. наук, профессор (Волгоград, Россия)

Балаш Владимир Алексеевич, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Бенойт Уильям, PhD, профессор (Огайо, США)

Велиева Джамия Сейфаддиновна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Горячева Татьяна Владимировна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Громов Владимир Геннадьевич, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ермасова Наталия Борисовна, PhD, доктор экон. наук, профессор (Иллинойс, США)

Землянухин Александр Исаевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Козин Михаил Николаевич, доктор экон. наук, профессор (Москва, Россия)

Красильников Олег Юрьевич, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Лхагвадори Ариунаа, PhD, профессор (Уланбатор, Монголия)

Манахова Ирина Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Москва, Россия)

Мингалева Жанна Аркадьевна, доктор экон. наук, профессор (Пермь, Россия)

Муравьев Николай Васильевич, PhD, MBA, кандидат экон. наук (Данди, Великобритания)

Носов Владимир Владимирович, доктор экон. наук, профессор (Москва, Россия)

Орехова Елена Анатольевна, доктор экон. наук, профессор (Волжский, Россия)

Пчелинцева Ирина Николаевна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Разгельдеев Назир Тагирович, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Романовский Георгий Борисович, доктор юрид. наук, профессор (Пенза, Россия)

Сидоров Сергей Петрович, доктор физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Стойлова Десислава, PhD, профессор (Благоевград, Болгария)

Ткаченко Ирина Николаевна, доктор экон. наук, профессор (Екатеринбург, Россия)

Трубицына Тамара Ивановна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Хрусталев Виталий Николаевич, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Чердаков Олег Иванович, доктор юрид. наук, профессор (Москва, Россия)

Черемисинов Георгий Александрович, доктор экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Шугрина Екатерина Сергеевна, доктор юрид. наук, профессор (Москва, Россия)

Эретин Сефика Шуле, PhD, профессор (Анкара, Турция)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: Economics. Management. Law»**

Editor-in-Chief – Elena V. Ogurtsova (Saratov, Russia)

Deputy Editors-in-Chief – Galina N. Komkova (Saratov, Russia)

Anna A. Firsova (Saratov, Russia)

Executive Secretaries – Olga Yu. Chelnokova (Saratov, Russia)

Svetlana A. Kulikova (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Anne Alexander (Wyoming, USA)

Alexey P. Anisimov (Volgograd, Russia)

Vladimir A. Balash (Saratov, Russia)

William Benoit (Ohio, USA)

Jamila S. Veliyeva (Saratov, Russia)

Tatiana V. Goryacheva (Saratov, Russia)

Vladimir G. Gromov (Saratov, Russia)

Natalia B. Ermasova (Illinois, USA)

Alexander I. Zemlyanukhin (Saratov, Russia)

Mikhail N. Kozin (Moscow, Russia)

Oleg U. Krasilnikov (Saratov, Russia)

Ariunaa Lkhagvadorj (Ulaanbaatar, Mongolia)

Irina V. Manakhova (Moscow, Russia)

Zhanna A. Mingaleva (Perm, Russia)

Nikolai V. Mouraviev (Dundee, United Kingdom)

Vladimir V. Nosov (Moscow, Russia)

Elena A. Orekhova (Volgskii, Russia)

Irina N. Pchelintseva (Saratov, Russia)

Nazir T. Razgeldeev (Saratov, Russia)

Georgy B. Romanovsky (Penza, Russia)

Sergey P. Sidorov (Saratov, Russia)

Desislava Stoilova (Blagoevgrad, Bulgaria)

Irina N. Tkachenko (Ekaterinburg, Russia)

Tamara I. Trubitsina (Saratov, Russia)

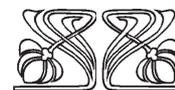
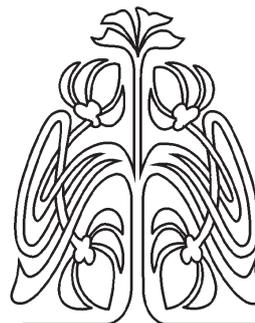
Vitali N. Khrustalov (Saratov, Russia)

Oleg I. Cherdakov (Moscow, Russia)

Georgy A. Cheremisinov (Saratov, Russia)

Ekaterina S. Shugrina (Moscow, Russia)

Şefika Ş. Erçetin (Ankara, Turkey)



**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**





ЭКОНОМИКА

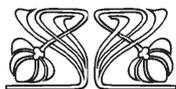
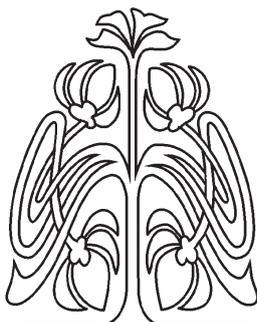
УДК 330.341

Цифровая экономика: основные тренды и задачи развития

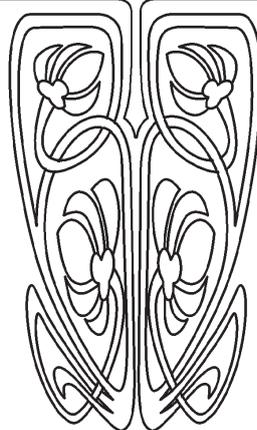
И. Н. Ткаченко, Е. Н. Стариков

Ткаченко Ирина Николаевна, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории и корпоративной экономики, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, tkachenko@usue.ru

Стариков Евгений Николаевич, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой шахматного искусства и компьютерной математики, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, starik1705@yandex.ru



НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ



Введение. Данное исследование посвящено анализу сущности дефиниции «цифровая экономика», изучению основных трендов ее развития и выявлению особенностей формирования в России, а также определению задач развития цифровой экономики в нашей стране в среднесрочном периоде. **Теоретический анализ.** Сегодня цифровая экономика стала неотъемлемой частью социально-экономического развития общества. В связи с этим анализ тенденций в области цифровизации, оценка ее роли в обществе, влияние цифровой модернизации на экономический рост и показатели качества жизни являются важнейшими исследовательскими задачами. В статье проанализированы подходы к определению понятия и содержанию цифровой экономики как социально-экономического явления, на основе чего предложен авторский подход к трактованию экономической категории «цифровая экономика». Рассмотрены общемировые тренды развития цифровой экономики, тенденции и особенности ее формирования в России. **Эмпирический анализ.** На основе анализа основных мировых рейтингов цифровой экономики в настоящем исследовании подтверждены как достижения, так и проблемные аспекты ее формирования в России. Отмечено, что сегодня в общемировом масштабе цифровая модернизация выходит на стадию построения цифрового общества как новой глобальной системы, и дополнительный импульс этому процессу придает кризисная ситуация, связанная с распространением новой коронавирусной инфекции. Среди основных проблем цифровой модернизации в России – отставание в развитии цифровой инфраструктуры, цифровое неравенство между регионами и цифровизация потребления в ущерб развитию цифровых производств и формированию высокой добавленной стоимости в цифровой промышленности. В то же время положительными тенденциями являются заинтересованность отечественного бизнеса в осуществлении цифровых преобразований и высокие, на уровне мировых, показатели цифровизации сектора государственных услуг. **Результаты.** На основе проведенного анализа основными задачами на пути развития цифровой экономики в нашей стране авторам статьи видятся ускоренное развитие цифровой инфраструктуры, масштабная цифровизация промышленности и базовых сфер жизнедеятельности, а также развитие цифровой грамотности населения и модернизация системы образования с целью подготовки кадров для цифровой экономики.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровые технологии, тенденции, рейтинги и индексы цифровизации, задачи развития.

Поступила в редакцию: 12.06.2020 / Принята: 20.06.2020 / Опубликовано: 31.08.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-3-244-255>



Введение

Цифровая модернизация, охватившая все страны мира, поражает своими масштабами, темпами и возможностями. Цифровые преобразования не только кардинально меняют образ жизни людей, организацию производства и экономической деятельности, но и оказывают глубокое влияние на сознание человека, формируя новую культуру цифровой эпохи. В этой связи цифровая модернизация и цифровые преобразования рассматриваются одним из главных факторов экономического роста. Так, по оценкам Всемирного экономического форума, цифровизация в общемировом масштабе может предоставить более 30 трлн долл. США доходов в период до 2025 г. [1]. Согласно исследованиям Глобального института McKinsey, к 2025 г. рост крупнейших экономик мира за счет стоимости, создаваемой цифровыми технологиями, может составить 22% в Китае, а в США в ежегодном выражении оценивается от 1,6 до 2,2 трлн долл. [2]. По некоторым оценкам, доля цифровой экономики уже сейчас составляет 22,5% от общего объема мировой экономики [3].

На протяжении последнего десятилетия наблюдается устойчивая тенденция роста доли цифровой экономики в структуре ВВП разных стран мира [4]. При этом процессы цифровизации в разных странах идут неравномерно. Так, например, доля цифровых видов деятельности в ВВП Индонезии оценивается на уровне 1,5%, а в ВВП Великобритании – до 12,4%. Анализ источников показывает, что для экономически развитых стран характерна более высокая доля цифровой экономики в ВВП, при том что в развивающихся странах средние темпы ее роста несколько выше – в среднем в 1,4 раза ежегодно против 1,28 раза в развитых странах [5].

Масштабы явления помогает оценить исследование, проведенное компаниями Seagate и IDC, в котором отмечается, что если в 2016 г. объем цифровых данных в мире составлял 16 Збайт (10^{21}), то к 2025 г. он увеличится до 163 Збайт. При этом порядка 60% информации будут генерировать компании. При этом к 2025 г. около 20% всей информации в глобальной инфосфере будет играть критически важную роль. Кроме того, прогнозируется, что в 2025 г. почти 20% данных будут представлять собой информацию, генерируемую и полученную в режиме реального времени [6].

При этом следует отметить, что рассмотренные выше оценки сделаны в период, предшествующий складывающейся сейчас новой экономической ситуации, связанной с распространением в мире коронавирусной инфекции и повсеместно принятыми в связи с этим мерами, ограничивающими традиционную экономическую актив-

ность. Согласно общему мнению научного и экспертного сообщества, последствия этих событий должны привести и уже ведут к существенным трансформациям существующей экономической структуры разных стран, основной тенденцией которых является рост объемов и удельного веса цифровых видов экономической деятельности и предоставления цифровых услуг.

Таким образом, наблюдаемые в настоящее время тенденции позволяют охарактеризовать процесс цифровизации как устойчивый и долгосрочный. В этой связи целью настоящей статьи является анализ сущности дефиниции «цифровая экономика», изучение основных трендов ее развития и выявление особенностей формирования в России, а также определение задач развития цифровой экономики в нашей стране в среднесрочном периоде.

При проведении исследования были использованы общенаучные методы структурного, логического и функционального анализа, традиционные приемы диалектического анализа и синтеза, а также специальные методы исследования цифровой экономики на основе международных рейтингов.

Теоретический анализ

Несмотря на то что создание технологий, формирующих цифровую экономику, началось еще в 60-е гг. XX столетия, к исследованию вопросов цифровой модернизации и обобщению понятия цифровой экономики научное сообщество обратилось относительно недавно [7], в связи с чем к настоящему времени в научной и экспертной среде пока не сложился консенсус о том, что следует понимать под этим сложным и многогранным явлением. Начало широкой общественной дискуссии по обсуждению цифровой экономики как явления было положено К. Швабом, который написал две книги, где проанализировал особенности цифровой трансформации современного мирохозяйственного уклада и сделал вывод о том, что сегодня появление и развитие любых новых технологий и процессов так или иначе связано с цифровизацией [8, 9].

Впервые данный термин ввел в научный оборот американский ученый Н. Негропonte [10]. В традиционном, классическом представлении цифровая экономика – это экономика, основанная на цифровых компьютерных технологиях. При этом, главным образом, подразумевается не столько разработка программного обеспечения и ИКТ-оборудования, сколько прямой онлайн бизнес, т.е. использование интернет-продаж, сотовой связи, дистанционных форм взаимодействия и т.п. с целью получения электронных товаров и услуг,



пользование электронными сервисами. Цифровую экономику также иногда называют интернет-экономикой, электронной экономикой, информационной экономикой или веб-экономикой и др. [1].

Иные трактовки предполагают более широкое толкование содержания данного термина, в частности, рассматривая цифровую экономику как «часть экономических, культурных и социальных отношений, связанных с системой производства, распределения, обмена или потребления цифровых информационно-коммуникационных технологий» [11, с. 20] или как «совокупность экономических отношений, возникающих при использовании цифровых информационно-коммуникационных технологий» [12, с. 226].

Понять сущность цифровой экономики пытаются как зарубежные, так и отечественные ученые, включая экономистов, ученых-информационщиков, специалистов в области международных отношений и представителей других наук. Так, Р. Бухт и Р. Хигс называют цифровой экономикой «часть общего объема производства, которая целиком или в основном произведена на базе цифровых технологий фирмами, бизнес-модель которых основывается на цифровых продуктах или услугах» [13, с. 155]. А. В. Бабкин и соавторы определяют цифровую экономику как «экономику, характеризующуюся активным внедрением и практическим использованием цифровых технологий сбора, хранения, обработки, преобразования и передачи информации во всех сферах деятельности» [14, с. 12]. В. М. Матвеева рассматривает цифровую экономику в качестве парадигмы ускорения экономического развития с помощью цифровых технологий [15]. А некоторые исследователи полагают, что как таковой цифровой экономики не существует, и рассматривают цифровой сегмент материальной экономики, определяя при этом цифровую экономику как «инфраструктурную надстройку над материальным сектором экономики, которая позволяет повысить эффективность взаимодействия участников процесса экономической деятельности» [16, с. 83]. Кроме того, наряду с понятием «цифровая экономика» встречается в научной литературе также и понятие «цифровизированная экономика», которые отличаются по своему смысловому толкованию [13].

Интересным и наиболее содержательным, по нашему мнению, является определение цифровой экономики, данное О. А. Романовой, которая считает, что «это своеобразный экономический уклад и новый тип хозяйственных отношений, это экономика данных, в рамках которой они создаются, передаются, хранятся, формируя в совокупности цифровые активы, отражающие

динамичное развитие технологических и экономических процессов, меняющуюся социальную парадигму жизни людей. Цифровые активы в такой экономике являются базой принятия обоснованных управленческих решений, повышающих эффективность государственного управления, экономические выгоды бизнеса и благосостояние граждан» [17, с. 57].

Существуют также и официальные толкования данного термина. Так в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы цифровая экономика определяется как «деятельность, в которой ключевыми факторами производства являются данные, представленные в цифровом виде, а их обработка и использование в больших объемах позволяют существенно повысить эффективность, качество и производительность в различных видах производства при хранении, продаже, доставке и потреблении товаров и услуг» [18]. А согласно программе «Цифровая экономика Российской Федерации», это – «хозяйственная деятельность, ключевым фактором производства в которой являются данные в цифровой форме, способствующая формированию информационного пространства с учетом потребностей граждан и общества в получении качественных и достоверных сведений, развитию информационной инфраструктуры Российской Федерации, созданию и применению российских информационно-телекоммуникационных технологий, а также формированию новой технологической основы для социальной и экономической среды» [19].

При этом, несмотря на многообразие трактовок, при рассмотрении экономической сущности данного понятия доминирующим является компонентный подход, включающий три основных компонента цифровой экономики [20]:

- поддерживающая инфраструктура (аппаратное и программное обеспечение, телекоммуникации, сети и др.);
- электронный бизнес, или e-business (ведение хозяйственной деятельности и любых других бизнес-процессов через компьютерные сети);
- электронная коммерция, или e-commerce (дистрибуция товаров через Интернет).

Применяется также и более узкое понимание, когда в состав цифровой экономики включаются отдельные компоненты, например, компьютеры, программное обеспечение, телекоммуникационное оборудование и услуги для передачи сигнала, интернет вещей, поддерживающие структуры, включая здания и сооружения для размещения оборудования и персонала предприятий, а также услуги по наладке и ремонту цифрового оборудования [21].



При этом следует отметить, что цифровая модернизация находится в активной фазе, а формирование цифровой экономики – на стадии своего становления и роста, чем обусловлены и изменения, дополнения и разночтения понятий и сути рассматриваемых явлений в разных источниках. Однако в настоящее время в развитии цифровой экономики достигнут этап, характеризующийся рядом фундаментальных сдвигов, которые позволяют в очередной раз по-новому увидеть и оценить суть цифровой модернизации и которые проявляются в следующих тенденциях:

– все большая ориентация на внедрение цифровых технологий в производственные виды деятельности мирового хозяйства, а не только в сферу коммерческих, социальных и государственных услуг [22];

– переход от использования цифровых технологий для накопления и анализа ретроспективных данных к изучению онлайн-больших данных, причем не только бизнес-характера, но и личностных, не только структурированных, но и неструктурированных, которые, помимо всего прочего, могут представлять критическую важность для жизнедеятельности отдельных социумов;

– постепенное движение от оцифровки отдельных сфер общественно-экономической деятельности к построению цифрового общества как новой глобальной системы.

Здесь уместно заметить, что текущая ситуация с появлением и распространением новой коронавирусной инфекции и последовавшие повсеместные ограничения традиционной экономической активности выступили своеобразными триггерами-ускорителями данных тенденций.

При этом следует отметить, что цифровая экономика тесно переплетается с традиционной, в связи с чем их четкое разграничение является сложной и нетривиальной научной задачей. В этой связи, полностью поддерживая существующие достижения относительно познания этимологической сущности понятия «цифровая экономика», авторская точка зрения заключается в необходимости рассмотрения данной категории в контексте цивилизационных вызовов, сформированных этим явлением и касающихся необходимости приобретения обществом абсолютно новых компетенций и в целом выбора дальнейшей траектории развития (рисунок).

Цифровая экономика – новая парадигма развития общества		
Новое качество экономического развития на основе цифровых технологий и способов обработки информации (Big Data)	Новые цифровые сектора экономики и социальной сферы, которые полностью опираются на цифровые технологии	Социально-экономические трансформации, связанные с цифровизацией экономики и общественной жизни

Авторский подход к толкованию экономической категории «цифровая экономика»
The author's approach to the interpretation of the economic category «Digital economy»

Эмпирический анализ

В Российской Федерации в силу ряда обстоятельств процессы цифровой трансформации начали развиваться несколько позже, чем в экономически развитых странах. В отличие от мировых лидеров, сложившаяся структура экономики России, характеризующаяся доминированием добывающей промышленности и перерабатывающих отраслей низкого передела в металлургии и нефтехимии, а также наличием хозяйственной многоукладности регионов и высокой долей сектора потребительских услуг в сравнении с сектором инжинирингового и высокотехнологичного сервиса, сама по себе объективно тяготеет к поддержанию традиционного индустриального технологического уклада. В результате в настоящее время наблюдается определенное отставание нашей страны как от развитых, так и ряда развивающихся стран по ключевым показателям цифровизации эконо-

мики, в частности – доле цифровых технологий в ВВП [2]. В то же время в целом основные тренды развития цифровой экономики в России корреспондируются с характеристиками других развивающихся стран, включая географических соседей и стран-членов СНГ.

Необходимо при этом отметить, что в последние несколько лет цифровая экономика в России, в том числе благодаря усилиям государства, получила довольно значительное развитие. Сегодня в России широко внедрены цифровые сервисы государственных и муниципальных услуг, масштабно оцифровывается и развивается рынок труда, определенных успехов достигли частные компании. Высокую эффективность показала практика внедрения цифровых технологий при организации жизнедеятельности крупнейшего российского мегаполиса, г. Москвы, в условиях карантинных ограничений весной текущего года. При поддержке государства реализуются



крупные инфраструктурные проекты, направленные на повышение доступности цифровых технологий и услуг для промышленности, населения, малого и среднего бизнеса.

В 2019 г. корпорация Dell Technologies в сотрудничестве с Intel и Vanson Bourne составила индекс цифровой трансформации в компаниях по всему миру. На основе опроса 4600 бизнес-руководителей из более чем сорока стран мира были проанализированы инициативы компаний по цифровой трансформации. Анализ показал, что большинство компаний в мире не успевают за тенденциями цифровой трансформации, в то время как российские компании развиваются в русле мировых тенденций цифровой трансформации: в России 7% компаний можно отнести к компаниям-лидерам, 19% обследованных компаний относятся к цифровым новаторам и только 1% (по сравнению с 9% компаний в мире) – к компаниям, отстающим в цифровой трансформации [23].

В то же время, в отличие от крупнейших по капитализации мировых лидеров, системно развивающих свой бизнес на комплексной цифровой основе, лидирующие по капитализации российские частные компании, принадлежащие к горно-металлургической и топливно-энергетической отраслям, используют цифровые технологии в большей степени фрагментарно, внедряя корпоративные информационные системы управления ресурсами, электронным документооборотом, взаимоотношениями с клиентами, автоматизируя важнейшие производственные процессы, используя технологии промышленного интернета вещей и беспроводной связи. Одновременно крайне слабо используются возможности глобальной кооперации, которая в контексте формирования цифровых экосистем создает дополнительные возможности для всех производителей и потребителей в мировом масштабе вне привязки к их географическому положению.

В результате по уровню цифровизации некоторые отрасли отечественной экономики приближаются к мировому уровню (например финансы, образование), в то время как в большинстве ключевых секторов (добывающая и обрабатывающая промышленность, транспорт, энергетика) Россия пока серьезно отстает от ведущих европейских стран. При этом необходимо отметить, что 78% руководителей крупных российских компаний считают цифровую трансформацию своим приоритетом на ближайшие 3–5 лет [24], что, безусловно, дает основания для оптимистичных прогнозов по развитию цифровизации в производственном секторе экономики нашей страны.

Так, согласно опросу Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, в 2019 г. более 70% руководителей промышленных организаций сообщили, что на их предприятиях цифровые технологии уже внедрены, при этом 45,5% участников опроса планируют расширить их применение, причем каждый пятый (21,2%) – уже в 2020 г., а каждый третий (36,9%) – в течение ближайших пяти лет [25]. Опрос проводился среди руководителей 1784 организаций (1163 организации промышленности и 621 ИТ-компания) из 30 регионов страны, представляющих все федеральные округа Российской Федерации. В большинстве обследованных организаций цифровые технологии применяются при производстве продукции и услуг (48,2%) и в управлении и администрировании (бухгалтерия, финансы, кадры и проч.) (45,5%). При этом только 28,4% респондентов сообщили об использовании отечественных цифровых разработок в бизнес-процессах своих компаний.

Не следует также забывать о том, что цифровая экономика включает в себя цифровой рынок. И если крупный российский бизнес может позволить себе приобретение самого современного ИКТ-оборудования и внедрение передовых цифровых решений, то представители малого и среднего бизнеса существенно ограничены как в финансовых ресурсах, так и, соответственно, в технологических. И данный аспект тоже оказывает негативное влияние на темпы цифровизации в нашей стране, создавая к тому же проблему «цифрового неравенства» между разными регионами, крупными и малыми городами, сельскими поселениями. Так, например, среднестатистическому потребителю в России недоступны такие современные «цифровые блага» как, например, «умный дом», а развитие такого, в принципе, востребованного в сельской местности бизнеса, как автоматизированные передвижные магазины, дорого, нерентабельно и рискованно для среднестатистического частного отечественного предпринимателя.

Поэтому, несмотря на наличие программных стратегических документов, на практике цифровизация в нашей стране рассматривается в большей степени с позиции прикладного инструментария, а не фундаментального базиса новых экономических и социальных возможностей. В результате наблюдаемые сегодня основные тенденции развития цифровой экономики в России фактически сужаются до развития коммуникационных и информационных сетей и сервисов для получения услуг, что подтверждается данными ряда авторитетных международных рейтингов оценки уровня развития цифровой экономики.



При этом цифровая инфраструктура в целом в стране пока еще развита недостаточно, хотя в отдельных регионах, и в первую очередь в крупнейших городах – Москве и Санкт-Петербурге, она соответствует мировому уровню.

Так, по данным рейтинга электронного правительства ООН (E-Government Development

Index, EGDI), который в настоящее время является одним из ключевых индикаторов развития информационного общества и рассчитывается каждые два года начиная с 2002 г., Россия в 2018 г. заняла 32-е место среди 193 стран, по которым проводился расчет, поднявшись с предыдущей оценки в 2016 г. на три позиции (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Рейтинг электронного правительства ООН и его компоненты

United Nations e-government rating and its components

2018	2016	2018/2016	Страна	EGDI	ТИ	НСИ	ОСИ
1	9	+ 8	Дания	0,915	0,7978	0,9472	1
2	2	–	Австралия	0,9053	0,7436	1	0,9722
3	3	–	Республика Корея	0,901	0,8496	0,8743	0,9792
...					
10	11	+ 1	Япония	0,8783	0,8406	0,8428	0,9514
11	12	+ 1	США	0,8769	0,7564	0,8883	0,9861
12	15	+ 3	Германия	0,8765	0,7952	0,9036	0,9306
...					
31	20	– 11	Израиль	0,7998	0,7095	0,8635	0,8264
32	35	+ 3	Россия	0,7969	0,6219	0,8522	0,9167
33	36	+ 3	Польша	0,7926	0,5805	0,8668	0,9306
34	34	–	Уругвай	0,7858	0,6967	0,7719	0,8889
...					
38	49	+ 11	Беларусь	0,7641	0,6881	0,8681	0,7361
39	33	– 6	Казахстан	0,7597	0,5723	0,8388	0,8681
...					
193	193	–	Сомали	0,0566	0,0586	0	0,1111

Сост. по: [26].

Индекс EGDI включает в свой состав три субиндекса (рассчитывается как среднее арифметическое):

– субиндекс телекоммуникационной инфраструктуры (Telecommunication Infrastructure Index (ТИ), характеризует развитие фиксированной, сотовой связи и Интернета);

– субиндекс человеческого капитала (Human Capital Index (НСИ), предназначен для оценки грамотности населения и вовлеченности в образование);

– субиндекс онлайн-услуг (Online Service Index (ОСИ), оценивает государственные онлайн-услуги методом изучения официальных веб-сайтов).

Следует отметить, что в 2014 и 2012 гг. наша страна занимала 27-ю строчку данного рейтинга, а в 2010 г. – 59-ю [26]. При этом, как показывает структура индекса EGDI для России, самое высокое значение имеет субиндекс онлайн-услуг

(ОСИ), затем следует субиндекс человеческого капитала (НСИ), которые характеризуют «цифровизацию потребления», происходящую, главным образом, за счет высокотехнологичного импорта и цифровых услуг, а не организации собственного производства товаров цифровой экономики. Именно эти два субиндекса обеспечивают более высокое место России в рейтинге, в то время как российский субиндекс телекоммуникационной инфраструктуры (ТИ) ниже, чем, например, в Уругвае или Республике Беларусь, которые по совокупности занимают более низкие строчки данного рейтинга.

Интересное обстоятельство иллюстрирует рейтинг индекса EGDI для крупнейших городов мира, впервые рассчитанный по 40 городам в 2018 г. С помощью индикаторов оценивались технические аспекты, контентное наполнение сайтов государственных и муниципальных услуг, а также вовлеченность граждан в использование



электронных сервисов и инициатив. Первое место заняла Москва (достигнув требуемого уровня по 55 из 60 индикаторов), опередив Кейптаун и Таллин, разделивших 2-е место (по 53 индикатора), Лондон и Париж, занявших 3-е место с 51 индикатором каждый. Нью-Йорк в этом рейтинге оказался на 14-м месте (46 индикаторов), а Токио – на 19-м (41 индикатор) [26].

Исследователи Бостонской консалтинговой группы (BCG), рассчитывая индекс цифровизации экономик разных стран (e-Intensity), обратили внимание на негативный тренд, который заключается в том, что развитие цифровых технологий в России слабо трансформируется в увеличение выпуска товаров и услуг, т. е. не приводит к росту цифровой добавленной стоимости и, соответственно, ВВП [27]. Индекс цифровизации экономики рассчитывается как средневзвешенная сумма трех субиндексов, суммарно включающих 28 показателей:

- развитие инфраструктуры (вес – 50%);
- онлайн-расходы (25%);
- активность пользователей (25%).

Индекс e-Intensity анализируется по 85 странам, включая все страны ЕС. Россия с 2016 г. занимает 39-е место в данном рейтинге [28].

Определенные проблемы и трудности на пути развития цифровой экономики России фиксирует также индекс развития информационно-коммуникационных технологий (ICT Development Index), ежегодно измеряемый на основании статистических данных Международным союзом электросвязи с 2007 г. ICT Development Index включает в себя три субиндекса:

- доступ к информационно-коммуникационным технологиям;
- использование ИКТ;
- навыки использования ИКТ.

С марта 2017 г. этот индекс в составе трех субиндексов совокупно включает 14 показателей (вместо 11, предусмотренных первоначально) и рассчитывается по 176 странам мира. Сводная динамика ICT Development Index представлена в табл. 2. Как видно, с 2012 по 2017 г. Россия уступила другим странам 4 позиции в этом рейтинге, несмотря на абсолютный рост итогового показателя. В настоящее время выпуск ICT Development Index приостановлен в связи с пересмотром показателей и методик их измерения. Возобновление расчетов рейтинга запланировано на 2020 г.

Таблица 2 / Table 2

**Индекс развития ИКТ в странах мира
World ICT Development Index**

2012			2017		
Место	Страна	Значение	Место	Страна	Значение
41	Россия	6,48	45	Россия	7,07
1	Южная Корея	8,81	1	Исландия	8,98
2	Дания	8,78	2	Южная Корея	8,85
3	Швеция	8,68	3	Швейцария	8,74
4	Исландия	8,58	4	Дания	8,71
5	Нидерланды	8,36	5	Великобритания	8,65
6	Норвегия	8,35	6	Гонконг	8,61
7	Великобритания	8,28	7	Нидерланды	8,49
8	Финляндия	8,27	8	Норвегия	8,47

Сост. по: [5, 29].

В последние несколько лет показатели экономического роста в России в силу различных обстоятельств были достаточно скромными. В настоящее время, учитывая общемировой экономический кризис, связанный с глобальной коронавирусной пандемией, очевидно, что экономику страны по итогам 2020 г. ожидает падение, темпы которого в годовом исчислении варьируются по разным оценкам от 4% по оптимистическому сценарию до 12% по пессимистическому. Од-

нако дальнейшее ускорение экономического и социального развития страны возможно лишь при условии активных цифровых преобразований. Успешный опыт ведущих стран мира свидетельствует, что непосредственный эффект от комплексного развития цифровой экономики составляет 20% ВВП в течение пяти лет.

Следует отметить, что на высшем государственном уровне в России существует понимание необходимости реализации именно



такой траектории социально-экономического развития, о чем свидетельствует и проведенное Президентом России 10 июня 2020 г. совещание по вопросам развития отрасли ИКТ и связи, по результатам которого в ближайшее время должен быть разработан комплексный план развития отечественной ИКТ-отрасли, включающий в себя серьезные налоговые льготы для ИКТ-компаний, разрабатывающих отечественный софт, упрощение процедур ввоза радиоэлектронных компонентов, не имеющих отечественных аналогов, предоставление субсидий на разработку новых ИКТ-продуктов, активное импортозамещение ПО и ИКТ-оборудования при проведении государственных закупок, а также формирование федерального проекта по развитию искусственного интеллекта [30].

Не подлежит сомнению тот факт, что изменения, происходящие сегодня в мировой экономике, – это, с одной стороны, серьезный вызов, а с другой – новые возможности для поиска специализации России в глобальной цифровой среде и формирования на этой основе стратегии модернизации национальной экономики. В данном контексте актуальной задачей для нашей страны является реализация собственной цифровой повестки и стратегии. Причем следует отметить, что иного выбора нет – цифровая инфраструктура и цифровизация будут развиваться в любом случае, при поддержке государства или в результате реализации совокупности локальных бизнес-инициатив. Постепенный переход на электронный учет и электронное управление, развитие цифровых производств, цифровых рынков и сервисов, включение в международный онлайн-бизнес – это не выбор, а необходимость, формирующая текущую повестку экономического развития страны. Согласно оценкам экспертов Глобального института McKinsey, потенциальный экономический эффект от цифровизации экономики России может увеличить ВВП страны к 2025 г. на 4,1–8,9 трлн руб. (в ценах 2015 г.) [2].

Учитывая результаты анализа основных трендов и особенностей формирования цифровой экономики в России, сценарий цифровизации в нашей стране, по мнению авторов, должен предусматривать следующие ключевые мероприятия:

– ускоренное развитие всех видов цифровой инфраструктуры (широкополосный доступ; цифровое телевидение; инфраструктура для интернета вещей, кибербезопасности и облачных технологий хранения данных; онлайн-расчеты; блокчейн; инфраструктура идентификации, публичных и социальных услуг, в том числе в образовании и медицине, и др.);

– цифровизация промышленности (создание и развитие инфраструктуры «Индустрии 4.0», реализация концепции Фабрик Будущего (цифровые, умные и виртуальные фабрики), создание «цифровых рабочих мест», формирование цифровых экосистем промышленных предприятий);

– цифровизация базовых сфер жизнедеятельности – образование, здравоохранение, жилищно-коммунальное хозяйство, городская среда, в том числе цифровая трансформация средней школы и высшего образования, внедрение e-Health и e-безопасности, реализация концепции «Умный город»;

– масштабное развитие цифровых компетенций населения, начиная от элементарной цифровой грамотности до формирования современной, конкурентной системы подготовки кадров путем укрепления и дальнейшего развития STEM-образования (естественные науки, технологии, инженерное искусство, математика);

– дальнейшее развитие внутреннего ИКТ-рынка и отечественной ИКТ-отрасли как триггеров цифровизации всей социально-экономической системы страны с учетом приоритета отечественных разработок на внутреннем рынке, а также их активного продвижения на внешних рынках с целью получения высокой добавленной стоимости от экспорта высокотехнологичных, интеллектуальных товаров и услуг;

– размещение крупных Дата-центров на промышленных площадках действующих атомных электростанций с целью обеспечения «цифровой безопасности» страны и формирования высокотехнологичного экспорта в виде предоставления услуг расчетных мощностей и хранения данных.

Результаты

Резюмируя, следует отметить, что цифровизация является неотъемлемым элементом современной жизни, а цифровая экономика выступает ключевым звеном повышения эффективности развития бизнеса, отраслей хозяйства, социальной сферы и системы государственного и муниципального управления.

Как показывает хозяйственный опыт передовых стран, именно цифровая экономика является акселератором социально-экономической жизни общества в современном мире, а процессы цифровизации, разработки и внедрения новых цифровых технологий – наиболее эффективными инструментами роста ВВП и других ключевых показателей социально-экономического развития.

Учитывая сложившиеся особенности цифровой модернизации в России, основными за-



дачами на пути развития цифровой экономики для нашей страны являются ускоренное развитие цифровой инфраструктуры, масштабная цифровизация промышленности и базовых сфер жизнедеятельности, а также развитие цифровой грамотности населения и модернизация системы образования с целью подготовки кадров для цифровой экономики.

Список литературы

1. Тесленко И. Б., Дигилина О. Б., Муравьева Н. В., Абдуллаев Н. В. Развитие экосистемы цифровой экономики в России // Экономика и предпринимательство. 2018. № 9 (98). С. 150–154.
2. Цифровая Россия : новая реальность. URL: <http://www.tadviser.ru/images/c/c2/Digital-Russia-report.pdf> (дата обращения: 10.06.2020).
3. Knickrehm M., Berthon V., Daugherty P. Digital disruption : The growth multiplier. Optimizing digital investments to realize higher productivity and growth. Dublin : Accenture, 2016. 12 p. URL: https://www.accenture.com/_acnmedia/PDF4/Accenture-Strategy-Digital-Disruption-Growth-Multiplier.pdf (дата обращения: 10.06.2020).
4. Сагынбекова А. С. Цифровая экономика : понятие, перспективы, тенденции развития в России // Теория. Практика. Инновации. 2018. № 4 (28). С. 255–267.
5. Дворкович А. В., Дворкович В. П., Седова М. А. «Цифровая экономика», мировая практика разработки высокоэффективных цифровых систем телерадиовещания и проблемы их внедрения в России // Цифровая обработка сигналов. 2017. № 3. С. 3–12.
6. Бетелин В. Б. Проблемы и перспективы формирования цифровой экономики в России // Вестн. Рос. акад. наук. 2018. Т. 88, № 1. С. 3–9. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0869587318010012>
7. Пороховский А. А. Цифровизация и искусственный интеллект : перспективы и вызовы // Экономика. Налоги. Право. 2020. № 13 (2). С. 84–91. DOI: [10.26794/1999-849X-2020-13-2-84-91](https://doi.org/10.26794/1999-849X-2020-13-2-84-91)
8. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М. : Изд-во «Э», 2017. 208 с.
9. Шваб К. Технологии четвертой промышленной революции. М. : Эксмо, 2019. 320 с.
10. Negroponte N. Bits & Atoms. URL: <https://www.phoenix.edu/lectures/nicholas-negroponte/bits-and-atoms.html> (дата обращения: 11.06.2020).
11. Силин Я. П., Анимича Е. Г. Контуры формирования цифровой экономики в России // Изв. УрГЭУ. 2018. Т. 19, № 3, С. 18–25. DOI: [10.29141/2073-1019-2018-19-3-3](https://doi.org/10.29141/2073-1019-2018-19-3-3)
12. Дуплякина О. К., Мирошниченко М. А. Необходимые условия развития цифровой экономики в России // Экономика знаний в России : от генерации знаний и инноваций к когнитивной индустриализации : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 2017. С. 225–232.
13. Бухт Р., Хикс Р. Определение, концепция и измерение цифровой экономики // Вестн. международных организаций. 2018. Т. 13, № 2. С. 143–172. DOI: [10.17323/1996-7845-2018-02-07](https://doi.org/10.17323/1996-7845-2018-02-07)
14. Бабкин А. В., Буркальцева Д. Д., Костень Д. Г., Воробьев Ю. Н. Формирование цифровой экономики в России : сущность, особенности, техническая нормализация, проблемы развития // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2017. Т. 10, № 3. С. 9–25. DOI: [10.18721/JE.10301](https://doi.org/10.18721/JE.10301)
15. Матвеева В. М. Цифровая экономика : тренды и перспективы // Инновационное развитие социально-экономических систем : условия, результаты и возможности : сб. материалов V Междунар. науч.-практ. конф. М. : Гос. гуманист.-технол. ун-т, 2017. С. 98–104.
16. Акбердина В. В. Трансформация промышленного комплекса России в условиях цифровизации экономики // Изв. УрГЭУ. 2018. Т. 19, № 3. С. 82–99. DOI: [10.29141/2073-1019-2018-19-3-8](https://doi.org/10.29141/2073-1019-2018-19-3-8)
17. Романова О. А. Стратегии социально-экономического развития регионов РФ в контексте вызовов цифровой экономики // Изв. УрГЭУ. 2018. Т. 19, № 3 С. 55–68. DOI: [10.29141/2073-1019-2018-19-3-6](https://doi.org/10.29141/2073-1019-2018-19-3-6)
18. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 10.06.2020).
19. Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» : распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р. URL: <http://government.ru/docs/28653> (дата обращения: 10.06.2020).
20. Пекарская А. Ю. Особенности контроля за налогообложением в условиях развития цифровой экономики // Белорусский экономический журнал. 2018. № 1 (82). С. 84–96.
21. Barefoot K., Curtis D., Jolliff W. A., Nicholson J. R., Omohundro R. Defining and measuring the digital economy. U.S.: BEA Working Paper, 2018. March 15. 18 p.
22. Славин Б. Экономика России. Век цифровой? // БИТ. Бизнес & Информационные технологии. 2017. № 3 (66). С. 6–9.
23. Digital Transformation Index / Research & Insights // DellTechnologies (2019). URL: https://www.delltechnologies.com/ru-ru/perspectives/digital-transformation-index.htm?utm_source=IDA+distribution+list&utm_campaign=22bbb95744-EMAIL_CAMPAIGN_2020_01_28_07_40_COPY_01&utm_medium=email&utm_term=0_743d922b1e-22bbb95744-258580665#scroll=off (дата обращения: 10.06.2020).
24. Каков Индекс готовности российских компаний к цифровой трансформации? 2019. URL: https://www.delltechnologies.com/ru-ru/perspectives/digital-transformation-index.htm?utm_source=IDA+distribution+list&utm_campaign=22bbb95744-EMAIL_CAMPAIGN_2020_01_28_07_40_COPY_01&utm_medium=email&utm_term=0_743d922b1e-22bbb95744-258580665#scroll=off



- hr-media.ru/kakov-indeks-gotovnosti-rossiyskih-kompaniy-k-tsifrovooy-transformatsii/ (дата обращения: 08.06.2020).
25. Абдрахманова Г. И., Вишневецкий К. О., Утятина К. Е., Левен Е. И. Цифровые технологии в промышленности и ИТ-отрасли // Экспресс-информация. НИУ ВШЭ. Институт статистических исследований и экономики знаний. 27.05.2020. URL: <https://issek.hse.ru/news/368076191.html> (дата обращения: 02.06.2020).
 26. Рейтинг электронного правительства ООН. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Рейтинг_электронного_правительства_ООН (дата обращения: 11.06.2020).
 27. BCG e-Intensity. URL: https://www.bcgperspectives.com/content/interactive/telecommunications_media_entertainment_bcg_e_intensity_index/ (дата обращения: 10.06.2020).
 28. Кох Л. В., Кох Ю. В. Анализ существующих подходов к измерению цифровой экономики // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2019. Т. 12, № 4. С. 78–89. DOI: 10.18721/JE.12407
 29. Рейтинг стран мира по уровню развития информационно-коммуникационных технологий. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/ict-development-index/ict-development-index-info> (дата обращения: 10.06.2020).
 30. Совещание по вопросам развития информационно-коммуникационных технологий и связи. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63493> (дата обращения: 04.06.2020).

Образец для цитирования:

Ткаченко И. Н., Стариков Е. Н. Цифровая экономика: основные тренды и задачи развития // Изв. Саратовского государственного университета. Сер. Экономика. Управление. Право. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 244–255. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-3-244-255>

Digital Economy: Key Trends and Development Objectives

I. N. Tkachenko, Y. N. Starikov

Irina N. Tkachenko, <https://orcid.org/0000-0003-0996-0684>, Ural State Economic University, 62/45 8 Marta/Narodnoy Voli St., Ekaterinburg 620144, tkachenko@usue.ru

Yevgeniy N. Starikov, <https://orcid.org/0000-0002-3465-7233>, Ural State Economic University, 62/45 8 Marta/Narodnoy Voli St., Ekaterinburg 620144, starik1705@yandex.ru

Introduction. This study aims to analyze the essence of “digital economy” definition, study the main trends in its development and identification of the specifics of its formation in Russia, as well as the definition of the digital economy developing objectives in our country in the medium term. **Theoretical analysis.** Today digital economy has become an integral part of the socio-economic development. Thus, the analysis of digitalization trends, the assessment of its role in society, the impact of digital modernization on economic growth and life quality indicators are the most important research objectives. The article analyzes approaches to defining the concept of digital economy as a socio-economic phenomenon, on the basis of which the author’s approach to the interpretation of the economic category of “digital economy” is proposed. The global trends of digital economy development and the features of its formation in Russia are considered. **Empirical analysis.** Based on the main world digital economy ratings’ analysis, this study confirms both the achievements and the problematic aspects of its formation in Russia. It is noted that today, on a global scale, digital modernization is moving to the stage of building a digital society as a new global system and an additional impact to this process is given by the economy crisis connected with spreading of the new coronavirus infection. Among the main problems of digital modernization in Russia are the lag in the digital infrastructure de-

velopment, the digital divide between regions and the consumption digitalization to the detriment of the digital industries development and creating of high added value into the digital industry. At the same time, the positive trends are the domestic business interest in digital transformations and the world class level of public services sector digitalization. **Results.** Based on the analysis, the article’s authors see the accelerated development of digital infrastructure, large-scale digitalization of industry and basic life spheres, as well as the digital literacy development and the education system modernization, as main objectives on the way to the digital economy development in our country.

Keywords: digital economy, digital technologies, trends, digitalization ratings and indexes, development objectives.

Received: 12.06.2020 / Accepted: 20.06.2020 / Published: 31.08.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Teslenko I. B., Digilina O. B., Murav’eva N. V., Abdul-laeV N. V. Development a digital economy ecosystem in Russia. *Ekonomika i predprinimatel’stvo* [Journal of Economy and Entrepreneurship], 2018, no. 9 (98), pp. 150–154 (in Russian).
2. *Tsifrovaya Rossiya: novaya real’nost’* (Digital Russia: a new reality). Available at: <http://www.tadviser.ru/images/c/c2/Digital-Russia-report.pdf> (accessed 10 June 2020) (in Russian).
3. Knickrehm M., Berthon B., Daugherty P. *Digital disruption: The growth multiplier. Optimizing digital investments to realize higher productivity and growth*. Dublin, Accenture, 2016. 12 p. Available at: https://www.accenture.com/_acnmedia/PDF4/Accenture-Strategy-Digital-Disruption-Growth-Multiplier.pdf (accessed 10 June 2020).



4. Sagynbekova A. S. Digital economy: concept, perspectives, development trends in Russia. *Teoriya. Praktika. Innovatsii* [Theory. Practice. Innovation], 2018, no. 4 (28), pp. 255–267 (in Russian).
5. Dvorkovich A. V., Dvorkovich V. P., Sedova M. A. “Digital economy”, the global practice of developing high-performance digital broadcasting systems and the problems of their implementation in Russia. *Tsifrovaya obrabotka signalov* [Digital signal processing], 2017, no. 3, pp. 3–12 (in Russian).
6. Betelin V. B. On the Problem of the Digital Economy Formation in Russia. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2018, vol. 88, no. 1, pp. 3–9 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.7868/S0869587318010012>
7. Porokhovskii A. A. Digitalization and Artificial Intelligence: Prospects and Challenges. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economics, taxes & law], 2020, no. 13 (2), pp. 84–91 (in Russian). DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-2-84-91
8. Shvab K. *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The fourth industrial revolution]. Moscow, Publishing House “E”, 2017. 208 p (in Russian).
9. Shvab K. *Tekhnologii chetvertoi promyshlennoi revolyutsii* [Technologies of the Fourth Industrial Revolution]. Moscow, Exmo Publ., 2019. 320 p. (in Russian).
10. Negroponte N. *Bits & Atoms*. Available at: <https://www.phoenix.edu/lectures/nicholas-negroponte/bits-and-atoms.html> (accessed 11 June 2020).
11. Silin Ya. P., Animitsa E. G. Contours of the digital economy in Russia. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Journal of the Ural State University of Economics], 2018, vol. 19, no. 3, pp. 18–25 (in Russian). DOI: 10.29141/2073-1019-2018-19-3-3
12. Duplyakina O. K., Miroshnichenko M. A. Necessary conditions for the development of the digital economy in Russia. *Ekonomika znaniy v Rossii: ot generatsii znaniy i innovatsii k kognitivnoi industrializatsii* [Economy of knowledges in Russia: from the generation of knowledges and innovations to cognitive industrialization. Materials of the IX Int. Sci. and Pract. Conf.]. Krasnodar, Kuban State University, 2017, pp. 225–232 (in Russian).
13. Bukht R., Heeks R. Defining, Conceptualising and Measuring the Digital Economy. *International Organisations Research Journal*, 2018, vol. 13, no. 2, pp. 143–172 (in English). DOI: 10.17323/19967845-2018-02-07
14. Babkin A. V., Burkaltseva D. D., Vorobev D. G., Kosten Yu. N. Formation of digital economy in Russia: essence, features, technical normalization, development problems. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics*, 2017, vol. 10, no. 3, pp. 9–25 (in Russian). DOI: 10.18721/JE.10301
15. Matveeva V. M. Digital economy: trends and prospects. *Innovatsionnoe razvitiye sotsial’no-ekonomicheskikh sistem: usloviya, rezul’taty i vozmozhnosti* [Innovative development of socio-economic systems: Conditions, results and opportunities. Collection of materials of the V Int. Sci. and Pract. Conf.]. Moscow, State Humanities and Technology University, 2017, pp. 98–104 (in Russian).
16. Akberdina V. V. The Transformation of the Russian Industrial Complex Under Digitalisation. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Journal of the Ural State University of Economics], 2018, vol. 19, no. 3, pp. 82–99 (in Russian). DOI: 10.29141/2073-1019-2018-19-3-8
17. Romanova O. A. Russian Regions’ Socioeconomic Development Strategies in the Context of Challenges Posed by the Digital Economy. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Journal of the Ural State University of Economics], 2018, vol. 19, no. 3, pp. 55–68 (in Russian). DOI: 10.29141/2073-1019-2018-19-3-6
18. *On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030*. Decree of the President of the Russian Federation of May 9, 2017 no. 203. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (accessed 10 June 2020) (in Russian).
19. On approval of the program “Digital Economy of the Russian Federation”. Decree of the Government of the Russian Federation of July 28, 2017 no. 1632-р. Available at: <http://government.ru/docs/28653> (accessed 10 June 2020) (in Russian).
20. Pekarskaya A. Yu. Specific of taxation surveillance in the context of digital economics development. *Belorusskii ekonomicheskii zhurnal* [Belarusian Economic Journal], 2018, no. 1 (82), pp. 84–96 (in Russian).
21. Barefoot K., Curtis D., Jolliff W. A., Nicholson J. R., Omohundro R. *Defining and measuring the digital economy*. U.S., BEA Working Paper, 2018, March 15. 18 p.
22. Slavin B. The economy of Russia. The digital age? *BIT. Biznes & Informatsionnye tekhnologii* [BIT. Business & Information Technology], 2017, no. 3 (66), pp. 6–9 (in Russian).
23. Digital Transformation Index / Research & Insights. *DellTechnologies* (2019). Available at: https://www.delltechnologies.com/ru-ru/perspectives/digital-transformation-index.htm?utm_source=IDA+distribution+list&utm_campaign=22bbb95744-EMAIL_CAMPAIGN_2020_01_28_07_40_COPY_01&utm_medium=email&utm_term=0_743d922b1e-22bbb95744-258580665#scroll=off (accessed 10 June 2020).
24. *Kakov Indeks gotovnosti rossiiskikh kompanii k tsifrovoy transformatsii? 2019* (What is the Index of Russian Companies’ Readiness for Digital Transformation? 2019). Available at: <https://hr-media.ru/kakov-indeks-gotovnosti-rossiyskih-kompaniy-k-tsifrovoy-transformatsii/> (accessed 8 June 2020) (in Russian).
25. Abdrakhmanova G. I., Vishnevskii K. O., Utyatina K. E., Leven E. I. Digital technologies in industry and IT-industry. *Express information HSE. Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge*. 27.05.2020.



- Available at: <https://issek.hse.ru/news/368076191.html> (accessed 2 June 2020) (in Russian).
26. *Reiting elektronnoogo pravitel'stva OON* (UN e-government rating). Available at: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Рейтинг_электронного_правительства_ООН (accessed 11 June 2020) (in Russian).
27. *BCG e-Intensity*. Available at: https://www.bcgperspectives.com/content/interactive/telecommunications_media_entertainment_bcg_e_intensity_index/ (accessed 10 June 2020).
28. Kokh L. V., Kokh Yu. V. Analysis of existing approaches to measuring of digital economy. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics*, 2019, vol. 12, no. 4, pp. 78–89 (in Russian). DOI: 10.18721/JE.12407
29. *Reiting stran mira po urovnyu razvitiya informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologii* (Rating of the world countries in terms of information and communication technologies development). Available at: <https://gtmarket.ru/ratings/ict-development-index/ict-development-index-info> (accessed 10 June 2020) (in Russian).
30. *Soveschanie po voprosam razvitiya informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy i svyazi* (Meeting on the development of information and communication technologies and communications). Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63493> (accessed 4 June 2020) (in Russian).

Cite this article as:

Tkachenko I. N., Starikov Y. N. Digital Economy: Key Trends and Development Objectives. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 244–255 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-3-244-255>



УДК 339.972(73)

Федеральное финансирование научных исследований и разработок в США: объем, структура, перспективные направления

В. Н. Минат

Минат Валерий Николаевич, кандидат географических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента, Рязанский государственный агротехнологический университет имени П. А. Костычева, minat.valera@yandex.ru

Введение. В современных условиях развитие научных исследований и разработок в США тесно связано с функционированием институциональной среды, финансовой основой которой в значительной мере выступает федеральное правительство. Исторически сложившаяся структура финансирования фундаментальных и прикладных исследований и разработок из государственного бюджета США отражает запросы социально-экономического развития страны как в отраслевом, так и в территориальном аспектах. **Теоретический анализ.** Влияние прямого государственного финансирования, осуществляемого через систему заказов (контрактов), на сферу американских НИОКР остается велико уже на протяжении 70 лет. Сформировавшиеся во времени и пространстве устойчивые направления финансирования исследований и разработок, осуществляемые федеральным правительством США, объединяются управленческой парадигмой «мобилизация на месте», предусматривающей проведение рационального и эффективного использования потенциала заинтересованных сторон – заказчиков и исполнителей. **Эмпирический анализ.** Проведен анализ характерных изменений институциональной и территориальной структур распределения федерального финансирования по основным категориям исследований и разработок, по секторам научных исследований, заказчикам и исполнителям НИОКР и ведущим штатам страны. **Результаты.** Выявлены структурные соотношения в системе «заказчик – исполнитель» в рамках государственной исследовательской программы, финансируемой федеральным правительством в период 2010–2019 гг., опирающиеся на эмпирические исследования и в целом подтверждающие теоретические положения о взаимных интересах в области специфических НИОКР, необходимых для развития конкретных секторов экономики и социальной сферы США. Показаны особенности распределения и территориального размещения федерального финансирования исследований и разработок в современных Соединенных Штатах. Даны оценочные и прогнозные суждения по поводу возможных структурных изменений федерального финансирования исследований и разработок в США на ближайшую перспективу.

Ключевые слова: научные исследования и разработки, федеральное финансирование, исследовательская программа США, территориальная концентрация.

Поступила в редакцию: 15.04.2020 / Принята: 15.05.2020 / Опубликовано: 31.08.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-3-256-265>



Введение

Система научно-технического развития, действующая в Соединенных Штатах Америки в последние 10–20 лет и унаследовавшая свои основные традиции с 40–50-х гг. прошлого века, характеризуется глубокими преобразованиями в науке, технике, производстве, стремительным возрастанием социальной роли науки, ее влияния на все стороны общественной жизни. Научные исследования и разработки продолжают оставаться в Соединенных Штатах основой и движущей силой современного производства, оказывая определяющее воздействие на темпы, масштабы и структуру социальных преобразований, открывая новые возможности их научного предвидения и управления развитием социальных процессов. Все возрастающие масштабы как фундаментальной научной деятельности, так и прикладных исследований и разработок, вовлечение в эти сферы все большего числа людей, глубокие социальные последствия, вызываемые развитием науки и техники, делают объективно необходимыми эффективную организацию и управление этими процессами в масштабах общества, основанные на достаточном объеме и целесообразной структуре их финансирования.

Национальная научная политика в самом общем смысле слова есть направляющая деятельность, система мероприятий государственной власти, ее законодательных и исполнительных органов в области науки и техники. Поэтому особое место в системе финансового обеспечения исследований и разработок в США играет федеральное финансирование.

Американским законодательством, регулирующим финансирование исследований и разработок, закреплена ряд функций, реализация которых может быть осуществлена лишь на государственном (общенациональном) уровне. К числу этих функций следует отнести: определение размеров национальных ассигнований на научные исследования, планирование развития науки, планирование капиталовложений в науку, текущих и перспективных, координацию планов работы научно-исследовательских организаций, систематическое изучение факторов, влияющих на эффективность работы научно-исследователь-



ских учреждений, и разработку необходимых мероприятий, обеспечивающих эффективность научной деятельности, с одной стороны, и организацию внедрения результатов научных исследований в практику, с другой.

Для решения вопросов, связанных с планированием и осуществлением общенациональной (государственной) политики в Соединенных Штатах, функционируют специальные органы, которые вместе с тем на протяжении многих лет публикуют официальные статистические данные по всем разделам организации американских научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (НИОКР), в том числе связанные с объемом и структурой финансирования последних. Среди источников статистической информации особо выделяются издания Национального научного фонда (National Science Foundation), Американской ассоциации содействия развитию науки (American Association for the Advancement of Science), Бюджетного управления Конгресса США (Congressional Budget Office).

Объемы и структура финансирования НИОКР в Соединенных Штатах, осуществляемого федеральным правительством и другими общественными институтами, изучались как российскими [1–3], так и американскими [4–6] учеными, территориальный аспект данной проблематики (выявление региональных различий) также нашел свое отражение в ряде западных исследований [7, 8].

Цель настоящего исследования состоит в выявлении существующей тенденции, определяющей сложившуюся структуру федерального финансирования американских НИОКР по основным категориям, секторам, заказчикам и исполнителям исследований и разработок, их территориальному размещению. Кроме того, представляется необходимым представить оценочные и прогнозные суждения по поводу возможных структурных изменений федерального финансирования исследований и разработок США на ближайшую перспективу.

Теоретический анализ

В Соединенных Штатах исторически сложились общественные институты, которые традиционно участвуют в научной и технической деятельности, осуществляемой по инициативе федеральных властей. Федеральное правительство дает программную ориентацию, приглашает ученых, привлекает к работе различные научно-исследовательские и опытно-конструкторские организации, поощряет и стимулирует значительную часть всех этих усилий и, что выступает *предметом* настоящего исследования, предо-

ставляет основные средства. Но выполнение программ обеспечивается, главным образом, частным сектором (промышленностью и университетами). Несомненно, это стало возможным в результате того, что были созданы благоприятные условия для использования их научного потенциала. Об этом свидетельствует тот факт, что растущие масштабы проектов не вызывают сколько-нибудь значительных неувязок. Иными словами, на протяжении вот уже более 70 лет американская система федерального (как и иного) финансирования НИОКР действует достаточно рационально, слаженно и эффективно.

В послевоенный период федеральное правительство оказалось перед альтернативой: либо предоставить ведомствам лаборатории, в которых те нуждались для достижения поставленных перед ними целей, и начать осуществление обширной программы найма научного и технического персонала (как это было сделано, например, в СССР), либо использовать квалифицированных специалистов на месте, в университетах, промышленных фирмах и т. д., взяв на себя финансирование необходимых проектов и издержки по поставке дополнительного оборудования.

Именно второй путь и был принят. Для выполнения своих программ правительство США прибегло к тому, что можно назвать управленческой парадигмой «мобилизация на месте», в рамках реализации которой предусматривается обращение к общественным институтам и экономическим субъектам, уже занимающимся исследованиями. Получая федеральное финансирование, организации продолжают, тем не менее, наращивать свои собственные средства. Более того, методы финансирования, применяемые ведомствами, наряду с прочими целями направлены на то, чтобы побудить тех, кто получает федеральные ассигнования, увеличивать также и собственный вклад, с тем чтобы усилить научный потенциал страны в целом. Как бы то ни было, правительственное финансирование по-прежнему играет важную роль в общих научно-технических усилиях страны.

Прежде чем переходить к анализу выполнения программ по секторам и научным дисциплинам, кратко обрисует общую картину.

Соединенные Штаты расходуют значительную и растущую долю своих ресурсов на научные исследования и разработки. Максимальным этот рост был в 50–60-е гг. XX в., когда США были единственной страной западного мира, расходующей более 3% валового внутреннего продукта (ВВП) на исследования и разработки (в настоящее время 8-е место в



мире). За указанное двадцатилетие расходы на исследования и разработки США увеличились в 15 раз, а общая сумма расходов на образование – в 10 раз, тогда как ВВП лишь утроился. В дальнейшем эти темпы были значительно скромнее. Так, с конца 1970-х гг. и до начала 2010-х гг. (за три десятка лет) объем только федеральных расходов на НИОКР в США всего лишь удвоился – вырос примерно с 80 до 160 млрд долл., а к 2017 г. наблюдалось снижение федерального финансирования до 120 млрд долл. При этом доля федеральных расходов на НИОКР в общем объеме дискреционных расходов за период с 1965 по 2019 г. сократилась вдвое – с почти 18 до 9% [3]. Тем не менее, современные США занимают первое место в рейтинге ведущих стран мира по величине внутренних затрат на исследования и разработки в расчете по паритету покупательной способности национальных валют. По этому показателю Соединенные Штаты догоняет только одна страна – Китай (КНР).

После Второй мировой войны в области как финансирования, так и непосредственного осуществления исследований и разработок было достигнуто своеобразное разделение функций между *федеральным правительством, частной промышленностью, университетами и некоммерческими институтами*. Такое разделение функций, а также мотивы, лежащие в основе предпринимаемых усилий, частично объясняют тот факт, что в США *разработки приобретают более важное значение по сравнению с прикладными и фундаментальными исследованиями*.

Так, в течение 1953–1965 гг. роль правительственного финансирования непрерывно росла, тогда как доля частной промышленности оставалась неизменной, на уровне немногим более 30%. Доля университетов и некоммерческих институтов, колебавшаяся в пределах 1–3% от общих фондов, оставалась почти незаметной. Тем не менее, все исследовательские сектора продолжали увеличивать финансирование из собственных средств, причем некоммерческие институты приложили к этому особенно много усилий. Что касается финансирования фундаментальных исследований, то в этой области доля частной промышленности в течение указанного периода уменьшилась, тогда как доля федерального правительства увеличилась. В то же время университеты и некоммерческие институты смогли сохранить свой удельный вес на уровне около 20% от общего итога, который с 1953 по 1966 г. увеличился почти в семь раз [9].

Таким образом, правительственное финансирование в указанный период являлось преобладающим фактором роста общего объема ис-

следовательских расходов, и мы должны теперь рассмотреть основных получателей этих фондов.

С конца 70-х – начала 80-х гг. прошлого столетия и до настоящего времени доля американской промышленности (бизнеса) в совокупных расходах на НИОКР стала заметно превышать правительственную. Это, конечно, в первую очередь касалось разработок и определенной части прикладных исследований, в результатах которых был заинтересован бизнес. В то же время возросла и роль университетов и некоммерческих организаций в финансировании преимущественно фундаментальных исследований. Тем не менее, доля федерального правительства в общем объеме финансирования фундаментальных исследований из всех источников за период 1953–2015 гг. колебалась в пределах 50%, хотя с середины 1980-х гг. этот показатель снижался, а в последние годы, начиная с 2013 г., достиг исторического минимума [10].

Таким образом, к началу 2010-х гг. в США сложилась определенная система финансирования научных исследований и разработок, в которой важное место всегда принадлежало федеральному правительству, оперирующему в своей финансовой деятельности, прежде всего, средствами бюджета Соединенных Штатов, используемых в соответствии с принятыми нормами реализации бюджетной политики страны в сфере НИОКР.

Эмпирический анализ

В период 2010–2019 гг. практически 90% федеральных ассигнований на исследования и разработки приходится на разработки и прикладные исследования, т. е. на решение особых исследовательских задач в соответствии с определенными целями. На долю разработок приходится существенная часть общих федеральных ассигнований на исследования и разработки. На протяжении всего рассматриваемого периода эта часть составляла более 60% всей суммы, хотя три последних года (2017–2019 гг.) этот процент несколько снижается. На фундаментальные исследования приходится значительно меньшая, но имеющая тенденцию к росту доля, увеличившаяся с 6,4% в 2010 г. до 12,3% в 2019 г., причем, учитывая тенденции в секторе НИОКР американского бизнеса, федеральных структур, университетов и некоммерческих организаций, этот показатель непременно возрастет как минимум до 13,0% в 2021 г. Относительное падение между 2010 и 2013 гг. доли прикладных исследований и ее последующий быстрый рост связаны с восстановлением прежних темпов финансирования исследований и разработок, снизившимся после кризиса 2008–2009 гг.



В период 2010–2019 гг. самым быстрым темпом росли фундаментальные исследования; они увеличились на 26%, тогда как среднегодовой темп роста разработок составил 19%, а прикладных исследований – 18%. Эти сведения вносят коррективы в то впечатление, которое может создаться, если ограничиться только общими данными. Несомненно, что эти данные показывают абсолютную сумму средств, ассигнованных на разработки, поэтому,

если основываться только на них, можно получить ложное представление об удельном весе той или иной категории исследований. Как показывают темпы роста фундаментальных исследований, им также уделялось достаточно внимания.

Распределение ассигнований на исследования между основными научными направлениями в период 2010–2019 гг. существенно не менялось (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

**Федеральное финансирование фундаментальных и прикладных исследований в США
по основным научным направлениям, %
Federal funding of basic and applied research in the USA in the main research areas, %**

Финансовый год	Науки о жизни	Физические и технические науки	Социальные и психологические науки	Прочие научные направления
2010	24,4	70,1	3,5	2,0
2011	30,5	64,4	3,3	1,8
2012	30,8	64,0	3,7	1,5
2013	29,3	64,4	3,9	2,4
2014	26,6	67,9	3,8	1,7
2015	24,2	67,1	3,7	5,0
2016	25,0	65,5	3,7	5,8
2017	23,1	70,7	3,8	2,4
2018	23,8	70,1	4,4	1,7
2019	24,4	69,4	4,7	1,5
2020 (оценка)	24,8	67,4	5,9	1,9
2021 (прогноз)	26,0	65,0	7,0	2,0

Рассчитано по: [10–13].

На физические и технические науки приходится 66–75% общей суммы средств, на науки о жизни – почти 25%, на психологические и социальные – менее 10%, однако ассигнования на исследовательскую работу в этой области растут быстрее, чем на все другие науки. Оценочные данные на 2020 г. находятся в рамках такой же тенденции. При этом прогноз на 2021 г. не может не учитывать последствий сложившейся в США ситуации, связанной с эпидемией коронавируса, которая потребует незамедлительных шагов в сторону повышенного финансирования исследований и разработок в области борьбы с COVID-19 и его возможными модификациями, а также в не меньшей мере устранения социально-психологических последствий разросшейся инфекции. Следовательно, на эти цели правительством США, несомненно, намечается выделение значительных средств не только в медицинскую науку, но и с не меньшей вероятностью в развитие социальных технологий и устранение психологических последствий, возникших у американцев в результате пережитого «шока от пандемии».

Составленные на основе официальных статистических источников и прогнозных данных Национального научного фонда США табл. 2 и 3 отражают структуру федерального финансирования как прикладных, так и фундаментальных исследований и разработок по секторам научных исследований США в период 2010–2019 и содержат оценочные данные 2020 г., а также прогнозируемые значения на 2021 г.

Их анализ убедительно показывает, что именно частная промышленность на протяжении всего периода 2010–2019 гг. получала большую часть правительственных средств (см. табл. 2). По прогнозам на 2021 г., эта часть достигнет 60%. Отсюда ясно, что частная промышленность является наиболее крупным исполнителем федеральных исследовательских программ. Как и следовало ожидать, большая часть федеральных фондов, предоставленных частной промышленности, расходуется на разработки. Так, в 2019 г. их доля составляла 84%, тогда как доля фундаментальных исследований – всего лишь 2%.



Таблица 2 / Table 2

**Федеральное финансирование прикладных исследований и разработок
по секторам научных исследований США, %
Federal funding for applied research and development by US research sectors, %**

Сектор исследований		Финансовый год											
		2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020 (оценка)	2021 (прогноз)
Средства, использованные федеральным правительством (государственными научными учреждениями, лабораториями)		33,3	30,7	30,7	27,4	22,6	20,8	20,3	18,5	19,6	21,9	21,5	21,5
Средства, использованные другими исполнителями	промышленностью (фирмами, бизнесом)	53,3	58,9	56,5	61,6	64,0	63,7	62,1	66,4	64,0	62,3	62,8	60,0
	университетами	10,0	10,0	10,8	8,9	10,6	10,9	11,6	12,0	11,2	11,6	12,0	13,0
	федеральными исследовательскими центрами, работающими по контрактам между правительством и университетами и управляемыми университетами	2,3	0,4	1,8	1,9	2,3	3,9	5,1	2,8	4,6	3,8	3,3	5,0
	другими организациями	1,1	< 0,1	0,2	0,2	0,5	0,7	0,9	0,3	0,6	0,4	0,4	0,5
Всего		100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Рассчитано по: [10–13].

Таблица 3 / Table 3

**Федеральное финансирование фундаментальных исследований
по секторам научных исследований США, %
Federal funding for basic research by US research sector, %**

Сектор исследований		Финансовый год											
		2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020 (оценка)	2021 (прогноз)
Средства, использованные федеральным правительством (государственными научными учреждениями, лабораториями)		36,6	36,8	37,3	33,4	26,2	24,9	22,7	21,7	23,1	25,1	23,7	23,0
Средства, использованные другими исполнителями	промышленностью (фирмами, бизнесом)	8,2	7,8	7,4	13,9	15,2	18,0	21,3	23,1	21,5	17,6	19,2	19,0
	университетами	46,4	45,9	45,3	43,5	48,1	46,2	45,8	44,1	44,5	46,4	47,0	47,0
	федеральными исследовательскими центрами, работающими по контрактам между правительством и университетами и управляемыми университетами	4,0	4,4	4,2	4,2	4,6	5,4	5,2	5,4	5,1	4,8	4,0	4,5
	другими организациями	4,8	5,1	5,8	5,0	5,9	5,5	5,0	5,7	5,8	6,1	6,1	6,5
Всего		100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Рассчитано по: [10–13].

Самые крупные суммы из федеральных ассигнований получили те отрасли промышленности, которые работают непосредственно на военное ведомство или на освоение космоса,

т. е. авиационная, электротехника и электроника. Указанные отрасли в 2019 г. получили 83,5% всех фондов, предоставленных промышленности. Второе место после частной промышленности в



качестве исполнителя программ занимает группа государственных лабораторий. В 2019 г. они получили всего 21,9% федеральных ассигнований и, следовательно, находятся далеко позади промышленности; удельный вес этой группы за рассматриваемый период снизился, 13% этих средств идет на фундаментальные исследования, остальная сумма – на прикладные исследования и разработки.

Университеты и федеральные исследовательские центры, управляемые университетами (как видно из данных табл. 3), традиционно получают не менее 45% федерального финансирования фундаментальных научных исследований), к 2021 г. предположительно получат без малого 3/4 федеральных ассигнований, совокупно выделяемых на фундаментальные и прикладные исследования и разработки. Таким образом, эти две группы, довольно далеко отстающие от других в объемах финансирования прикладных исследований и разработок, по части реализации финансовых ресурсов, выделяемых государством на фундаментальные исследования, на протяжении периода 2010–2019 гг. уверенно осваивают их половину. И эта тенденция к 2021 г. только усилится.

Некоторое различие существует между университетами, исследования которых финансируются из федеральных средств на 75%, и исследовательскими центрами, чьи исследования целиком финансируются федеральным правительством. Если рассматривать распределение средств по категориям исследований, мы увидим, что университеты выполняют для правительства, главным образом, фундаментальные исследования (затрачивая на них 79% получаемых средств), а федеральные исследовательские центры – в основном прикладные исследования (64% федеральных средств).

Последнее место среди исполнителей занимают некоммерческие организации, которые в количественном отношении, очевидно, играют меньшую роль, хотя это ни в коей мере не означает, что их исследования имеют второстепенное значение.

Заметим, что доля федерального правительства в расходах на НИОКР в период 2010–2019 гг. составляла менее 1/3 совокупных расходов на НИОКР в ВВП Соединенных Штатов, причем имея тенденцию к постоянному снижению. При этом из общего объема финансирования американских исследований и разработок за указанный период времени не менее половины затрат на фундаментальные научные исследования финансировались государством.

Надо подчеркнуть, что в последние годы (2017–2019 гг.) основную часть государственных ассигнований используют для заказов на исследования и разработки три ключевых ведомства Соединенных Штатов: Министерство обороны США (в среднем 40,0%), Министерство здравоохранения и социальных служб (почти 27,0%, и этот показатель, вне всяких сомнений, вырастет в 2020–2021 гг.) и Министерство энергетики (примерно 12,0%), что совокупно составляет почти 4/5 от суммарного федерального финансирования НИОКР страны. Значительным заказчиком является Национальное управление по авионавтике и исследованию космического пространства – НАСА (в среднем 8,5%). Меньшая доля приходится на Национальный научный фонд (менее 5,0%), Министерство сельского хозяйства (в среднем 2,0%), Министерство торговли (немногим более 1,0%). Доля всех остальных ведомств не превышает 5,0% всех расходов федерального правительства США на исследования и разработки.

Распределение на научные исследования и разработки по заказчикам, с одной стороны, и исполнителям федеральных заказов – с другой, рассчитанное в среднем за 2017–2019 гг. и представленное в табл. 4, показывает, что выполняются государственные заказы на НИОКР в значительной своей части промышленными фирмами (52%), крупным исполнителем этих заказов являются также собственно государственные научные организации (27%) и высшие учебные заведения (10%).

Работы, финансируемые государственными ведомствами, по-разному распределяются между исполнителями. Если заказы министерства обороны и НАСА выполняются, главным образом, промышленными фирмами и в качестве второго крупного исполнителя их заказов выступают государственные научные учреждения, то заказы, финансируемые Управлением энергетических исследований и разработок и в значительной степени связанные с фундаментальными и прикладными исследованиями, выполняются в основном исследовательскими центрами, финансируемыми федеральным правительством, а управляемыми в ряде случаев университетами и только на 1/5 промышленными фирмами.

Роль государственных ассигнований в различных видах исследований неодинакова. Особенно большое значение они имеют для теоретических исследований. Так, государственные ассигнования составляют 68% затрат на теоретические исследования, 54% – на прикладные исследования и 50% – на разработки.



Таблица 4 / Table 4

**Федеральное финансирование исследований и разработок США по заказчикам и исполнителям
(в среднем за период 2017–2019 гг.)**

US Federal Research and Development Funding for Customers and Contractors (average for the period 2017–2019)

Заказчики	Сумма заказов		Исполнители					
	млрд долл.	%	Государственные научные учреждения	Промышленные фирмы (бизнес)	Федеральные исследовательские центры, в т. ч. управляемые университетами	Университеты	Другие организации	Прочие*
Общая сумма заказов	132,6	100	26,6	48,6	9,2	10,3	3,1	2,2
Министерство обороны	53,2	100	27,5	66,5	3,2	1,9	0,9	–
Министерство здравоохранения и социальных служб	35,4	100	20,6	6,0	0,5	45,1	14,8	13,0
Министерство энергетики	15,9	100	3,1	29,4	59,0	6,1	1,7	0,7
Национальное аэрокосмическое агентство (НАСА)	11,2	100	33,6	60,1	3,1	2,5	0,7	–
Национальный научный фонд	6,2	100	9,7	3,4	9,0	70,6	5,8	1,5
Министерство сельского хозяйства	2,7	100	72,2	0,2	0,1	25,3	–	2,2
Министерство торговли	1,8	100	68,9	12,9	–	10,2	1,3	6,7
Остальные ведомства	6,2	100	≈ 44,0	≈ 32,0	≈ 6,0	≈ 8,0	< 1,0	≈ 10,0

Рассчитано по: [10–13].

Примечание. * – включают исследования и разработки, проводимые администрацией штатов и органами местного управления.

Помимо отмеченных выше особенностей финансирования НИОКР в Соединенных Штатах по *отраслевому принципу*, еще один немаловажный, по нашему мнению, аспект связан с *территориальной структурой*, сложившейся в период 2010–2019 гг. в сфере федерального финансирования исследований и разработок в США, в частности, его распределения по регионам, районам и отдельным штатам страны.

О роли ведущих штатов США в выполнении ведомственных НИОКР можно судить по данным, представленным в табл. 5.

Анализ данных табл. 5 показывает, что государственная политика в распределении ассигнований на научные исследования и разработки между отдельными ведомствами, высокий удельный вес исследований военного значения приводят к тому, что в большинстве штатов главным заказчиком выступает Министерство обороны. Только в тех штатах, где размещаются специализированные научные центры для проведения исследований в области атомной энергии (например, Окриджский ядерный центр в штате Теннесси) или освоения космоса (например, центр космических исследований в Хьюстоне, штат Техас), значение заказов Министерства

обороны падает и возрастает значение заказов НАСА или Министерства энергетики, то же в штатах Колорадо и Алабама.

На Тихоокеанском побережье государственные заказы на научные исследования и разработки направляются не во все штаты. Свыше 1/5 всех заказов уже традиционно получает Калифорния – штат, в котором сочетаются мощная промышленная база, ведущие высшие учебные заведения и ряд федерально-финансируемых научных учреждений. Главными заказчиками в этом штате выступают Министерство обороны и НАСА. На Атлантическом побережье большой объем государственных заказов приходится на штаты, прилегающие к столице страны, – Мэриленд и Вирджинию. В отличие от Калифорнии в Мэриленде основная часть заказов (более 3/5 в 2019 г.) выполнялась в научных организациях федерального правительства. В Мэриленде благодаря его пристольному положению концентрируются государственные научные организации. Большое количество заказов на НИОКР в этом штате поступает от Министерства здравоохранения и социальных служб.

При рассмотрении относительных показателей размещения государственных ассигно-



Таблица 5 / Table 5

Доля ведущих штатов в выполнении научных исследований и разработок, финансируемых федеральным правительством США (в среднем за период 2017–2019 гг.), %

US leading federal research and development share (average for the period 2017–2019), %

Штаты	Суммарный объем федерального финансирования	Министерство обороны	Национальное аэрокосмическое агентство (НАСА)	Министерство энергетики	Министерство здравоохранения и социальных служб	Министерство сельского хозяйства
Калифорния	24,0	28,2	31,7	17,4	11,8	7,1
Мэриленд	9,0	7,7	9,2	0,5	19,5	10,3
Массачусетс	7,0	10,0	1,5	0,9	7,1	0,4
Нью-Йорк	6,0	5,6	2,2	9,3	10,9	2,7
Флорида	4,6	5,0	9,6	0,2	1,3	2,5
Пенсильвания	3,9	3,8	0,8	8,8	4,9	3,2
Техас	3,8	2,4	10,2	0,2	3,3	3,9
Вашингтон	3,8	4,5	0,6	9,4	2,1	1,9
Вирджиния	3,8	4,4	5,5	0,3	1,6	0,9
Огайо	3,3	4,0	3,9	0,9	2,5	1,5
Округ Колумбия	3,3	2,9	2,5	0,2	3,5	10,9
Нью-Мексико	3,1	2,7	0,4	18,7	0,3	0,5
Нью-Джерси	2,8	4,3	1,0	1,6	1,1	0,5
Миссури	2,3	3,4	1,0	< 0,1	2,0	1,3
Алабама	2,2	1,4	7,1	0,4	1,2	1,3
Остальные штаты	17,1	9,7	12,8	31,2	26,9	51,1

Рассчитано по: [10–13].

ваний на научные исследования и разработки (например, расходов на душу населения) можно выделить ряд Горных штатов – Нью-Мексико и Невада, где ведутся исследования, разработки и испытания для Министерства здравоохранения и социальных служб и Министерства энергетики, а также Колорадо, где выполняется большой объем исследований для НАСА. Значительные заказы Министерства обороны на НИОКР получает такой центральный штат, как Миссури, где в Сент-Луисе размещаются крупные предприятия авиаракетно-космической промышленности. В южных штатах большие ассигнования на НИОКР только в Мэриленде, Флориде, Техасе, Вирджинии и Алабаме, в остальных – ассигнования невысокие.

Анализ распределения государственных расходов на научные исследования и разработки свидетельствует, что их размещение связано с наиболее населенными и экономически развитыми районами, в которых при распределении заказов можно рассчитывать на высококвалифицирован-

ную рабочую силу и научно-техническую базу (наличие высших учебных заведений и развитой промышленности). Существует тесная корреляция между размещением федеральных расходов на НИОКР и размещением научных работников (коэффициент корреляции составляет 0,76).

Результаты

Таким образом, вырисовываются основные контуры структуры исполнения государственной исследовательской программы, финансируемой федеральным правительством в период 2010–2019 гг.:

- разработки и прикладные исследования в основном выполняет промышленность, кроме того, ими занимаются государственные лаборатории;

- фундаментальные исследования осуществляются, главным образом, в университетах, а также в государственных лабораториях, в промышленности и в некоторых центрах, подчиненных некоммерческим организациям;



– в каждой из этих основных категорий исследований приоритет отдается техническим и физическим наукам. Науки о жизни также играют видную роль в исследованиях государственных лабораторий и промышленности;

– оценочные показатели 2020 г. и прогнозные значения 2021 г. свидетельствуют в целом о тенденции увеличения расходов федерального бюджета на научные исследования и разработки по борьбе с эпидемически опасными организмами и устранению социально-психологических последствий пандемии в американском обществе.

Что касается распределения государственного финансирования между заказчиками и исполнителями НИОКР, то следует отметить устойчивую заинтересованность различных субъектов отношений «заказчик – исполнитель», сложившуюся уже более 40–50 лет назад. В ее основе находятся взаимные интересы в области специфических НИОКР, необходимых для развития конкретных секторов экономики и социальной сферы Соединенных Штатов.

Размещение государственных заказов на научные исследования и разработки по территории США (по штатам) отличается высокой территориальной концентрацией, более высокой, чем концентрация бизнеса (промышленных фирм) и населения. Особенностью размещения государственных ассигнований на НИОКР является их максимальная приуроченность к штатам Атлантического побережья (около 1/2 общего объема средств) и Тихоокеанского побережья (свыше 1/4), а также традиционно слабозаселенных Горных штатов.

Список литературы

1. Ланьшина Т. А. Инновационный сектор США : государственная политика и тенденции последних лет // *Управленческое консультирование*, 2017. № 6. С. 73–87. DOI: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2017-6-73-87>
2. Лебедева Л. Ф., Емельянов С. В. США : новые контуры бюджетной политики // *Международная торговля и торговая политика*, 2017. № 3 (11). С. 120–133.
3. Судакова Н. А. Бюджетная политика США в сфере НИОКР : тенденции и прогнозы // *США & Канада : экономика, политика, культура*. 2019. Вып. 10. С. 54–77. DOI: [10.31857/S032120680006805-9](https://doi.org/10.31857/S032120680006805-9)
4. Harrison M. Modern research and development funding at US universities // *SBA. Innovation Report*. 2015. URL: https://www.sba.gov/sites/default/files/advocacy_Innovation_Report (дата обращения: 28.03.2020).
5. Steinbock D. The Federal government as the main source of funding for scientific and technological innovation in the American economy. ITIF, 2014 // *Public Procurement and Innovation in the United States*. The George Washington University, 2018. URL: http://www.ige.uni-camp.br/spec/wp-content/uploads/sites/Report_Public-Procurement_2018 (дата обращения: 30.03.2020).
6. Kerr W. Allocation of financial resources of the Federal government on research and development in American business // *Innovation Policy and the Economy Forum*, 2013. URL: <http://www.hbs.edu/faculty/Publication%20Files/130424> (дата обращения: 28.03.2020).
7. Guenther G. Federal funding for research and development in the Atlantic States // *Issues for the 114th Congress*, Congressional Research Service, 2015. URL: <https://fas.org/sgp/crs/misc/RL31181.pdf> (дата обращения: 29.03.2020).
8. Wilson D. The rise and spread of government spending on R & d in the leading US States // *Federal Reserve Bank of San Francisco Economic Letters*, 2015. URL: <http://www.frbsf.org/economic-research/publications/economic-letter/2015/october/> (дата обращения: 02.04.2020).
9. Минат В. Н., Мостяев Ю. Н. Региональная политика федерального правительства США в 50–60-х гг. XX в. // *Федерализм*, 2020. № 1 (97). С. 161–174. DOI: <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2020-1-161-174>
10. Historical Trends in Federal R&D // *American Association for the Advancement of Science*, 2020. URL: <https://www.aaas.org/programs/r-d-budget-and-policy/historical-rd-data> (дата обращения: 04.04.2020).
11. Congressional Budget Justification Department of State. Fiscal year 2021. February 10, 2020. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/FY-2021-CBJ-Final> (дата обращения: 02.04.2020).
12. National Science Foundation. National Science Board. Science and Engineering Indicators, 2020. URL: <https://nces.nsf.gov/pubs/nsb2020> (дата обращения: 03.04.2020).
13. The 2020–2021 Long-Term Budget Outlook. Congress of the United States. Congressional Budget Office. June 2019. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2019/06/budget-fy2020-2021> (дата обращения: 03.04.2020).

Образец для цитирования:

Минат В. Н. Федеральное финансирование научных исследований и разработок в США: объем, структура, перспективные направления // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право*. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 256–265. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-3-256-265>



Federal Financing of Scientific Research and Development in the USA: Volume, Structure, Perspective Directions

V. N. Minat

Valerij N. Minat, <https://orcid.org/0000-0002-8787-4274>, Ryazan State Agrotechnological University named after P. A. Kostychev, 1 Kostycheva St., Ryazan 390044, Russia, minat.valera@yandex.ru

Introduction. In modern conditions, the research development in the United States is closely related to the functioning of the institutional environment, the financial basis of which is largely the federal government. The historically established structure of financing fundamental and applied research and development from the US state budget reflects the needs of the country's socioeconomic development in both sectoral and territorial aspects. **Theoretical analysis.** The impact of direct government funding through the system of orders (contracts) on American R&D has been strong for over 70 years. Sustainable areas of financing research and development that have been formed in time and space by the US federal government are united by the "on-site mobilization" management paradigm, which provides for the rational and efficient use of the potential of stakeholders – customers and contractors. **Empirical analysis.** The analysis of the characteristic changes in the institutional and territorial structures of the federal funding distribution in the main categories of research and development, in the research sectors, customers and R&D executors, and the leading states of the country, is carried out. **Results.** Structural relationships were identified in the "customer – executor" system, within the framework of a state research program funded by the federal government in 2010–2019, based on empirical research and, in general, confirming theoretical provisions on mutual interests in the field of specific R&D necessary for development specific sectors of the US economy and social sphere. The features of the distribution and territorial distribution of federal research and development funding in the modern United States are shown. Estimated and predictive judgments are given regarding possible structural changes in federal funding for research and development in the USA in the near future.

Keywords: research and development (R&D), federal funding, US research program, territorial concentration.

Received: 15.04.2020 / Accepted: 15.05.2020 / Published: 31.08.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Lanshina T. A. Innovative Sector of the USA: State Policy and Tendencies of the Last Years. *Administrative Consulting*, 2017, no. 6, pp. 73–87 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2017-6-73-87>
2. Lebedeva L. F., Emelianov S. V. US: New Trends in Shaping Budget Policy. *International Trade and Trade Policy*, 2017, no. 3 (11), pp. 120–133 (in Russian).
3. Sudakova N. A. American R&D Budget Policy: Trends and Forecasts. *USA & Canada: ekonomika, politika, kultura*, 2019, iss. 10, pp. 54–77. DOI: 10.31857/S032120680006805-9 (in Russian).
4. Harrison M. Modern research and development funding at US universities. *SBA. Innovation Report*, 2015. Available at: https://www.sba.gov/sites/default/files/advocacy_Innovation_Report (accessed 28 March 2020).
5. Steinbock D. The Federal government as the main source of funding for scientific and technological innovation in the American economy. ITIF, 2014. *Public Procurement and Innovation in the United States. The George Washington University*, 2018. Available at: http://www.ige.unicamp.br/spec/wp-content/uploads/sites/Report_Public-Procurement_2018 (accessed 30 March 2020).
6. Kerr W. Allocation of financial resources of the Federal government on research and development in American business. *Innovation Policy and the Economy Forum*, 2013. Available at: <http://www.hbs.edu/faculty/Publication%20Files/130424> (accessed 28 March 2020).
7. Guenther G. Federal funding for research and development in the Atlantic States. *Issues for the 114th Congress, Congressional Research Service*, 2015. Available at: <https://fas.org/sgp/crs/misc/RL31181.pdf> (accessed 29 March 2020).
8. Wilson D. The rise and spread of government spending on R & d in the leading US States. *Federal Reserve Bank of San Francisco Economic Letters*, 2015. Available at: <http://www.frbsf.org/economic-research/publications/economic-letter/2015/october/> (accessed 2 April 2020).
9. Minat V. N., Mostaev Y. N. Regional Policy of the Federal Government USA in the 50s–60s of the XX Century. *Federalism*, 2020, no. 1, pp. 161–174 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2020-1-161-174>
10. Historical Trends in Federal R&D. *American Association for the Advancement of Science*, 2020. Available at: <https://www.aaas.org/programs/r-d-budget-and-policy/historical-rd-data> (accessed 4 April 2020).
11. *Congressional Budget Justification Department of State. Fiscal year 2021. February 10, 2020*. Available at: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/FY-2021-CBJ-Final> (accessed 2 April 2020).
12. *National Science Foundation. National Science Board. Science and Engineering Indicators*, 2020. Available at: <https://nces.nsf.gov/pubs/nsb2020> (accessed 3 April 2020).
13. *The 2020–2021 Long-Term Budget Outlook. Congress of the United States. Congressional Budget Office. June 2019*. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2019/06/budget-fy2020-2021> (accessed 3 April 2020).

Cite this article as:

Minat V. N. Federal Financing of Scientific Research and Development in the USA: Volume, Structure, Perspective Directions. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 256–265 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-3-256-265>



УДК 338.27

Агент-ориентированная модель совершенной экономики

А. Н. Неверов, Ф. С. Голубев, М. А. Каткова

Неверов Александр Николаевич, доктор экономических наук, профессор, Лаборатория экономического поведения Центра психолого-экономических исследований, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов, neverov@ipei.ru

Голубев Федор Сергеевич, младший научный сотрудник Лаборатория экономического поведения Центра психолого-экономических исследований, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов, golubev@ipei.ru

Каткова Марина Андреевна, кандидат экономических наук, доцент, mkatkova@mail.ru

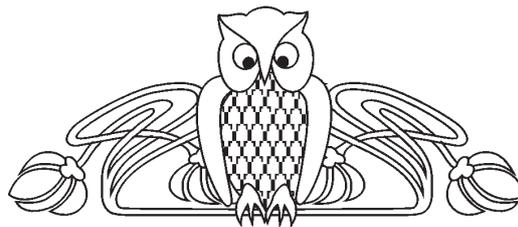
Введение. Современная экономическая теория в значительной степени строится на базе выдвижения в качестве нормативной или абстрактной модели концепции рыночного равновесия. Актуальны задачи эмпирической или экспериментальной проверки эффективности модели совершенной экономики с позиции ее реального функционирования. **Теоретический анализ.** Агент-ориентированное моделирование позволяет создать вычислительный инструмент, который характеризуется количеством агентов, их свойствами и свойствами их взаимодействия, все это позволяет проводить различные симуляции реальных явлений, тестируя при этом теоретические аспекты. Метод реализуется через взаимодействия агентов в сконструированной среде. **Эмпирический анализ.** Модель включает в себя три действующих агента – «Покупатель», «Продавец», «Рынок». Агенты действуют рационально согласно неоклассической экономической теории. Логика работы модели основывается на принципах работы психолого-экономического тренажера «Совершенная экономика», разработанного в Центре психолого-экономических исследований. Агент-ориентированная модель построена с использованием программной среды AnyLogic и представляет собой симуляцию теоретической модели «Совершенная экономика», принятой в неоклассической экономической теории. **Результаты.** Имитационная агент-ориентированная модель представляет собой реализацию теоретической модели неоклассической экономической теории в специально сконструированных идеальных условиях, что позволяет проверить параметры функционирования совершенной экономики с абсолютно рациональными агентами.

Ключевые слова: агент-ориентированная модель, неоклассическая экономическая теория, экономический агент, модель принятия экономических решений.

Поступила в редакцию: 15.04.2020 / Принята: 15.05.2020 / Опубликовано: 31.08.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-3-266-270>



Введение

Наука как сфера человеческой деятельности изначально строится на базовых логических постулатах, позволяющих получать принципиально новое знание. Экономическая теория не исключение. Исходя из практической задачи, которую бизнес и государственное управление ставили и ставят перед учеными-экономистами, главным для экономических теорий выступает возможность предсказания реальных изменений при заданных (или известных) стартовых условиях и известных закономерностях и факторах [1]. Методологически необходимой для прогнозирования выступает выработка общей модели изучаемой системы, которая бы содержала в себе основные законы и закономерности и одновременно с этим была достаточно проста для анализа.

Методологией науки выработан целый ряд принципов, позволяющих реализовать вышеуказанные задачи с научно обоснованных позиций [2]. В практике научных исследований экономическая наука чаще всего используют построение нормативных и позитивных моделей, разница между которыми задает направление для корректировки практических мер и действий в тактическом и стратегическом планах, а также работу на максимально доступном уровне абстракции.

В данном случае под нормативной моделью мы понимаем модель, которая выступает ориентиром для сравнения реально существующих моделей экономических систем (т.е. позитивных моделей). Абстрактная модель – это модель, которая очищена, в целях упрощения, от действия несущественных и преходящих (ситуативных) факторов, что позволяет на ее основе изучать особенности той или иной реальной социально-экономической системы.

Современная экономическая теория в значительной степени строится на базе выдвижения в качестве нормативной или абстрактной модели концепции рыночного равновесия. В наиболее явной форме данная модель представлена как модель совершенной экономики (А. Смит, Ф. Эджуорт, Л. Вальрас, А. Маршалл, Е. Е. Слуцкий, В. Парето, П. Самуэльсон и др.). Сегодня она выступает основой для всех курсов



микроэкономики на всех уровнях экономического образования. В то же время при изучении совершенной экономики указывается на то, что в реальной экономике ее параметры фактически не достижимы, и на практике можно наблюдать только различного рода приближения к ней.

Постулаты и принципы модели были первоначально выведены логическими методами из наблюдений, а затем, начиная со второй половины XIX в., формализованы с помощью математического аппарата. Эмпирической проверке в классическом виде она не подвергалась и подвергнуться не могла в силу абстрактного характера. Однако по мере того как совершенная экономика становилась все более фундаментальной для экономического знания, рос и ее нормативный статус.

В современной политике и экспертной аналитической мысли представлено целое направление, в РФ называемое либерально-экономическим, а в США представленное консервативной партией, которое считает оптимальной только экономическую систему, максимально приближенную к модели совершенной экономики.

В этой связи встает задача эмпирической или экспериментальной проверки эффективности модели совершенной экономики с позиции ее реального функционирования. Поскольку проведение полевых исследований ее работы требует первоначальной реализации модели на практике, что пока сделано не было, то остается только метод лабораторного или симуляционного эксперимента.

Теоретический анализ

В последние годы за счет развития вычислительных мощностей современных компьютеров и особенно с появлением суперкомпьютеров появилась возможность построения симуляционных моделей, включающих в себя множество акторов. Одним из наиболее перспективных методов, которые позволяют выходить на подобные модели, выступает метод мультиагентного или агент-ориентированного моделирования (АОМ). Основная идея АОМ – это создание вычислительного инструмента, который характеризуется количеством агентов, их свойствами и свойствами их взаимодействия; все это позволяет проводить различные симуляции реальных явлений, тестируя при этом теоретические аспекты [3]. Метод реализуется через взаимодействия агентов в сконструированной среде.

По мнению ведущих российских специалистов в данной сфере академика РАН В. Л. Макарова и чл.-корр. РАН А. Р. Бахтизина, началом

агент-ориентированного подхода можно считать 1940-е гг. и работы Джона фон Неймана, предложившего использовать машину для создания самой себя [4], поскольку машина воспроизводит агентов, действующих по заданному алгоритму с помощью программного кода. Под агентом в самом общем виде при этом понимается единица, автономно принимающая решение [5]. Результатом взаимодействия агентов между собой является среда.

Основное отличие мультиагентного моделирования, которое отмечают в своих работах сотрудники ЦЭМИ РАН, заключается в выстраивании взаимодействия агентов на микроуровне для получения результата на макроуровне. В этом смысле реализуются постулаты теории конфликта и взаимодействия, сформулированные в 1950-е гг. в США Т. Шеллингом [6]. К ключевым особенностям данного подхода можно отнести объединение преимуществ других подходов (описание поведения агентов через дискретно-событийное моделирование или когнитивное картирование, дифференциальные уравнения для расчетов, проводимых агентами, привязка к ГИС, возможность учета разноуровневых агентов), что в работах сотрудников ЦЭМИ РАН представлено как переход от мономоделей к мультимоделям, а также как системное представление взаимодействия агентов [3]. На основе данного подхода, например, рассматривая сценарии развития экономики РФ, можно прогнозировать не только макроэкономические показатели, но и отклик экономических агентов различного уровня (государство, фирмы, домохозяйства, индивидуальные агенты) на изменения среды, что позволяет поставить задачу «повернуть» экономику к человеку и в самое ближайшее время реализовать то, о чем часто говорят государственные деятели: реальный рост благосостояния населения. Стоит отметить, что поведение агентов не всегда статично, а может предусматривать эволюцию поведения агентов ввиду накопленного опыта.

Исходя из возможностей данного метода, нами была поставлена задача построения агент-ориентированной модели совершенной экономики, которая должна симулировать основные принципы функционирования реальных экономических агентов в социально-экономической системе, соответствующей заданным теорией параметрам. В качестве среды для реализации модели была выбрана программная среда AnyLogic, выступающая одним из основных инструментов, которым пользуются разработчики при построении агент-ориентированных моделей.



Эмпирический анализ

Агент-ориентированная модель совершенной экономики исходит из существования в экономической системе двух типов агентов: фирм, выступающих в качестве продавцов товаров и услуг; домохозяйств, выступающих в качестве покупателей. Взаимодействие между данными типами агентов должно быть выражено в качестве обмена. В связи с этим модель предполагает наличие рынка как дизайнера обмена; среды, в которой осуществляется физическое движение благ, в том числе их генерация и потребление, две популяции индивидуальных экономических агентов – продавцы и покупатели и экономические блага. Сами блага подразделяются на: а) товары первой необходимости; б) товары повседневного спроса; в) товары длительного пользования; г) товары престижного потребления; д) товары, относящиеся к роскоши; е) деньги, как отдельное благо, выступающее в качестве всеобщего эквивалента. Основным верификатором для модели и показателем ее теоретической и эмпирической валидности является ее соответствие неоклассической экономической теории.

Построенная модель представляет собой воплощение теоретической модели неоклассической экономической теории, в которой агенты поступают рационально, государство не представлено, поскольку взаимодействие регулируется «невидимой рукой рынка». Принцип «невидимой руки», в полном соответствии с постулатами неоклассики, реализуется через законы спроса и предложения, взятые в рамках долгосрочного периода. Последнее означает, что в конце каждого кругооборота товаров объем спроса и предложения будет уравновешен либо за счет роста производства, либо за счет выхода новых агентов на рынок (уход избыточных агентов с рынка), либо за счет экспорта и импорта.

Результаты

Модель включает в себя: а) среду, в которой отражаются решения агентов, далее «Склад»; б) агент «Рынок», который является координатором механизма взаимодействия индивидуальных агентов через механизм цен; в) два типа экономических агентов, которые принимают решения о покупке и продаже товаров, «Покупатель» и «Продавец».

В модели была реализована следующая иерархия: Склад – Рынок – Экономический агент (рисунок).

Экономические агенты принимают решения руководствуясь следующей логической схемой.

1. Сортировка предметов внутреннего рынка согласно закону выявленных предпочтений



Иерархия агентов модели
Hierarchy of agents in the model

(П. Самуэльсон). Тогда для ситуации покупки предпочтения будут использованы от минимального значения к максимальному, а для ситуации продажи, наоборот, от максимального значения к минимальному.

2. Расчет средней (прогнозируемой) цены, опираясь на три предыдущие итерации, согласно которой агент будет выстраивать коэффициенты для покупки и продажи:

$$P_{avg} = \frac{P_{n-3} + P_{n-2} + P_{n-1}}{3}$$

3. Расчет коэффициента покупки и/или продажи по каждому товару:

$$p_k = \frac{P_{avg(k)}}{P_{0(k)}}$$

где k – товар, $P_{avg(k)}$ – средняя цена товара k по каждой итерации, $P_{0(k)}$ – равновесная цена товара k .

4. Решение покупки и/или продажи исходя из условия по каждому товару.

4.1. Если $p_k < 1$, то купить на сумму $Q_m * (1 - p_k)$ в зависимости от предпочтений, выявленных на первом шаге.

4.2. Если $p_k = 1$, то агент должен продать и купить по одной единице товара k .

4.3. Если $p_k > 1$, то продать в количестве p_k с округлением в меньшую сторону, причем если $p_k > Q_k$, максимальным может быть только число, равное числу товаров, имеющихся у агента. Продажа также осуществляется согласно выявленным предпочтениям.

5. Отправить данные на обработку агенту «Рынок».

6. Получить цену P_n от агента «Рынок».

7. Завершить покупку и/или продажу и провести перерасчет купленных и/или проданных товаров по цене P_n (отдать и/или принять товары, включая зависимый товар-деньги).



Для «Экономического агента» такими переменными являются:

- количество товара по каждой товарной группе;
- количество денег;
- маркер товара;
- средняя цена;
- коэффициент покупки и/или продажи;
- количество товаров для покупки и/или продажи.

Агент «Рынок», в свою очередь, является регулятором экономических отношений между агентами. В его задачи входит выработка информации для работы других агентов, контроль работы агентов в среде. Агент «Рынок» работает по следующей логической схеме:

- 1) проверить «жизнеспособность» экономических агентов;
- 2) отправить «жизнеспособным» агентам сообщение о начале работы итерации;
- 3) по получению сообщения от экономических агентов рассчитать цену итерации;
- 4) отправить экономическим агентам информацию о цене итерации;
- 5) ожидать до завершения перемещения товаров между агентами рынка.

Переменными составляющими, которые характеризуют агента «Рынок», являются:

- равновесная цена по каждой товарной группе;
- цена итерации по каждой товарной группе;
- суммарный спрос по каждой товарной группе;
- суммарное предложение по каждой товарной группе.

Результатом взаимодействия и визуальным отражением принятых решений всех агентов является «Склад», который представляет собой набор накопителей и потоков, что, в свою очередь, моделирует процесс движения товаров на рынке.

Для «Склада» переменными являются:

- количество товара, который покупают и продают агенты по каждому из экономических благ, как отдельный субъект рыночных отношений;
- количество товара, поступающего от экспорта и уходящего на импорт по каждому из экономических благ.

Экономические агенты, «Покупатель» и «Продавец», могут и покупать, и продавать, они обозначены такими именами строго из-за ограничений стартовых условий: «Покупатель» на момент начала работы модели имеет только денежные средства в размере n , «Продавец» имеет только товары на сумму m . Остановка модели происходит в момент остановки принятия решений или в момент «смерти» одного из агентов.

Стартовые условия модели могут варьироваться по разным соотношениям m и n , что позволяет моделировать влияние различных соотношений сил спроса и предложения.

Таким образом, имитационная агент-ориентированная модель представляет собой реализацию теоретической модели неоклассической экономической теории в специально сконструированных идеальных условиях, что позволяет проверить параметры функционирования совершенной экономики с абсолютно рациональными агентами. Таким образом, создаются условия для проведения симуляционных экспериментов граничных условий функционирования совершенной экономики и оценки эффективности каждого из режимов ее работы.

В перспективе это позволит выйти на выделение слабых и сильных сторон модели совершенной экономики как нормативной модели построения социально-экономических систем и тем самым скорректировать на строго научной основе базовые постулаты экономической политики.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект «Конкурс проектов 2018 года фундаментальных научных исследований на тему: “Психологические особенности экономической активности личности в условиях совершенной экономики”» № 18-013-00952).

Список литературы

1. Friedman M. The Methodology of Positive Economics // Friedman M. Essays in Positive Economics. Chicago : University of Chicago Press, 1953. P. 3–43.
2. Колядин Н. П., Русановский В. А. Философия экономического анализа. Саратов : ИЦ СГСЭУ, 2005. 240 с.
3. Макаров В. Л., Бахтизин А. Р., Сушко Е. Д., Васенин В. А., Борисов В. А., Роганов В. А. Агент-ориентированные модели : мировой опыт и технические возможности реализации на суперкомпьютерах // Вестн. РАН. 2016. Т. 86, № 3. С. 252–262. DOI: 10.7868/S0869587316030075
4. Макаров В. Л., Бахтизин А. Р. Новый инструментарий в общественных науках – агент-ориентированные модели : общее описание и конкретные примеры // Экономика и управление. 2009. № 12 (50). С. 13–25.
5. Bonabeau E. Agent-based modeling : Methods and techniques for simulating human systems // PNAS. 2002. Vol. 99, suppl. 3. P. 7280–7287. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.082080899>
6. Шеллинг Т. К. Микромотивы и макроповедение / пер. с англ. И. Кушнаревой ; ред. пер. Д. Шестаков. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. 344 с.



Образец для цитирования:

Неверов А. Н., Голубев Ф. С., Каткова М. А. Агент-ориентированная модель совершенной экономики // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 266–270. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-3-266-270>

Agent-Based Model of Perfect Economy

A. N. Neverov, F. S. Golubev, M. A. Katkova

Alexander N. Neverov, <https://orcid.org/0000-0003-4219-5291>, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 23/25 Sobornaya St., Saratov 410031, neverov@ipei.ru

Fedor S. Golubev, <https://orcid.org/0000-0002-5726-5574>, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 23/25 Sobornaya St., Saratov 410031, golubev@ipei.ru

Marina A. Katkova, <https://orcid.org/0000-0002-3437-2369>, mkatkova@mail.ru

Introduction. Modern economic theory is the basis for market equilibrium. The tasks of empirical or experimental verification of the perfect economy model effectiveness from the standpoint of its real functioning are relevant. **Theoretical analysis.** Agent-based models allow to create computing tools that are characterized by the quantity of agents, their capabilities, and their ability to interact with each other. All this makes it possible to perform different simulations of real situations, with theoretical aspects being tested at the same time. The method is carried out through agents interacting in a designed environment. **Empirical analysis.** The model includes three active agents: “Buyer”, “Seller”, “Market”. Agents act rationally according to neoclassical economic theory. The logic of the models is based on the principles of the psycho-economic simulators “Perfect Economics” developed at the Center for Psychological and Economic Research. The agent-oriented model was built using the AnyLogic software environment (hereinafter AL) and is a simulation of the theoretical model of “Perfect Economics”, adopted in neoclassical economic theory. **Results.** The imitation agent-oriented model is the implementation of theoretical models of neoclassical economic theory in specially designed ideal conditions, which allows you to check the functioning parameters of a perfect economy with absolutely rational agents.

Keywords: agent-based model, neoclassical economic theory, economic agent, economic decision-making model.

Received: 15.04.2020 / Accepted: 15.05.2020 / Published: 31.08.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Acknowledgements: *This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project “Competition of the projects of 2018 fundamental research on the topic: Psychological features of an individual’s economic activity in a perfect economy” No. 18-013-00952).*

References

1. Friedman M. The Methodology of Positive Economics. In: Friedman M. *Essays in Positive Economics*. Chicago, University of Chicago Press, 1953, pp. 3–43.
2. Koliadin N. P., Rusanovskiy V. A. *Filosofiya ekonomicheskogo analiza* [Philosophy of Economic Analysis]. Saratov, Izd. tsentr Sarat. gos. sotsial.-ekonom. universiteta, 2005. 240 p. (in Russian).
3. Makarov V. L., Bahtizin A. R., Sushko E. D., Vasev V. A., Borisov V. A., Roganov V. A Agent-based models: world experience and technical feasibility of implementation on supercomputers. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, 2016, vol. 86, no. 3, pp. 252–262 (in Russian). DOI: 10.7868/S0869587316030075
4. Makarov V. L., Bahtizin A. R. New instruments in social sciences – agent-oriented models: general description and specific examples. *Ekonomika i upravlenie* [Economics and Management], 2009, no. 12 (50), pp. 13–25 (in Russian).
5. Bonabeau E. Agent-based modeling: Methods and techniques for simulating human systems. *PNAS*, 2002, vol. 99, suppl. 3, pp. 7280–7287. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.082080899>
6. Shelling T. K. *Mikromotivy i makropovedenie* [Micro-motives and Macrobehavior]. Moscow, Izd-vo Instituta Gajdara, 2016. 344 p. (in Russian).

Cite this article as:

Neverov A. N., Golubev F. S., Katkova M. A. Agent-Based Model of Perfect Economy. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 266–270 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-3-266-270>



УПРАВЛЕНИЕ

УДК 330.3

Индикаторный метод как инструмент обеспечения финансовой безопасности хозяйствующего субъекта

Т. А. Власенкова, Т. М. Панченко, А. П. Цыпин

Власенкова Татьяна Александровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры управления бизнесом и сервисных технологий, Московский государственный университет пищевых производств, klepina@yandex.ru

Панченко Татьяна Михайловна, кандидат экономических наук, доцент кафедры управления бизнесом и сервисных технологий, Московский государственный университет пищевых производств, ranchenkotm@yandex.ru

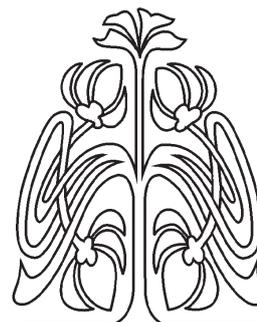
Цыпин Александр Павлович, кандидат экономических наук, доцент кафедры управления бизнесом и сервисных технологий, Московский государственный университет пищевых производств, zipin@yandex.ru

Введение. Функционирование любого предприятия в условиях рыночной экономики сопряжено с возникновением внутренних и внешних рисков. Снижение их влияния или нивелирование обеспечивает продолжительное существование бизнеса. В этом ракурсе рассматриваемая тема исследования является актуальной. **Теоретический анализ.** Теоретико-методологической базой исследования послужили труды российских и зарубежных исследователей в области экономической и финансовой безопасности. В ходе критического изучения научных публикаций было определено, что трактовка определения финансовой безопасности предприятия рассматривают в разрезе нескольких подходов: комплексного, ресурсного, финансового. Также в ходе изучения литературы было установлено, что угрозы финансовой безопасности оказывают непосредственное влияние на безопасность производственную, кадровую, информационную и др. **Эмпирический анализ.** Основным методом исследования послужил анализ и синтез, а также метод обобщающих показателей. В ходе проведения исследования было установлено, что анализируемое предприятие применяет для оценки лишь количественные индикаторы, которые не способны идентифицировать большинство угроз финансовым интересам. Вследствие этого был предложен открытый перечень качественных индикаторов, которые способны оценить уровень финансовой безопасности. **Результаты.** Построение матрицы рисков финансовой безопасности позволило нам установить, что общая стоимость реализации всех рисков в год может достигать 90 млн руб., что составляет около 9% от имущества предприятия. Оценив риски финансовой безопасности, нами была дана рекомендация руководству предприятия уделить внимание реализации рисков потери упущенной выгоды, связанной с нестабильным положением поставщиков и подрядчиков на рынке или прекращением их деятельности.

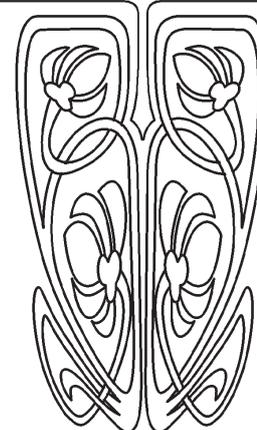
Ключевые слова: риск, индикативный метод, экономическая безопасность, финансовая безопасность, предприятие, хозяйствующий субъект.

Поступила в редакцию: 05.04.2020 / Принята: 10.06.2020 / Опубликовано: 31.08.2020
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-3-271-283>



НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ





Введение

Обеспечение стабильности и устойчивости развития предприятий имеет важное значение, так как с развитием бизнеса неизбежны проблемы возникновения угроз и рисков. Формирование системы экономической безопасности, которая будет оперативно реагировать на возникновение опасностей, реализацию угроз и рисков, является важным условием достижения цели максимизации прибыли предприятия.

Так как финансовая деятельность хозяйствующего субъекта направлена на финансовое обеспечение его текущей деятельности, мобилизацию финансовых ресурсов в объеме, необходимом для финансирования расширенного воспроизводства, то финансовая безопасность имеет важное место в системе экономической безопасности [1].

Основным условием обеспечения благоприятного и безопасного финансового состояния хозяйствующего субъекта является его способность своевременно выявлять опасности функционирования субъекта, предотвращать угрозы и минимизировать риски.

Из вышесказанного вытекает цель исследования, которая заключается в изучении индикаторного метода как инструмента обеспечения финансовой безопасности хозяйствующего субъекта на примере типичного предприятия пищевой отрасли. Достижение данной цели предполагает решение следующих задач:

- раскрытие содержания основных категорий: финансовая безопасность, опасности, угрозы, риски, а также анализ перечней опасностей, угроз и рисков различных авторов; составление перечня опасностей, угроз и рисков для хозяйствующих субъектов;
- изучение взаимосвязи угроз и рисков финансовой безопасности с угрозами и рисками других видов безопасности;
- изучение системы нормативно-правовых актов, регламентирующих деятельность хозяйствующих субъектов, с целью обеспечения их финансовой безопасности;
- изучение организационно-экономической характеристики предприятия;
- изучение индикаторов финансовой безопасности;
- проведение оценки рисков;
- изучение индикаторного метода как инструмента обеспечения финансовой безопасности.

Объектом проведенного исследования является типичное предприятие пищевой промышленности, основной вид деятельности которого – переработка сельскохозяйственного сырья и производство продуктов питания. Исходя из требования предприятия о сохранении коммерческой тайны, мы не указываем название объекта исследования.

Предметом исследования является финансовая безопасность предприятия.

Проведенное исследование позволило получить результаты, характеризующиеся научной новизной, а именно определены основные подходы ученых и специалистов к раскрытию содержания категорий экономической безопасности (опасности, угрозы и риски), что позволило систематизировать их определения и обосновать для эффективной организации по обеспечению экономической безопасности хозяйствующего субъекта.

Практическая значимость исследования заключается в следующем:

- построение карты финансовых рисков, отражающих логическую взаимосвязь опасностей, угроз и рисков финансовой деятельности хозяйствующего субъекта;
- построение сценариев реализации рисков финансовой безопасности для оценки вероятности их наступления;
- систематизация индикаторов в соответствии с угрозами финансовой безопасности.

В ходе исследования использовались следующие методы: монографический метод, анализ, синтез, сравнение, моделирование, наблюдение, систематизация, экстраполяция, математические методы.

Источником информации служили научные статьи, монографии, федеральные нормативно-правовые акты Российской Федерации, локальные нормативно-правовые акты хозяйствующего субъекта, его бухгалтерская и статистическая отчетность.

Теоретический анализ

В процессе анализа научной литературы определено, что в экономической теории трактовка определения «финансовая безопасность предприятия» рассматривается, как правило, в разрезе нескольких подходов, а именно комплексного, ресурсного и финансового.

Представителями комплексного подхода являются А. И. Бланк [2], Т. А. Парфенова [3], К. С. Горячева [4], Ю. В. Лаврова [5] и др. По их мнению, финансовая безопасность является частью экономической безопасности фирмы, основными задачами которой служат защита бизнеса от внешних и внутренних угроз, реализация финансовых интересов, достижение финансовой устойчивости, поддержание финансового состояния, характеризующегося определенными критическими значениями.

В своих работах Н. И. Реверчук [6], А. Кириченко [7] и другие трактуют понятие финансовой безопасности с точки зрения ресурсного подхода. Согласно данному подходу, финансовая безопас-



ность предприятия направлена на эффективное использование имеющихся у предприятия корпоративных ресурсов, а также на стабильное функционирование и эффективное развитие предприятия.

Финансовый подход находит отражение в работах таких ученых, как Ю. Н. Воробьев [8], Е. И. Воробьева [9], О. Н. Овечкина [10], А. П. Бондарь [11]. Представители данного подхода говорят о необходимости разделять понятия финансовой и экономической безопасности. Основные задачи финансовой безопасности заключаются в построении эффективной финансовой системы, защите от угроз и рисков, финансовом обеспечении деятельности, возможности выполнения финансовых обязательств.

Наиболее полной и подчеркивающей основные характерные черты финансовой безопасности хозяйствующего субъекта, на наш взгляд, является следующая формулировка, предложенная Н. Н. Карзаевой и А. С. Бабанской: «...под финансовой безопасностью понимается состояние, при котором отсутствуют опасности или предотвращаются угрозы финансовым интересам хозяйствующего субъекта, государства, включая угрозы финансовой независимости и устойчивости, а также сохранности финансовых ресурсов» [12, с. 11].

Основным условием обеспечения благоприятного и безопасного финансового состояния предприятия является его способность своевременно выявлять опасности функционирования хозяйствующего субъекта. Немаловажным аспектом достижения финансовой безопасности выступает выявление опасностей финансовой стабильности предприятия. В связи с этим ученые и специалисты также дают множество определений понятия «опасность».

Однако, на наш взгляд, определение, данное Н. Н. Карзаевой, наиболее полно раскрывает содержание изучаемой категории. Автор считает, что «опасность – это явление, событие, которое принесет неблагоприятные последствия для объекта, нарушив его жизненно важные интересы» [12, с. 148].

Следует учитывать, что опасности носят объективный характер. Опасности как катализатор возникновения и реализации угроз финансовой безопасности хозяйствующего субъекта можно условно разделить на две группы: внешние и внутренние.

Внешние опасности намного шире – они находятся в прямой зависимости от макроэкономических факторов.

Если говорить о внутренних опасностях, то в этой ситуации ученые относят к ним непрофессиональные управленческие решения в области стратегии развития бизнеса и инвестиционной деятельности, а также осуществление

текущих финансово-хозяйственных операций: своевременное обеспечение производственного процесса ресурсами надлежащего качества, финансовыми ресурсами, включая контроль за дебиторской и кредиторской задолженностями, ошибочный выбор источников финансирования инвестиционных проектов и т.д. На наш взгляд, данный перечень внутренних опасностей не является объективным, так как на его реализацию могут оказывать воздействие управленческие решения хозяйствующего субъекта. Поэтому перечисленные опасности, выделенные учеными, следует отнести к угрозам и объединить их под общей внутренней опасностью, которая характеризуется низким профессиональным уровнем специалистов, выпускающихся из высших учебных заведений.

Проанализировав различные определения опасностей, было выбрано то, которое представлено в словаре терминов и определений «Безопасность России». В соответствии с тем, что опасность носит объективный характер, были выявлены следующие опасности, которые могут воздействовать на финансовую безопасность хозяйствующего субъекта: нестабильное финансовое и экономическое положение в стране; рост инфляции; нестабильное положение поставщиков и подрядчиков, снижение их деловой активности; нестабильное положение покупателей и заказчиков, снижение их деловой активности; ухудшение криминогенной обстановки в регионе; низкий профессиональный уровень специалистов, выпускающихся из учебных заведений.

Как отмечалось ранее, опасности, неся в себе негативное воздействие, могут реализовываться в угрозы. В связи с этим А. И. Бланк отмечает, что «от того, насколько точно и полно идентифицирован состав угроз финансовым интересам, оценен уровень интенсивности их проявления и возможного ущерба, зависит эффективность построения всей системы финансовой безопасности предприятия» [2, с. 25].

Необходимость формулировки данного определения обусловлена тем, что «угроза» не является элементом исключительно научного языка и довольно часто используется в повседневном общении.

Существует несколько подходов к определению понятия «угроза».

Так, авторы первой группы трактуют понятие через совокупность условий и фактов.

В законе Российской Федерации «О безопасности», который ныне утратил силу, под угрозой понимается «совокупность условий и факторов, создающих опасность реализации экономических интересов». Данное определение дает более широкую интерпретацию рассматри-



ваемой категории. Более узко угрозу описывает В. В. Водянова, которая рассматривает угрозу безопасности предприятия как «совокупность условий и факторов, создающих опасность его жизненно важным интересам» [13, с. 144]. Н. Н. Карзаева и А. С. Бабанская пишут: «...под угрозой финансовой безопасности следует понимать совокупность факторов и условий, способствующих реализации опасности сохранности финансовых активов, нарушения его финансовой стабильности и независимости» [12, с. 11].

Авторы второго подхода увязывают понятия угрозы с категорией «опасность». В. И. Ярочкин считает, что «угроза безопасности – это опасность на стадии перехода из возможности в действительность, высказанное намерение или демонстрация готовности одних субъектов нанести ущерб другим» [14, с. 42]. Т. В. Владимирова считает, что «угроза – это наиболее конкретная и непосредственная форма опасности, создаваемая целенаправленной деятельностью деструктивных сил» [15, с. 36].

Проанализировав эти и другие определения, можно заключить, что угроза безопасности носит конкретный, адресный характер, имеет субъект и объект угроз, а также выраженную направленность (нанесение ущерба).

Угрозы финансовой безопасности хозяйствующего субъекта специалисты классифицируют по различным критериям. Как правило, каждая угроза носит комплексный характер, в котором задействованы признаки разных классификационных групп.

В соответствии с характеристикой понятия «угроза» Н. Н. Карзаева и А. С. Бабанская определяют перечень угроз финансовой безопасности хозяйствующего субъекта, в который включены: халатные непрофессиональные действия сотрудников; кражи, хищения; непогашение обязательств перед поставщиками и подрядчиками в сроки, установленные в договоре; рост цен на приобретаемые ресурсы [12].

В ходе проведенного исследования деятельности хозяйствующего субъекта мы пришли к выводу, что угрозы финансовой безопасности необходимо рассматривать во взаимосвязи с опасностями.

Анализ различных определений угрозы позволил объединить их в несколько подходов. Наиболее полно раскрывает изучаемую категорию определение, представленное Н. Н. Карзаевой и А. С. Бабанской. На основе данного определения был сформирован перечень угроз финансовой безопасности хозяйствующего субъекта, который взаимосвязан с опасностями.

Перечень обширен и включает следующие угрозы: падение спроса на производимую продукцию; снижение объемов производства; рост

себестоимость производимой продукции; досрочное расторжение договоров; увеличение цен на закупаемые материальные ресурсы для производства; сбой в поставках материалов и сырья для производства; невозможность выполнения договорных обязательств в сроки; изменение условий поставок новыми поставщиками; потеря контрагентов, потеря конкурентоспособности продукции; халатные и непрофессиональные действия сотрудников; ошибки в области управления финансами и др. Указанные угрозы способны привести к рискам финансовой безопасности.

Современная наука не дает однозначного понимания сущности риска. Это связано с практически полным игнорированием его со стороны законодательства в сфере реальной экономической практики и управленческой деятельности.

Риск – это сложное явление, имеющее множество несовпадающих, а порой и противоположных реальных основ. Данный факт – возможность для существования нескольких определений понятия «риск» с разных точек зрения.

Авторы первой группы характеризуют риск через такую категорию, как вероятность. Однако данный подход неполно отражает сущность рассматриваемого определения, наиболее точным является подход, который определяет понятие «риск» как потерю (ущерб).

Н. Н. Карзаева и А. С. Бабанская считают, что «под риском в финансовой безопасности следует понимать события финансового ущерба при реализации различных видов угроз финансовой опасности, которые носят вероятный характер, или потенциально возможные неблагоприятные события, в результате которых могут возникать убытки и будет упущена финансовая выгода» [12, с. 152].

Таким образом, риск – это ущерб (физический, материальный, финансовый, психологический или иной), сопровождающий выбор собственниками или менеджерами финансового решения, направленного на достижение желаемого результата финансовой деятельности. Как правило, риск носит вероятностный характер.

В настоящее время ученые больше рассматривают финансовые риски с точки зрения их принадлежности по классификационным признакам к одной из групп. Наиболее популярная классификация представлена А. С. Шапкиным и В. А. Шапкиным [16]. Авторы выделяют различные классификационные признаки, начиная от видов рисков, источников возникновения, характера проявления, заканчивая возможностью предвидения и страхования.

Проанализировав определения риска различных авторов, было выбрано определение Н. Н. Карзаевой и А. С. Бабанской как наиболее полно раскрывающее исследуемое понятие. Так



как риск наступает при реализации угроз финансовой безопасности и является своего рода ущербом, был определен перечень рисков, характерных для хозяйствующих субъектов, который, в свою очередь, взаимосвязан с указанными ранее угрозами.

Взаимосвязи опасностей, угроз и рисков финансовой безопасности хозяйствующих субъектов представляют собой карту рисков, которая достаточно гибкая и адаптивная к любой специфике ведения предпринимательской деятельности.

Таким образом, на основе монографического анализа определений категорий «опасность», «угроза» и «риск» были выделены различные подходы авторов к их трактовке. Основопологающим

этапом обеспечения финансовой безопасности хозяйствующего субъекта является формирование перечня опасностей, угроз и рисков, которые присущи определенной специфике ведения деятельности. Проанализировав перечни, выявлено, что авторы зачастую подменяют понятия опасностей, угроз и рисков, что не позволяет выстроить последовательную связь и в дальнейшем выработать мероприятия по обеспечению финансовой безопасности хозяйствующего субъекта. На основе выделенного в данной работе подхода к трактовке понятий опасности, угроз и рисков определен перечень рисков во взаимосвязи для хозяйствующих субъектов (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Перечень рисков финансовой деятельности хозяйствующего субъекта во взаимосвязи с опасностями
The economic entity's financial activities risks list in conjunction with dangers

Угрозы	Риск
Увеличение цен на закупаемые материальные ресурсы для производства продукции	Потеря финансовых ресурсов
Рост стоимости произведенной продукции	
Падение спроса на производимую продукцию	
Досрочное расторжение заключенных ранее договоров	
Затоваривание продукции	
Неэффективное использование авансированного капитала	
Недополучение, несвоевременное получение денежных средств от контрагентов	
Сбои в поставках сырья и материалов	
Невозможность выполнения договоров в срок	
Изменение условий договоров поставок новыми поставщиками	
Подача контрагентами искового заявления в суд	
Халатные и непрофессиональные действия сотрудников, выраженные в краже и хищениях имущества предприятия	
Преднамеренные или случайные ошибки в области управления финансами	
Нецелесообразное привлечение денежных средств	
Неэффективное инвестирование	
Кража, хищение имущества организации извне	Упущенная выгода
Увеличение цен на закупаемые материальные ресурсы для производства продукции	
Рост стоимости произведенной продукции	
Падение спроса на производимую продукцию	
Досрочное расторжение заключенных ранее договоров	
Затоваривание продукции	
Потеря контрагентов	
Потеря конкурентноспособности	
Сбои в поставках сырья и материалов	
Невозможность выполнения договоров в срок	
Изменение условий договоров поставок новыми поставщиками	Недополучение прибыли (потеря реальной прибыли)
Неэффективное инвестирование	
Кража и разглашение коммерческой информации	
Увеличение цен на закупаемые материальные ресурсы для производства продукции	
Рост стоимости произведенной продукции	
Падение спроса на производимую продукцию	
Снижение темпов производства	
Сбои в поставках сырья и материалов	
Рост себестоимости произведенной продукции	
Изменение условий договоров поставок новыми поставщиками	



Внимание, уделяемое финансовой безопасности, не случайно, так как для функционирования хозяйствующего субъекта на всех стадиях жизненного цикла является необходимым наличие значительных объемов финансовых

ресурсов. Но нельзя рассматривать финансовую безопасность обособленно. Все составляющие экономической безопасности зависят друг от друга, они тесным образом взаимосвязаны и переплетены между собой (рис. 1).



Рис. 1. Взаимосвязь составляющих экономической безопасности хозяйствующего субъекта

Fig. 1. Relationship of economic security components of an economic entity

Хозяйствующий субъект создается с целью получения прибыли за счет ведения производственной деятельности, поэтому между финансовой безопасностью и производственной существует взаимосвязь, которая может проявляться в разных ситуациях.

Рассмотрев в ходе исследования взаимосвязь различных видов безопасности, отметим, что угрозы и риски составных частей экономической безопасности неразрывно связаны между собой и в некоторых своих проявлениях имеют замкнутость.

Следовательно, возникающие угрозы финансовой безопасности неразрывно связаны с производственной, кадровой, информационной и другими видами безопасности любого хозяйствующего субъекта. Именно комплексный подход к угрозам позволяет наиболее полно раскрыть механизм реализации и обеспечения финансовой безопасности хозяйствующего субъекта в целом.

Эмпирический анализ

Изучив нормативно-правовую базу понятия финансовой безопасности хозяйствующего субъекта, мы пришли к выводу, что особое значение имеют внутренние документы предприятия, регламентирующие развитие «внутренней финансовой среды». К таким документам относятся Положение о службе экономической безопасности, Учетная политика, Финансовая политика и др.

Нормативно-правовое регламентирование хозяйственной деятельности субъекта экономики предусматривает создание оптимальных условий функционирования финансовой системы этого субъекта, при которых, во-первых, фактически отсутствует возможность направлять финансовые потоки в незакрепленные законодательными нормативными актами сферы их использования и, во-вторых, минимизируется возможность злоупотребления финансовыми ресурсами.

В ходе проведения данного исследования было установлено, что на предприятии от-



существует отдельно выделенное структурное подразделение, которое бы занималось только обеспечением финансовой безопасности. Ввиду этого обеспечение финансовой безопасности возложено на сотрудников таких структурных подразделений, как экономический отдел, отдел оперативного учета и планирования.

Правовой основой для надлежащей организации обеспечения финансовой безопасности данного хозяйствующего субъекта служат нормативные акты, регламентирующие как общие положения ведения деятельности хозяйствующими субъектами, так и регламентацию операций, связанных с реализацией финансовых интересов предприятия. При ведении производственно-финансовой деятельности предприятие соблюдает требования, установленные законодательством Российской Федерации.

Помимо законодательных актов при обеспечении финансовой безопасности сотрудники предприятия руководствуются рядом локальных актов, основным из которых является должностная инструкция каждого сотрудника, которая прописывает все права и обязанности, а также его функционал.

Также основным документом при организации деятельности по обеспечению финансовой безопасности хозяйствующего субъекта является его штатное расписание. Оно представляет собой организационно-распорядительный документ, определяющий структуру, штатный состав и штатную численность организации в соответствии с ее Уставом (Положением). В соответствии с документооборотом любого хозяйствующего субъекта данный документ составляется ежегодно.

Необходимым документом для обеспечения финансовой безопасности хозяйствующего субъекта является финансовая политика, в которой находит отражение реализация финансовой идеологии и стратегии предприятия в разрезе отдельных аспектов. Финансовая политика хозяйствующего субъекта формируется по отдельным направлениям финансовой деятельности: ценовая, политика распределения прибыли и др.

Таким образом, рассмотрев в ходе исследования различные аспекты финансовой безопасности хозяйствующего субъекта, мы пришли к выводу, что на предприятии имеется достаточная система по ее обеспечению, в процессе определения уровня финансовой безопасности используется перечень индикаторов, представленный методикой Р. С. Папехина [17].

Мы считаем, что данная система показателей не отражает уровня финансовой безопасности хозяйствующего субъекта, а лишь характери-

зуют его финансовое состояние. Как показали результаты проведенного исследования, данная методика, как и любая другая, позволяет лишь идентифицировать узкий круг угроз финансовой безопасности и, как результат, не позволяет оценить направление обеспечения финансовой безопасности предприятия.

Соотнеся индикаторы и угрозы, было выявлено, что перечень угроз финансовой безопасности значительно больше, чем перечень индикаторов. Для угроз, не имеющих оценочного индикатора, требуется разработка индикаторов.

В результате определения индикатора для конкретной угрозы неидентифицируемыми угрозами остались следующие: досрочное расторжение заключенных ранее договоров; потеря контрагентов; увеличение цен на закупаемые материальные ресурсы для производства продукции; потеря конкурентоспособности; подача контрагентами искового заявления в суд; халатные и непрофессиональные действия сотрудников; преднамеренные или случайные ошибки в области управления финансами; неэффективное инвестирование; кража, хищение имущества; несвоевременное выполнение договорных обязательств по поставке произведенной продукции; кража коммерческой информации; разглашение похищенной информации; присвоение разработок другими организациями.

Для того, чтобы идентифицировать перечисленные угрозы, необходимо было и дополнительно разрабатывать качественные индикаторы, так как они более точно способны охарактеризовать уровень финансовой безопасности хозяйствующего субъекта, а не ее состояние.

Вследствие этого предложены качественные индикаторы, способные идентифицировать ряд угроз, для которых на предприятии не имеется индикатора (табл. 2).

С целью установления индикаторов, которые бы характеризовали качество уровня финансовой безопасности и способны были идентифицировать угрозы финансовым интересам исследуемого предприятия, потребовался более детальный анализ специфики ведения деятельности, а также доступ к полной базе управленческой отчетности.

В ходе анализа было установлено, что предприятие применяет для оценки лишь количественные индикаторы, которые судят о его финансовом состоянии и не способны идентифицировать многие угрозы финансовым интересам предприятия. Вследствие этого был предложен открытый перечень качественных индикаторов, которые способны оценить именно уровень финансовой безопасности.



Таблица 2 / Table 2

Предлагаемые индикаторы для угроз финансовой безопасности
Proposed Indicators for Financial Security Threats

Угроза	Индикатор
Досрочное расторжение заключенных ранее договоров	Количество расторгнутых договоров Коэффициент выбытия контрагентов
Потеря контрагентов	
Потеря конкурентоспособности	Рыночная доля предприятия по региону Коэффициент ценовой конкуренции
Подача контрагентами искового заявления в суд	Соотношение исковых заявлений в роли ответчика и в роли истца
Кража, хищение имущества предприятия, в том числе коммерческой информации	Количество случаев краж Сумма убытка в результате кражи
Преднамеренные или случайные ошибки в области управления финансами	Удельный вес работников с высшим образованием Удельный вес высококвалифицированных рабочих Соотношение затрат предприятия на повышение квалификации к фонду оплаты труда
Преднамеренные или случайные ошибки сотрудников, связанные с инвестированием сбережений (неэффективное инвестирование)	

Кроме указанных выводов нами была произведена качественная оценка риска предприятия. Задачами исследования, кроме проведения качественного анализа уже существующего риска, являлись и выявление источников и причин данного риска, этапов и работ, при выполнении которых возникает риск. Решение этих задач предполагало следующие мероприятия: определение потенциальных зон возникновения риска; выявление существующих рисков хозяйственной деятельности предприятия, а также прогнозирование возможных положительных и отрицательных последствий проявления выявленных рисков. Данные задачи решаются путем построения карты рисков финансовой безопасности хозяйствующего субъекта, которая предшествует количественной оценке риска.

Существуют различные методы анализа рисков. Одним из таких является метод контент-анализа, который позволяет оценить риск с учетом

вероятности его наступления. Сущность метода заключается в определении категории вероятности возникновения риска, которая рассматривается как частота возникновения определенных событий.

Вторым является метод качественного подхода. Преимуществом данного метода выступает возможность уже на начальном этапе проводимого анализа наглядно оценить степень риска по его количественному составу и уже на этом этапе отказаться от претворения в жизнь того или иного управленческого решения. Следующий этап проводимого анализа предусматривает использование результатов предыдущего этапа в качестве исходной информации для проведения количественного анализа, таким образом, оцениваются риски, присутствующие при осуществлении конкретного алгоритма принятия решения.

Рассмотрев два метода оценки финансовых рисков хозяйствующего субъекта, можно выделить их плюсы и минусы (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Плюсы и минусы количественного и качественного метода оценки рисков
The indicator method stages sequence

Метод	Плюсы	Минусы
Количественный	Объективность оценки финансовых рисков, создание модели изменения того или иного риска на основе статистических данных	Сложность численной формализации качественных финансовых рисков предприятия
Качественный	Возможность оценки качественных рисков	Субъективность оценки финансовых рисков предприятия вследствие экспертных оценок

На практике чаще всего используют комбинированный подход, потому что он основывается не только на вероятности возникновения риска, но и на возможном ущербе для финансово-хозяйственной деятельности предприятия,

выраженном в денежном эквиваленте, что позволяет точнее оценить риски.

Применяя комбинированный подход, риск оценивается через показатель среднего ожидаемого значения, который связан с неопределен-



ностью ситуации. Среднее ожидаемое значение риска определяется как средневзвешенная величина (X_n) всех возможных результатов при условии, что вероятность каждого результата (P) используется в качестве частоты, или веса, соответствующего значения X . Алгоритм расчета можно записать так [18]:

$$X_n = P1 \times X1 + P2 \times X2 + \dots + Pn \times Xn.$$

При возможности получить информацию о потерях и вероятностях их возникновения в разрезе каждого вида риска обобщенный риск проекта можно определить как сумму средневзвешенных показателей риска каждого вида.

Рассмотрев и оценив предлагаемые варианты оценки рисков, разработана процедура оценки рисков с помощью построения схемы взаимосвязи опасности и угроз, приводящих к рискам финансовой безопасности хозяйствующего субъекта. С помощью построения схемы будет оценена вероятность наступления каждого из событий, которая приводит к отдельному конкретному риску по своему сценарию.

Проанализировав модели оценки рисков, приведенные различными авторами, был сделан вывод, что комбинированный подход наиболее подходит для оценки рисков, так как выражает и качественные, и количественные составляющие риска. Определение вероятности реализации риска осуществляется на основе теоремы умно-

жения вероятностей зависимых событий по различным сценариям, представленным в виде схемы. Матрица рисков позволит выделить область критических рисков и укажет, на какие именно сценарии реализации воздействовать управленческими решениями. Стоимостная оценка будет производиться с использованием средних цен на рынке отрасли и с учетом опыта прошлых лет.

Оценка рисков финансовой безопасности предприятия проведена на основе схем взаимосвязи опасностей, угроз и рисков финансовой деятельности предприятия.

Вероятность наступления событий была произведена экспертным путем. Используя формулу теоремы умножения вероятностей зависимых событий, оценили вероятность наступления каждого из сценариев согласно разработанной схеме.

На основе рассчитанных вероятностей была составлена матрица рисков с учетом вероятности наступления и значимости и оценены риски, попавшие в критическую зону на основе рыночных данных и опыта прошлых лет. Критическая зона рисков также была определена экспертным путем.

Экспертным путем на основе построения сценариев определены вероятности наступления риска финансовой безопасности. Общие результаты расчетов представлены в табл. 4.

Таблица 4 / Table 4

Результаты расчетов вероятности наступления рисков финансовой безопасности
Results of the financial security risks probability calculation

Риски	Количество сценариев реализации риска	Границы вероятности наступления риска, %	
		min	max
Потеря реальной прибыли	8	0,002	8,4
Потеря финансовых средств, направленных на содержание складских помещений	4	0,006	1,35
Потеря финансовых средств, направленных на судебные издержки	11	0,020	15,3
Прямая потеря финансовых средств	4	0,050	45,5
Упущенная выгода	14	0,012	13,2

Рассчитав вероятности наступления каждого из сценариев события, была составлена матрица рисков в соответствии со значимостью сценария, определена критическая линия (рис. 2).

Достаточно много сценариев попало в безопасную зону с вероятностью наступления менее 1%. Туда в основном вошли риски, связанные с дополнительным привлечением денежных средств на содержание складских помещений при реализации угрозы затоваривания продукции.

Настолько низкий уровень вероятности наступления риска объясняется тем, что предприятие работает по предоплате, не изготавливая продукцию про запас, а реализация изготовленной продукции и вовсе происходит после получения на расчетный счет полной стоимости заказа, отсюда и выходит, что угроза затоваривания хоть и имеет место быть, но реализация ее минимальна и незначительна для предприятия на сегодняшний день.



Вероятность	свыше 15%			16, 24, 25
	10–15%		13	35
	5–10%			6, 26
	1–5%		2, 14	15, 18 17, 22, 29, 33, 34, 36, 38, 39
	до 1%	1, 4, 7, 9, 20, 23, 32	3, 5, 8, 11, 21, 34	12, 10, 19, 27, 28
		Зависимость		

Рис. 2. Матрица рисков финансовой безопасности
Fig. 2. Financial Security Risk Matrix

В результате было установлено, что общая стоимость реализации всех рисков в год может обойтись предприятию в 89 625, 9 тыс. руб., что составляет около 9% от имущества предприятия. Оценив риски финансовой безопасности, нами была дана рекомендация руководству предприятия уделить внимание на реализацию рисков потери упущенной выгоды, связанной с нестабильным положением поставщиков и подрядчиков на рынке или прекращением их деятельности.

Индикаторный метод как инструмент обеспечения финансовой безопасности входит в аналитические механизмы и представляет собой метод экономических исследований, суть которого заключается в сравнении фактических значений показателей финансовой безопасности с граничными значениями индикаторов ее уровня, что позволяет с достаточной степенью полноты идентифицировать и оценить уровень угроз финансовой безопасности хозяйствующего субъекта. Под граничными значениями индикаторов финансовой безопасности понимают их предельные величины, несоблюдение которых приводит к возникновению угроз в сфере финансовой безопасности.

Проанализировав результаты проведенного исследования, авторы считают наиболее оптимальным для оценки финансовой безопасности хозяйствующего субъекта индикаторный метод, основанный на комплексной оценке финансово-хозяйственной деятельности экономического субъекта. Он устраняет предвзятость полученных результатов путем установления четких

критериев оценки (нормативов), а также наименее трудоемок по сравнению с ресурсно-функциональным методом или методом, основанным на системе анализа финансовой безопасности.

Для оценки финансовой безопасности с учетом выделенных угроз и рисков предложена последовательность этапов проведения индикаторного метода (рис. 3).

Суть индикаторного метода как инструмента обеспечения финансовой безопасности заключается в способности путем расчета интегрированных показателей идентифицировать угрозы до того, как они будут реализованы.

Рассчитав систему индикаторов и построив «звезду» уровня финансовой безопасности, можно результаты представить в табличной форме (табл. 5).

На основе выведения интегрированных показателей идентифицировано периодическое возникновение угроз финансовым ресурсам предприятия.

Результаты

Таким образом, мы пришли к выводу, что применение индикаторного метода способствует по группам показателей идентифицировать сферу реализации угроз финансовым интересам хозяйствующего субъекта, а также с точки зрения качественных преобразований снизить вероятность их проявления. Однако предложенная система индикаторов применима для конкретного предприятия и адаптивна к изменениям в соответствии со спецификой деятельности других хозяйствующих субъектов.

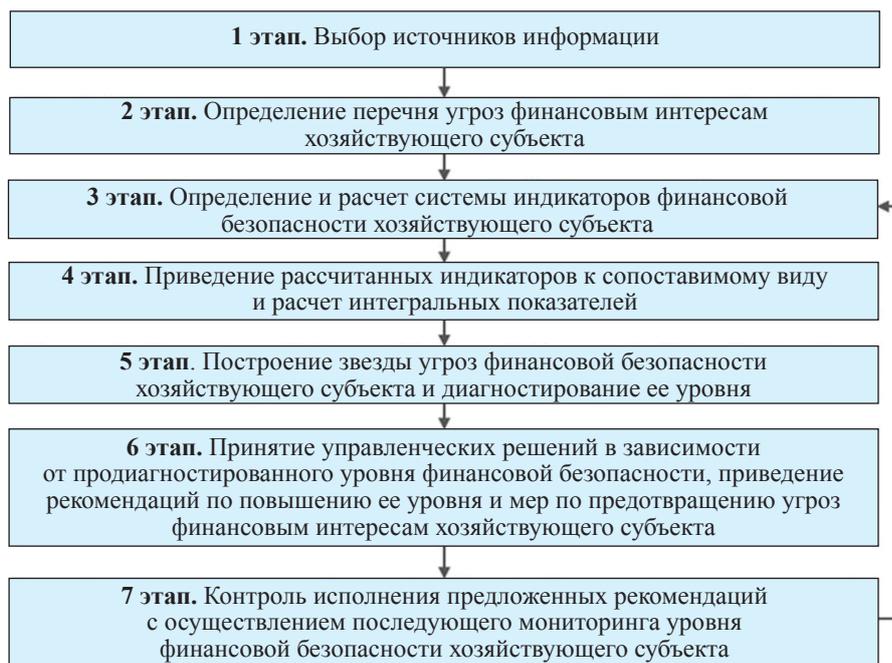


Рис. 3. Последовательность этапов проведения индикаторного метода

Fig. 3. The sequence of the indicator method stages

Таблица 5 / Table 5

Интегрированные показатели уровня финансовой безопасности
Integrated financial security indicators

Показатели	Нормативное значение	2014	2015	2016	2017	2018
Финансовые	17	35,859	14,658	18,025	18,421	19,025
Маркетинговые	6	7,565	7,273	7,977	8,856	13,850
Технические	5	5,902	7,007	5,235	6,994	4,068
Информационные	2	0,750	2,850	0,950	1,800	1,050
Кадровые	6	7,535	6,305	5,965	6,687	7,687
Общий интегрированный показатель	36	57,610	38,093	38,151	42,758	45,781

Цель проведенного исследования, на наш взгляд, была достигнута, задачи решены. Результатом исследования явился 7-этапный процесс осуществления индикаторного метода, в заключение которого формируется «звезда» угроз финансовой безопасности хозяйствующего субъекта. На основе построенной «звезды» возможно сделать выводы об идентифицированных угрозах, на которые руководству необходимо обратить особое внимание. Также предложены меры по повышению значений индикаторов, которые попали в опасную зону.

Нами была предложена система индикаторов (и выставлены пороговые значения), которая способна идентифицировать угрозы предприятия, однако система является гибкой и адаптивной к изменениям, что является значительным преимуществом.

Практическая значимость исследования заключается в следующем:

- 1) построена карта финансовых рисков предприятия, отражающих логическую взаимосвязь опасностей, угроз и рисков финансовой деятельности хозяйствующего субъекта;
- 2) построены сценарии реализации рисков финансовой безопасности предприятия для оценки вероятности их наступления;
- 3) систематизированы индикаторы в соответствии с угрозами финансовой безопасности.

Список литературы

1. Цыпин А. П. Влияние состояния промышленности на продовольственную безопасность региона // Азимут научных исследований : экономика и управление. 2016. Т. 5, № 3 (16). С. 209–211.



2. Бланк И. А. Управление финансовой безопасностью предприятия. Киев : Ника-Центр : Эльга, 2004. 776 с.
3. Парфенова Т. Финансовая безопасность предприятия : системный подход // Консультант. 2010. № 15. С. 18–20.
4. Горячева К. С. Финансовая безопасность предприятия, сущность и место в системе экономической безопасности // Экономист. 2003. № 8. С. 65–67.
5. Лаврова Ю. В. Интересы экономических агентов предприятия как основа определения состояния его финансовой безопасности // Вісник економіки транспорту і промисловості. 2014. № 45. С. 97–103.
6. Реверчук Н. Й. Управління економічною безпекою підприємницьких структур. Львів : ЛБІ НБУ, 2004. 195 с.
7. Кириченко О. А., Кім Ю. Г. Вплив інфляційних процесів на фінансову безпеку підприємства // Економіка та держава. 2009. № 1. С. 13–16.
8. Воробьев Ю. Н., Порицкий Д. В. Финансово-экономическая безопасность : теоретический аспект // Научный вестник : финансы, банки, инвестиции. 2015. № 2 (31). С. 34–43.
9. Воробйова Е. И. Фінансова безпека на мікро- та макроурівнях // Науковий вісник: Фінанси, банки, інвестиції. 2012. № 2 (15). С. 6–10.
10. Овечкина О. Н. Понятие и методика оценки финансовой безопасности предприятия // Вопр. экономики и права. 2013. № 3. С. 87–92.
11. Бондарь А. П. Фінансовий стан та фінансова безпека будівельних підприємств України // Науковий вісник: Фінанси, банки, інвестиції. 2011. № 4 (13). С. 10–12.
12. Карзаева Н. Н., Бабанская А. С. Экономическая безопасность. М. : Изд-во РГАУ-МСХА, 2016. 245 с.
13. Водянова В. В. Экономическая безопасность. Системное представление. М. : Гос. ун-т управления, 2010. 177 с.
14. Ярочкин В. И. Информационная безопасность. М. : Фонд «Мир» : Акад. проект, 2003. 639 с.
15. Владимиров Т. В. Социальная природа информационной безопасности. М. : АНО Изд. дом «Науч. обозрение», 2014. 239 с.
16. Шапкин А. С., Шапкин В. А. Экономические и финансовые риски. Оценка, управление, портфель инвестиций. М. : Дашков и К, 2018. 544 с.
17. Папехин Р. С. Факторы финансовой безопасности и устойчивости предприятия : автореф. ... канд. экон. наук. М., 2007. 21 с.
18. Гвоздева Е. А. Риск-менеджмент. Рубцовск : Рубцовский индустриальный ин-т, 2015. 86 с.

Образец для цитирования:

Власенкова Т. А., Панченко Т. М., Цыпин А. П. Индикаторный метод как инструмент обеспечения финансовой безопасности хозяйствующего субъекта // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 271–283. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-3-271-283>

Indicator Method as an Instrument to Ensure Financial Security of an Economic Entity

T. A. Vlasenkova, T. M. Panchenko, A. P. Tsy-pin

Tatiana A. Vlasenkova, <https://orcid.org/0000-0003-4881-1446>, Moscow State University of Food Production, 11 Volokolamskoe Sh., Moscow 125080, Russia, klenina@yandex.ru

Tatiana M. Panchenko, <https://orcid.org/0000-0003-2890-2893>, Moscow State University of Food Production, 11 Volokolamskoe Sh., Moscow 125080, Russia, panchenkotm@yandex.ru

Aleksandr P. Tsy-pin, <https://orcid.org/0000-0003-1914-0719>, Moscow State University of Food Production, 11 Volokolamskoe Sh., Moscow 125080, Russia, zipin@yandex.ru

Introduction. Any enterprise's functioning in a market economy entails internal and external risks. Reducing their impact or leveling ensures a long-term existence of the business. In this view, the subject of the study is relevant. **Theoretical analysis.** The theoretical and methodological basis of the study was the works of Russian and foreign researchers in the field of economic and financial security. During the critical study of scientific publications it was determined that the interpretation of the financial security of enterprises definition is considered in terms of several

approaches: complex, resource, financial. It was also found during the study that threats to financial security have a direct impact on production, personnel, information, etc. **Empirical analysis.** The main methods of research were analysis and synthesis, as well as the method of generalizing indicators. In the course of the study, it was found that the analyzed enterprise uses only quantitative indicators for evaluation, which are unable to identify most threats to financial interests. As a result, an open list of qualitative indicators was proposed that could assess the level of financial security. **Results.** The construction of the financial security risk matrix allowed us to establish that the total cost of implementing all risks per year can reach 90 million rubles, which is about 9% of the property of the enterprise. Having assessed the risks of financial security, we recommended that the management of the enterprise should pay attention to the realization of the profits loss risks due to the unstable position of suppliers and contractors in the market or the termination of their activities.

Keywords: risk, indicative method, economic security, financial safety, enterprise, economic entity.

Received: 05.04.2020 / Accepted: 10.06.2020 /

Published: 31.08.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)



References

1. Tsypin A. P. Effect of the state of industry to the region food security. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie* [Azimuth of scientific research: economics and management], 2016, vol. 5, no. 3 (16), pp. 209–211 (in Russian).
2. Blank I. A. *Upravlenie finansovoi bezopasnost'yu predpriyatiya* [Enterprise financial security management]. Kiev, Nika-Center: Elga Publ., 2004. 776 p. (in Russian).
3. Parfenova T. Financial security of the enterprise: A systems approach. *Konsul'tant* [Consultant], 2010, no. 15, pp. 18–20 (in Russian).
4. Goryacheva K. S. Financial security of the enterprise, the essence and place in the system of economic security. *Ekonomist* [Economist], 2003, no. 8, pp. 65–67 (in Ukrainian).
5. Lavrova Yu. V. The interests of economic agents of the enterprise as the basis for determining the state of its financial security. *The Bulletin of Transport and Industry Economic*, 2014, no. 45, pp. 97–103 (in Russian).
6. Reverchuk N. Y. *Upravlinnya ekonomichnoyu bezpekoyu pidpriemnic'kih struktur* [Management of economic security of business structures]. Lvov, LBI NBU, 2004. 195 p. (in Ukrainian).
7. Kirichenko O. A., Kim Yu. G. The impact of inflation on the financial security of the enterprise. *Ekonomika ta derzhava* [Economy and State], 2009, no. 1, pp. 13–16 (in Ukrainian).
8. Vorobyov Yu. N., Poritsky D. V. Financial and economic security: The theoretical aspect. *Scientific Bulletin: finance, banking, investments*, 2015, no. 2 (31), C. 34–43 (in Russian).
9. Vorobyova E. I. Financial security at the micro and macro levels. *Nauchnij vestnik: finansy, banki, investitsii* [Scientific Bulletin: finance, banks, investments], 2012, no. 2 (15), pp. 6–10 (in Ukrainian).
10. Ovechkina O. N. The concept and methodology for assessing the financial security of an enterprise. *Voprosy ekonomiki i prava* [Issues of economics and law], 2013, no. 3, pp. 87–92 (in Russian).
11. Bondar A. P. Financial condition and financial security of construction enterprises of Ukraine. *Nauchnyj vestnik: finansy, banki, investitsii* [Scientific Bulletin: finance, banks, investments], 2011, no. 4 (13), pp. 10–12 (in Ukrainian).
12. Karzayev N. N., Babanskaya A. S. *Ekonomicheskaya bezopasnost'* [Economic security]. Moscow, Publishing House of the RSAU-MSHA, 2016. 245 p. (in Russian).
13. Vodyanova V. V. *Ekonomicheskaya bezopasnost'. Sistemoe predstavlenie* [Economic security. System presentation]. Moscow, Gosudarstvennyi universitet upravleniya, 2010. 177 p. (in Russian).
14. Yarochkin V. I. *Informatsionnaya bezopasnost'* [Information Security]. Moscow, Mir Foundation, Acad. project, 2003. 639 p. (in Russian).
15. Vladimirova T. V. *Sotsial'naya priroda informatsionnoi bezopasnosti* [The social nature of information security]. Moscow, ANO Izdatel'skiy dom "Nauchnoe obozrenie", 2014. 239 p. (in Russian).
16. Shapkin A. S., Shapkin V. A. *Ekonomicheskie i finansovye riski. Otsenka, upravlenie, portfel' investitsiy* [Economic and financial risks. Valuation, management, investment portfolio]. Moscow, Dashkov i K Publ., 2018. 544 p. (in Russian).
17. Papekhin R. S. *Faktory finansovoi bezopasnosti i ustojchivosti predpriyatiya* [Factors of financial security and enterprise sustainability]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Econ.). Moscow, 2007. 21 p. (in Russian).
18. Gvozdeva E. A. *Risk-menedzhment* [Risk management]. Rubtsovsk, Rubtsovsk Industrial Institute, 2015. 86 p. (in Russian).

Cite this article as:

Vlasenkova T. A., Panchenko T. M., Tsypin A. P. Indicator Method as an Instrument to Ensure Financial Security of an Economic Entity. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 271–283 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-3-271-283>



УДК 338.1

Обоснование принципов государственной поддержки развития сельского хозяйства

Е. А. Дерунова

Дерунова Елена Анатольевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории инновационного развития производственного потенциала агропромышленного комплекса, Институт аграрных проблем РАН, Саратов, ea.derunova@yandex.ru

Введение В решении вопроса обеспечения динамичного и устойчивого социально-экономического роста аграрной экономики, основанного на внутренних факторах конкурентоспособности, особую актуальность занимают вопросы распределения государственной поддержки между сельскохозяйственными товаропроизводителями. **Теоретический анализ.** В статье рассматриваются теоретические и методические аспекты государственного регулирования сельского хозяйства. Научно обоснована необходимость разработки методической базы и инструментария совершенствования системы распределения субсидиарной поддержки сельского хозяйства. **Эмпирический анализ.** Проведен анализ и дана оценка динамики финансирования сельского хозяйства и результатов аграрного производства. На основании эмпирического анализа выявлено, что уровень государственной поддержки характеризуется тенденцией увеличения доли затрат в расчете на единицу результата в сравнении с отраслями промышленности, что обосновывает необходимость разработки принципов и механизма совершенствования распределения субсидиарной поддержки сельскохозяйственным товаропроизводителям. **Результаты.** Разработаны методические подходы к государственной поддержке сельского хозяйства, в рамках которых сформулированы методы и формы государственной поддержки. Разработана система принципов государственной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей, отвечающих векторам устойчивого социально-экономического роста. Развитие методических подходов к совершенствованию государственной поддержки и форм ее распределения на отраслевом и региональном уровне на базе применения авторских принципов позволит разработать ключевые индикаторы оценки эффективности поддерживаемой и стимулирующей субсидии для региональных отраслевых агросистем всех форм хозяйствования с учетом достигнутого уровня инновационности сельскохозяйственного производства. Практическая реализация результатов исследования позволит создать условия для динамичного и устойчивого социально-экономического роста аграрной экономики на инновационной основе.

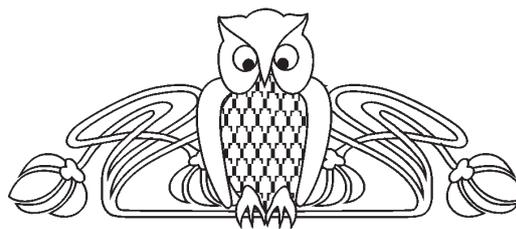
Ключевые слова: государственная, поддержка, сельское хозяйство, принципы господдержки, компенсирующая и стимулирующая субсидия, устойчивое социально-экономическое развитие.

Поступила в редакцию: 15.05.2020 / Принята: 15.06.2020 / Опубликовано: 31.08.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-3-284-291>

© Дерунова Е. А., 2020



Введение

Государственная поддержка сельского хозяйства является важнейшим условием эффективного функционирования аграрного сектора экономики в большинстве стран. В последние годы наблюдается нарастание объемов субсидирования сельского хозяйства, формирующей положительную тенденцию роста сельскохозяйственного производства. Практика последних лет свидетельствует также о положительном отклике производственных процессов и на трансформацию методов государственного стимулирования. Вследствие роста бюджетной поддержки произошло ускорение темпов развития отраслей сельского хозяйства, в том числе птицеводства, свиноводства, отраслей молочного и мясного скотоводства.

В настоящее время основным механизмом государственной поддержки сельского хозяйства выступает «Госпрограмма развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2025 гг.» (в ред. от 31 марта 2020 г.), в которую включены федеральный проект «Экспорт продукции агропромышленного комплекса», ведомственные проекты: «Развитие отраслей агропромышленного комплекса, обеспечивающих ускоренное импортозамещение основных видов сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия», «Стимулирование инвестиционной деятельности в агропромышленном комплексе», «Техническая модернизация агропромышленного комплекса», «Цифровое сельское хозяйство», а также ведомственная программа «Развитие мелиоративного комплекса России» [1]. В данных документах, определяющих государственную поддержку, сформулированы приоритеты: разработка и трансфер инноваций, диффузия инноваций, биологизация, повышение инвестиционной привлекательности отрасли, повышение уровня материально-технического оснащения за счет обновления парка сельскохозяйственной техники, повышение эффективности использования основных фондов и инвестиций.

Данные программные документы системно и последовательно внедряли в действие новые механизмы и инструменты господдержки, кото-



рые трансформировались в эффективные рычаги подъема сельского хозяйства и АПК в целом [2].

Вместе с тем данные позитивные тенденции сформировались за счет крупных агрохолдингов, на которые приходится около 80% бюджетных субсидий, выделяемых сельскому хозяйству. Другим организационно-правовым формам агробизнеса государственная поддержка оказывается в значительно меньшем объеме или абсолютно недоступна.

Существующая практика концентрации господдержки в крупных агрофирмах при уменьшении общего числа бюджетополучателей [3] приводит к росту объемов сельскохозяйственного производства, но в то же время не стимулирует создание ресурсных возможностей для развития средних и мелких сельскохозяйственных товаропроизводителей, крайне важных для эффективного функционирования аграрного сектора любой страны.

Одной из возможных причин асимметричного характера распределения является преобладание в существующей модели развития экстрактивных институтов [4].

Обостряют данную ситуацию и сложные природно-климатические условия России, высокая степень раздробленности сельскохозяйственных товаропроизводителей и пространственная неоднородность агросистем по отраслевому и территориальному признакам.

Несмотря на наличие в российском аграрном секторе экономики высокого научно-интеллектуального, природного потенциала, наблюдается недостаточная степень его реализации, что связано с существующими подходами к распределению ресурсов господдержки.

Теоретический анализ

Исследование роли государства в регулировании экономики представлено в трудах представителей неоклассического, кейнсианского, институционального направлений.

Высокая актуальность формирования институциональной структуры для социально-экономического развития общества изучается в трудах Д. Норта, В. М. Полтеровича, Дж. Ходжсона, Г. Б. Клейнера [5].

В области государственного регулирования аграрной сферы экономики особо следует отметить труды таких ученых, как А. И. Алтухов, А. А. Анфиногентов, А. В. Голубев, Н. А. Киреева, Э. Н. Крылатых, А. А. Никонов, И. С. Санду, А. М. Сухорукова, В. Я. Узун, И. Г. Ушачев и др.

Вместе с тем существующие проблемы сельского хозяйства актуализируют проблему трансформации системы государственного

управления, которую необходимо решать на основе построения новой идеологии. Ее приоритетом должно стать научное обоснование распределения ресурсов государственной поддержки с учетом принципов устойчивого социально-экономического развития агропромышленного комплекса России.

Целью исследования является разработка методических подходов, принципов совершенствования распределения субсидиарной поддержки перехода сельскохозяйственных товаропроизводителей всех форм хозяйствования к устойчивому социально-экономическому росту на инновационной основе.

Эмпирический анализ

Согласно статистическим данным, в период 2005–2017 гг. наблюдается тенденция устойчивого роста инвестиционных вливаний в основной капитал. Затраты на технологические инновации организаций за весь период возросли по экономике в целом более чем в три раза. Значение показателя объема инновационных товаров, работ и услуг увеличился как по экономике в целом, так и в производстве пищевых продуктов в 3,5 и 2,0 раза соответственно. Также характерна тенденция роста числа разработанных и используемых передовых производственных технологий более чем на 70%.

По статистическим данным, внутренние текущие затраты на исследования и разработки к 2017 г. выросли в четыре раза по сравнению с 2005 г. и составили 873,78 млрд руб. Затраты в области сельскохозяйственных наук увеличились в 3,3 раза. Затраты на фундаментальные исследования выросли в 4,1 раза, на прикладные исследования – в 2,8, на разработки – в 2,3 раза. Высокий рост затрат в 8 раз был в области сельскохозяйственных наук в секторе высшего образования [6].

На основании эмпирического анализа выявлено, что уровень государственной поддержки характеризуется тенденцией увеличения доли затрат в расчете на единицу результата по сравнению с другими отраслями народного хозяйства и передовыми мировыми практиками, что обосновывает необходимость разработки принципов и механизма совершенствования распределения субсидиарной поддержки сельскохозяйственным товаропроизводителям [7].

С 2020 г. Министерство сельского хозяйства России установило обновленные правила распределения единой субсидии. Согласно этим правилам, совокупный объем государственной поддержки подразделяется на компенсирующую и стимулирующую субсидии. Среди основных



направлений поддержки в рамках компенсирующей или поддерживающей субсидии необходимо отметить поддержку развития племенного животноводства, собственного производства молока, мясного животноводства, проведение комплекса агротехнологических работ, развитие элитного семеноводства.

Среди направлений государственной поддержки в рамках стимулирующей субсидии необходимо выделить производство зерновых и зернобобовых культур, масличных культур, овощей открытого грунта, льна-долгунца, молока. Также стимулирующую субсидию планируется

направить на развитие специализированного мясного скотоводства, овцеводства, а также развитие малых форм хозяйствования и субъектов с низким уровнем социально-экономического развития [8].

Согласно Правилам предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на поддержку сельскохозяйственного производства по отдельным подотраслям растениеводства и животноводства, вступивших в силу с 11 апреля 2020 г., размер субсидии, предоставляемой бюджету i -го субъекта Российской Федерации, определяется следующим образом:

$$W_{1i} = W \times 0,95 \times \frac{(0,225 \times M_i + 0,22 \times P_i + 0,047 \times C_i + 0,364 \times N_i + 0,037 \times T_i + 0,107 \times E_i) \times \frac{Y_i}{100}}{\sum_{i=1}^n (0,225 \times M_i + 0,22 \times P_i + 0,047 \times C_i + 0,364 \times N_i + 0,037 \times T_i + 0,107 \times E_i) \times \frac{Y_i}{100}},$$

где W – размер субсидии, предусмотренной в федеральном бюджете на соответствующий финансовый год; M_i – доля i -го субъекта РФ в объеме реализации и (или) отгрузки на собственную переработку молока; P_i – доля i -го субъекта РФ в общей численности условного маточного племенного поголовья сельскохозяйственных животных; C_i – доля i -го субъекта РФ в общей численности товарного поголовья коров специализированных мясных пород и маточного поголовья овец и коз; N_i – доля i -го субъекта РФ в общем размере посевных площадей с учетом интенсивности страхования посевных площадей; T_i – доля i -го субъекта РФ в показателях традиционных подотраслей; E_i – доля i -го субъекта РФ в общем размере площадей, засеваемых элитными семенами; Y_i – предельный уровень софинансирования расходного обязательства i -го субъекта РФ из федерального бюджета на очередной финансовый год (в процентах); n – количество субъектов РФ, отвечающих условиям.

При этом расчет средней доли субсидии осуществляется исходя из объема субсидий, предоставленных бюджету i -го субъекта Российской Федерации на содействие достижению целевых показателей региональных программ, повышение продуктивности в молочном скотоводстве и оказание несвязанной поддержки в области растениеводства [9].

Результаты

В работе обоснованы отраслевые особенности сельскохозяйственного производства, которые целесообразно регулировать мерами государственной поддержки.

1. Позиционирование земельных ресурсов как национального достояния и незаменимого средства производства, которые необходимо сохранять за счет бюджетных средств.

2. Связь сельскохозяйственного производства с природно-климатическими факторами обуславливает необходимость расширения спектра программ поддержания стабильности и страхования урожая, льготного режима налогообложения.

3. Более медленное наращивание темпов роста сельскохозяйственного производства на инновационной основе по сравнению с промышленностью требует активизации государственной поддержки инновационной деятельности в аграрном секторе экономики [10].

4. Негибкий и неэластичный характер сельскохозяйственного производства при необходимости срочного наращивания его объемов обуславливает необходимость внедрения системы государственного мониторинга, контроля, регулирования и вмешательства в действия рынка.

5. Диспаритет цен между стоимостью сельскохозяйственной продукции и стоимостью ресурсов, необходимых для производства указанной продукции, обуславливает необходимость через систему дотаций и компенсаций системной и стабильной государственной поддержки.

В экономической литературе существуют различные точки зрения на формы и методы государственного регулирования сельского хозяйства [11]. В рамках программно-целевого подхода к господдержке выделяют институциональные и региональные методы в форме региональных целевых программ. При комплексном подходе выделяют такие методы, как организационные, финансовые



и институциональные. В рамках комплексного подходы преобладают такие формы господдержки, как система страхования рисков, информационно-консультационная поддержка, государственно-частное партнерство, а также прямые иностранные инвестиции. Согласно управленческому подходу выделяют организационные, инфраструктурные и институциональные методы государственной поддержки в форме разработки нормативно-правовых актов, конкурсного отбора инновационных проектов. По мнению Л. А. Семиной, государственную поддержку целесообразно осуществлять в форме кластерного подхода. При этом к методам ее реализации относятся структурные, системные, оценочные, инфраструктурные, институциональные, а к формам – поддержка фундаментальной науки, развивающего образования [12]. Среди форм поддержки в рамках регулятивного подхода выделяют налоговое стимулирование, государственное сопровождение приоритетных инвестиционных проектов, а также предоставление грантов и субсидий. Согласно трансферному подходу к поддержке инноваций выделяют организационные, финансовые, инфраструктурные методы, среди форм финансирования преобладает создание агротехнопарков. По мнению Д. В. Ходоса, государственное регулирование сельскохозяйственного производства целесообразно осуществлять с учетом социального подхода через реализацию таких направлений господдержки, как строительство жилья, создание интегрированных формирований, развитие агротуризма [13].

Таким образом, государственная поддержка является основным направлением государственного стимулирования инвестиционно-инновационной деятельности в сельском хозяйстве, представляющая собой комплекс нормативно-правовых, организационно-управленческих и финансово-экономических форм [14].

Исследование позитивного зарубежного опыта, существующей российской практики, эмпирических расчетов и выявленных тенденций позволило разработать систему принципов государственной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей, отвечающих векторам устойчивого социально-экономического роста.

1. *Принцип эффективности* заключается в оптимизации размера государственной поддержки, обеспечивающего максимизацию объемов сельскохозяйственного производства и достижение социальных показателей развития сельских территорий. Выделяемая государственная поддержка должна обеспечивать в отраслях уровень рентабельности, близкий к 30%. В случае невозможности достижения данных показателей за счет увеличения субсидиарной поддержки не-

обходимо рассмотреть возможность применения иных способов государственного регулирования, таких как, например, снижение налоговых ставок, повышение доступности кредитов для сельскохозяйственных товаропроизводителей.

2. *Принцип инновационного развития* состоит в обеспечении ускоренного развития сельского хозяйства на основе передовых научных достижений. В настоящее время, несмотря на положительные сдвиги в объемах и механизмах государственной поддержки, в некоторых отраслях сохраняется высокая степень зависимости от импорта наукоемкой промежуточной продукции – элитных семян, средств защиты растений, ветеринарных препаратов, кормовых добавок. Одной из причин сохраняющихся негативных тенденций является несовершенство существующих механизмов распределения средств господдержки [15]. При распределении финансирования сельскохозяйственных товаропроизводителей не учитываются степень их инновационной восприимчивости и сопоставление динамики повышения эффективности сельскохозяйственного производства с динамикой затрат на инновации и финансирование аграрной науки.

3. *Принцип научного обоснования* выделения субсидиарной поддержки заключается в сопоставлении целесообразности выделяемых средств с учетом применения в сельскохозяйственном производстве прорывных технологий, позволяющих получать максимальную отдачу на рубль вложенных средств.

4. *Принцип комплексности* субсидиарной поддержки заключается не только в финансировании приобретения технологий, но и в создании необходимой инфраструктуры для ведения сельскохозяйственного производства [16].

5. *Принцип дифференцированного распределения* субсидиарной поддержки состоит в предложении первоочередной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей, обеспечивающих мультипликативный эффект. Государственную поддержку необходимо дифференцировать с учетом сроков окупаемости инвестиций в отрасль, географического положения и природно-климатических условий, существующего биоклиматического потенциала территорий, вида производимой продукции и рентабельности отрасли, а также расстояния до логистических центров [17].

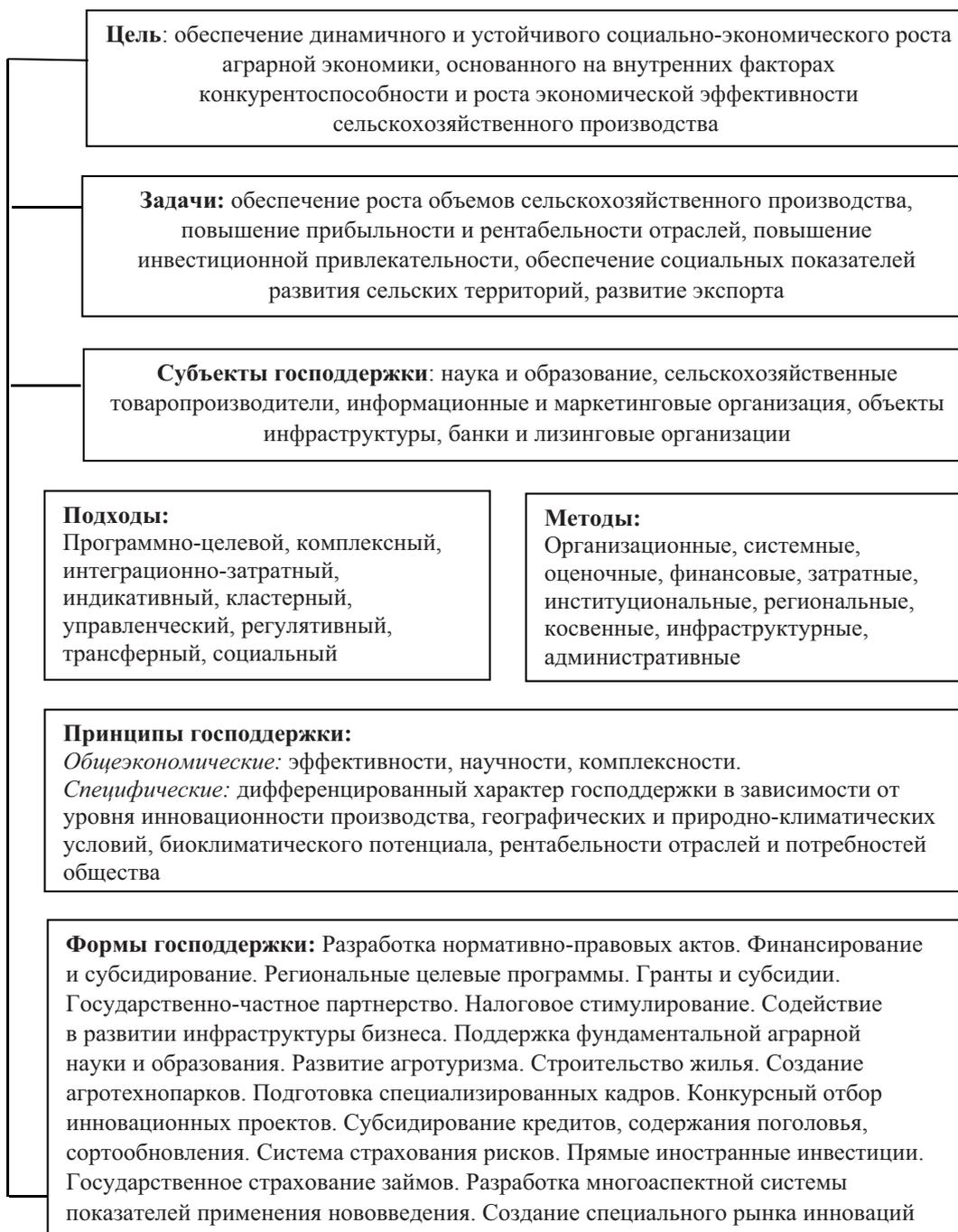
6. *Принцип прозрачности* бюджетной поддержки. Для реализации данного принципа предлагается составить реестр ее получателей с указанием размеров субсидиарной поддержки и предоставить возможность открытого доступа к данной информации.



7. *Принцип объективности.* Совершенствование методики оценки эффективности государственной поддержки с учетом включения индикаторов инновационности производства, уровня развития биоклиматического потенциала территории, приоритетности и рентабельности отраслей, а также с учетом достижения плановых показателей социально-экономического развития сельских территорий.

На базе разработанных принципов государственной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей, отвечающих векторам устойчивого социально-экономического роста, в статье предложена схема концепции совершенствования государственной поддержки сельского хозяйства (рисунок).

Развитие методических подходов к совершенствованию государственной поддержки и форм



Модельная схема концепции совершенствования государственной поддержки в сельском хозяйстве
Model scheme of the concept of improving state support in agriculture



ее распределения на отраслевом и региональном уровне на базе применения авторских принципов позволит разработать ключевые индикаторы оценки эффективности поддерживающей и стимулирующей субсидии для региональных отраслевых агросистем всех форм хозяйствования с учетом достигнутого уровня инновационности сельскохозяйственного производства.

Практическая реализация результатов исследования позволит обеспечить гармоничное развитие как агрохолдингов, так и средних и мелких форм хозяйствования, обеспечить выравнивание доходности различных видов продукции, сократить разрыв между регионами в развитии сельского хозяйства, повысить инвестиционную привлекательность отрасли и создать условия для динамичного и устойчивого социально-экономического роста аграрной экономики на инновационной основе.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект «Разработка методологии и оценочно-прогнозного инструментария мониторинга инновационного развития АПК» № 18-010-01129).

Список литературы

1. Господдержка меняет направление. Система субсидирования агросектора снова корректируется. URL: <https://www.agroinvestor.ru/analytics/article/31483-gospodderzhka-menyayet-napravlenie/> (дата обращения: 02.05.2020).
2. Голубев А. В. Явные и скрытые эффекты государственной поддержки сельского хозяйства // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2019. № 9. С. 13–17. DOI: 10.31442/0235-2494-2019-0-9-13-17
3. Зинченко А. П. Сельское хозяйство России по итогам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года // Изв. ТСХА. 2017. Вып. 5. С. 124–137. DOI: 10.26897/0021-342X-2017-5-124-137
4. Derunova E. A., Kireeva N. A., Prushchak O. V. The role of state support in ensuring the inclusive development of the agri-food system // Scientific Papers Series «Management, Economic Engineering in Agriculture and Rural Development». 2020. Vol. 20, iss. 1. P. 161–171.
5. Клейнер Г. Б. Эволюция институциональных систем. М.: Наука, 2004. 240 с.
6. Справка о состоянии научных исследований, проводимых в интересах сельского хозяйства и агропромышленного комплекса России. URL: https://rosinformagrotech.ru/images/fntp/spravka_o_sostoianii_130e8.pdf (дата обращения: 07.05.2020).
7. Derunova E. A. Long-term trends of scientific-intellectual potential of agriculture food complex // Scientific Papers Series «Management, Economic Engineering in Agriculture and Rural Development». 2020. Vol. 20, iss. 2. P. 199–210.
8. Минсельхоз обновил правила распределения единой субсидии. URL: <https://milknews.ru/index/selskoe-hozyaystvo/minselhoz-gospodderzhka-2020.html> (дата обращения: 02.05.2020).
9. Правила предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на поддержку сельскохозяйственного производства по отдельным подотраслям растениеводства и животноводства от 28 мая 2020 г. № 779. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/70210644/paragraph/43696510:0> (дата обращения: 02.05.2020).
10. Организация внедрения программно-целевых методов управления при реализации Государственных программ развития сельского хозяйства на уровне субъектов Российской Федерации (методические рекомендации) / под ред. И. Г. Ушачева, И. С. Санду. Тула: Гриф и К, 2010. 264 с.
11. Чекунов А. С. Технологическая модернизация сельскохозяйственного производства: состояние, формы, методы и направления поддержки инноваций // Вест. ВГУИТ. 2019. Т. 81, вып. 1. С. 373–379. DOI: 10.20914/2310-1202-2019-1-373-379
12. Ковалева И. В., Санду И. С., Семина Л. А., Зарякина О. М. Формирование региональной политики на основе инвестиционно-инновационного подхода // Вестн. АГАУ. 2015. № 5 (127). С. 153–157.
13. Ходос Д. В. Развитие инновационных и социальных процессов в сельском хозяйстве // Никоновские чтения. 2009. № 14. С. 251–252.
14. Семенов А. С., Дерунов В. А. Математическое обоснование экономического роста в условиях попадания страны в «ловушку отсталости» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2016. Т. 16, вып. 3. С. 288–293. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2016-16-3-288-293>
15. Полунин Г. А., Поляк В. Е., Видро В. Л., Андрияшкова С. А. Разработка стратегии развития аграрной науки // Аграрная наука. 1998. № 9–10. С. 3–5.
16. Петухова М. С. Механизм обеспечения инновационного воспроизводства в сельском хозяйстве Новосибирской области // Экономика сельского хозяйства России. 2018. № 4. С. 32–37. DOI: 10.32651/2070-0288-2018-4-32-37
17. Адуков Р. Х., Адукова А. Н. Необходимость стимулирования гармоничного развития отраслей сельского хозяйства // Экономика сельского хозяйства России. 2020. № 1. С. 18–22. DOI: 10.32651/201-18

Образец для цитирования:

Дерунова Е. А. Обоснование принципов государственной поддержки развития сельского хозяйства // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 284–291. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-3-284-291>



The Foundation of the Agricultural Development State Regulation

E. A. Derunova

Elena A. Derunova, <https://orcid.org/0000-0002-9391-0123>, Institute of Agrarian Problems RAS, 94 Moscovskaya St., Saratov 410012, Russia, ea.derunova@yandex.ru

Introduction. In addressing the issue of ensuring dynamic and sustainable socio-economic growth of the agricultural economy based on internal factors of competitiveness, the distribution of state support among agricultural producers is of particular relevance.

Theoretical analysis. The article discusses the theoretical and methodological aspects of agricultural state regulation. The need for developing a methodological base and tools for improving the distribution system of subsidiary support for agriculture is scientifically substantiated. **Empirical analysis.** The analysis is carried out and the dynamics of agricultural financing and the results of agricultural production are estimated. Based on empirical analysis, it was found out that the level of state support is characterized by a tendency to increase the share of costs per unit of result in comparison with industries, which justifies the need to develop principles and a mechanism for improving the distribution of subsidiary support to agricultural producers. **Results.** Methodological approaches to state support for agriculture are developed, within the framework of which methods and forms of state support are formulated. A system of principles of state support for agricultural producers that meets the vectors of sustainable socio-economic growth is developed. The development of methodological approaches to the state support improvement and the forms of its distribution on industrial and regional levels, based on a set of copyright principles, will make it possible to find key indicators for the effectiveness assessment of the compensating and stimulating subsidy for the regional industrial agrosystems of all forms, factoring in with the achieved level of agricultural innovation. The practical implementation of these proposals will ensure the harmonious development of all types of agricultural products, reduce the gap between the regions in the development of agriculture, ensure the growth of investment in agriculture, as well as increase employment and income of the rural population.

Keywords: state, support, agriculture, principles of state support, compensating and stimulating subsidies, sustainable socio-economic development.

Received: 15.05.2020 / Accepted: 15.06.2020 / Published: 31.08.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project "Development of methodology and assessment and forecasting tools for monitoring the innovative development of the agro-industrial complex" No. 18-010-01129).

References

1. *Gospodderzhka meniaet napravlenie. Sistema subsidirovaniya agrosektora snova korrektiruetsia* (Government support is changing direction. Agricultural Subsidy System Adjusted Again). Available at: <https://www.agroinvestor.ru/analytics/article/31483-gospodderzhkamenyaet-napravlenie/> (accessed 2 May 2020) (in Russian).
2. Golubev A. V. Explicit and Implicit Effects of State Support for Agriculture. *Ekonomika sel'skhozjajstvennykh i pererabatyvaiuschikh predpriyatij* [Economics of agricultural and processing enterprises], 2019, no. 9, pp. 13–17 (in Russian). DOI: 10.31442/0235-2494-2019-0-9-13-17
3. Zinchenko A. P. Agriculture of Russia Following the Results of the All-Russian Agricultural Census of 2016. *Izvestiya of Timiryazev Agricultural Academy (TAA)*, 2017, iss. 5, pp. 124–137 (in Russian). DOI: 10.26897/0021-342X-2017-5-124-137
4. Derunova E. A., Kireeva N. A., Prushchak O. V. The role of state support in ensuring the inclusive development of the agri-food system. *Scientific Papers Series "Management, Economic Engineering in Agriculture and Rural Development"*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 161–171.
5. Klejner G. B. *Evolutsiya institutsional'nykh sistem* [The evolution of institutional systems]. Moscow, Nauka Publ., 2004. 240 p. (in Russian).
6. *Spravka o sostoianii nauchnykh issledovaniy, provodimykh v interesakh sel'skogo hoziaystva i agropromyshlennogo kompleksa Rossii* (Information on the state of scientific research conducted in the interests of agriculture and the agricultural sector of Russia). Available at: https://rosinformagrotech.ru/images/fntp/spravka_o_sostoianii_130e8.pdf (accessed 7 May 2020) (in Russian).
7. Derunova E. A. Long-term trends of scientific-intellectual potential of agriculture food complex. *Scientific Papers Series "Management, Economic Engineering in Agriculture and Rural Development"*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 199–210.
8. *Minsel'hoz obnovil pravila raspredeleniya edinoj subsidei* (The Ministry of Agriculture has updated the rules for the distribution of a single subsidy). Available at: <https://milknews.ru/index/selskoe-hozyaystvo/minselhoz-gospodderzhka-2020.html> (accessed 2 May 2020) (in Russian).
9. *The rules for the provision and distribution of subsidies from the federal budget to the budgets of the constituent entities of the Russian Federation for the support of agricultural production for individual sub-sectors of crop production and livestock production dated of May 28, 2020 no. 779*. Available at: <http://ivo.garant.ru/#/document/70210644/paragraph/43696510:0> (accessed 2 May 2020) (in Russian).
10. *Organizatsiya vnedreniya programmno-tselevykh metodov upravleniya pri realizatsii Gosudarstvennykh programm razvitiya sel'skogo khoziaystva na urovne sub#ektov Rossiiskoi Federatsii (metodicheskie rekomendatsii)* [Organization of the introduction of program-targeted management methods in the implementation of State programs for the development of agriculture at the level of the constituent entities of the Russian Federation



- (guidelines). Ed. by I. G. Ushachev, I. S. Sandu]. Tula, Grif and K Publ., 2010. 264 p. (in Russian).
11. Chekunov A.S. Technological modernization of agricultural production: state, forms, methods and directions of innovation support. *Proceedings of the Voronezh State University of Engineering Technologies*, 2019, vol. 81, iss. 1, pp. 373–379. (in Russian). DOI: 10.20914/2310-1202-2019-1-373-379
 12. Kovaleva I. V., Sandu I. S., Semina L. A., Zaryakina O. M. The formation of a regional policy based on investment and innovative approach. *Bulletin of the Altai State Agrarian University*, 2015, no. 5 (127), pp. 153–157 (in Russian).
 13. Hodos D.V. Development of innovative and social processes in agriculture. *Nikonovskie chtenija*, 2009, no. 14, pp. 251–252 (in Russian).
 14. Semenov A. S., Derunov V. A. Mathematical Justification of Economic in the Conditions of Falling of the Country in the “Underdevelopment Trap”. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2016, vol. 16, iss. 3, pp. 288–293 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2016-16-3-288-293>.
 15. Polunin G. A., Polyak V. E., Vidro V. L., Andryushchenko S. A. Development of a strategy for the development of agricultural science. *Agrarnaia nauka* [Agricultural Science], 1998, no. 9–10, pp. 3–5 (in Russian).
 16. Petuhova M. S. The mechanism of innovative reproduction in agriculture of the Novosibirsk Region. *Ekonomika sel'skogo hoziyaystva Rossii* [Agricultural Economics of Russia], 2018, no. 4, pp. 32–37 (in Russian). DOI: 10.32651/2070-0288-2018-4-32-37
 17. Adukov R. H., Adukova A. N. Necessity to stimulate harmonious development of agricultural branches. *Ekonomika sel'skogo hoziyaystva Rossii* [Agricultural Economics of Russia], 2020, no. 1, pp. 18–22 (in Russian). DOI: 10.32651/201-18

Cite this article as:

Derunova E. A. The Foundation of the Agricultural Development State Regulation. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 284–291 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-3-284-291>



УДК 658.8

Исследование механизмов синхронизации в различных функциональных сферах логистики

В. Н. Трегубов



Трегубов Владимир Николаевич, доктор экономических наук, профессор кафедры коммерции и инжиниринга бизнес-процессов, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., tregubovvn@outlook.com

Введение. Синхронизация в логистике может рассматриваться в двух видах: как синхронизация, обусловленная внешним координационным воздействием, и как синхронизация на основе самоорганизации процессов, обусловленная слабыми информационными взаимодействиями. Следует разделять эти виды синхронизации, понимать их особенности и механизмы возникновения. С этой целью проанализированы подходы к изучению синхронизации в логистических системах. **Теоретический анализ.** Важным фактором, обуславливающим механизмы логистической синхронизации, является функциональная область, в которой протекает логистический процесс. Рассмотрены особенности синхронизации для трех функциональных областей логистики: производство, распределение и снабжение. Систематизированы задачи, связанные с управлением в различных функциональных сферах на основе методологии синхронизации, а также установлены цели и объекты синхронизации, а также вид используемых моделей. **Эмпирический анализ.** Обеспечение качественной информационной поддержки для достижения синхронизации требует дополнительных материальных издержек. Это позволяет сформулировать оптимизационную задачу обеспечения синхронизации в системе управления запасами. Суть данной задачи сводится к тому, что необходимо установить оптимальный уровень затрат на обеспечение синхронизации. При этом следует учитывать, что достижение синхронизации потоков за счет их адаптации требует дополнительных затрат, связанных с повышением качества информационного обслуживания и обеспечением адаптивного управления. **Результаты.** Доказано, что важным фактором синхронизации является функциональная сфера логистики. На основе анализа существующих методов синхронизации в рамках различных функциональных областей установлены существенные для каждой функциональной сферы критерии и цели синхронизации, а также описаны рекомендуемые методы и модели синхронизации.

Ключевые слова: теория логистики, синхронизация, логистика снабжения, логистика распределения, производственная логистика.

Поступила в редакцию: 21.03.2020 / Принята: 10.06.2020 / Опубликовано: 31.08.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-3-292-300>

Введение

В логистической практике понятие «синхронизация в логистических системах» тесно связано с логистической концепцией «точно вовремя»,

которая описывает поставку требуемых компонентов для последующих производственных этапов точно в нужный момент времени. Обычно предполагается, что синхронизация способствует улучшению логистических показателей производственных систем и даже рассматривается как «ключ к конкурентоспособности и выживанию».

Второй подход к пониманию синхронизации идет из естественных наук, где синхронизация рассматривается как «подстраивание ритмов в результате взаимодействия» [1] и исследует различные явления и эффекты, в которых различные объекты, системы или организмы проявляют согласованное поведение. Такими явлениями выступают, например, синхронные аплодисменты людей на концертах, мерцание светлячков или синхронное поведение нейронов внутри мозга, системах безопасности [2]. В основе такого поведения лежат механизмы самоорганизации.

Таким образом, синхронизация в логистике и в цепях поставок может рассматриваться в двух видах: как синхронизация, обусловленная внешним координационным воздействием, и как синхронизация на основе самоорганизации процессов, обусловленная слабыми информационными взаимодействиями [3]. Важно разделять эти виды синхронизации и четко понимать их особенности и механизмы возникновения.

В любом случае возникновение и поддержание синхронизации положительно коррелируется с эффективностью логистики [4]. Современные исследователи используют различные технологии моделирования, чтобы получить полное понимание всех факторов, связанных с обеспечением синхронизации [5]. Это касается как поиска взаимосвязи между данными видами синхронизации, а также определением параметров логистического и производственного процесса, обуславливающих возникновение синхронизации (поиск влияющих факторов), так и исследования связи синхронизации и логистической эффективности [6].

Важным фактором, обуславливающим механизмы логистической синхронизации, является функциональная область, в которой протекает логистический процесс. В данной статье нами рассмотрены особенности синхронизации для трех функциональных областей логистики: про-



изводство, распределение и снабжение. В рамках каждой области нами выполнен обзор решаемых задач, для которых можно использовать методологию логистической синхронизации, а также представлены рекомендуемые для использования методы и модели синхронизации. Соответственно, цель данной работы – выявление причинно-следственных связей, лежащих в основе возникновения синхронизации в логистических системах, а также описание эффективных моделей синхронизации в различных функциональных сферах логистики.

Теоретический анализ

Снабжение в современном виде представляет собой ключевую сферу логистики, для которой выработаны эффективные методологические и концептуальные наработки, обеспечивающие эффективные механизмы управления материальным потоком на входе в производственную систему. Особую роль в процессе снабжения играют технологии управления запасами, поэтому ключевые задачи синхронизации в логистике снабжения возникают именно в управлении складскими запасами [7].

Материальные запасы обычно рассматривают как вид материальных ресурсов, которые хранятся на складе для обеспечения непрерывности процессов в сфере производства или обращения. В рамках традиционного подхода к управлению производством исследователи считали, что запас – это локальное явление, и по возможности его необходимо минимизировать, так как запас отвлекает финансовые ресурсы, требует место для хранения и ведет к возникновению дополнительных издержек. В современной логистике концепция запаса проработана более глубоко, запас рассматривается как полноценный объект логистического управления и выступает равноправной формой существования материального потока, которая имеет свои границы в пространстве и во времени [8].

Накопление запасов имеет свои преимущества и недостатки. Когда товарно-материальные ценности находятся в состоянии запаса, они ожидают своего употребления, однако это не означает, что их нахождение в рамках склада происходит в состоянии покоя. Все время существует динамика запаса. С одной стороны, запас изменяется за счет его пополнения входящим материальным потоком, а с другой стороны, запас уменьшается за счет непрерывной отгрузки, обеспечивающей реализацию товара. Ключевая цель управления запасами направлена на достижение непрерывности обслуживания всех заказов потребляющего звена. Поэтому, если в процессе

формирования логического управления добиться такого положения, чтобы параметры входящие материального потока полностью обеспечивали потребности исходящие материального потока, то запас станет не нужным. Тогда весь входящий материальный поток можно перенаправить потребителю. Такая технология в логистике получила название «точно вовремя» (just-in-time) [9].

Таким образом, запас возникает, когда требования потребителя не удовлетворяются напрямую поставщиками материальных потоков. Это означает, что характеристики системы потребления и системы формирования заказов не соответствуют друг другу. Чтобы избежать возможных рассогласований, требуется накопление товарных ценностей и формирование складских запасов, это позволяет обслужить все заказы потребителей. Избыточный запас возникает в случае наличия слабо согласованных действий внутри связанных звеньев в цепи поставок. Запас обеспечивает возможность синхронизации функционирования логистической цепи, а также позволяет снизить риски потребителя и поставщика.

Противоречивость в формировании запасов обусловлена двойственным характером. С одной стороны, наличие запасов повышает эффективность логистической системы, так как позволяет обеспечить непрерывность и надежность функционирования в любых условиях и при любых внешних изменениях. С другой стороны, увеличивается объем денежных средств, который связан в запасах, что ведет к финансовым потерям. Снижение объемов запасов может привести к тому, что в процессе поставки в торговые сети возникнет сбой или отказ. На рис. 1 систематизированы плюсы и минусы использования запасов в логистической системе [10].

Тема эффективного управления запасами достаточно хорошо проработана в современной литературе по логистике [11]. Существует ряд классификаций видов запасов по различным признакам, в частности, часто используют признаки: группа материальных ресурсов, место дислокации, отношения к логистическому процессу, функциональное назначение, величина и т.д.

Анализируя механизмы управления запасами с позицией методологии синхронизации первого типа, в первую очередь, необходимо указать, что процессы обеспечения запасов имеют циклическую динамику и обеспечивают согласование взаимодействия всех элементов логистической системы. Цикличность расходования запасов обусловлена тем, что входящие и исходящие потоки должны согласовать свои характеристики, это требует создания буфера,



Рис. 1. Особенности использования запасов в логистике

Fig. 1. Features of using stocks in logistics

который позволит их синхронизировать в случае сбоя. Обычно изменение уровня запаса на складе имеет пилообразный характер, при этом в процессе обработки запаса можно выделить повторяющуюся совокупность действий, которые описываются циклом расходования запаса. Сам процесс изменения уровня запаса разделяют на два этапа: накопление и потребление. В процессе накопления запасов происходит увеличение его уровня за счет входящего материального потока. Для обеспечения синхронизации процесса поставки поставщик должен получить заявку на пополнение запаса партией определенного размера. Параметры партии пополнения запаса рассчитываются заранее, а одной из классических задач, связанных с логистикой запасов, является так называемая задача расчета оптимальной партии заказа по формуле Уилсона.

В рамках синергетического подхода к исследованию синхронизации в системе снабжения материальные запасы можно рассматривать как динамическую систему связанных элементов, которая функционирует в целях достижения непрерывности и надежности функционирования всей цепи поставок. Входом и выходом такой системы являются входящие и отгруженные материальные потоки. Внутреннее состояние системы характеризуется уровнем запаса, а также динамикой его изменения по времени. Сам уровень запаса находится под влиянием внешней среды и сильно зависит от внешних факторов: объема поставки, качества используемого погрузочного оборудования, методов

снабжения, различных видов ресурсного обеспечения и т.д. Информация о текущем уровне запаса поступает в управляющую систему, где формируются управленческие решения, направленные на достижение синхронизации входного и выходного потока.

С учетом того, что логистическая синхронизация второго вида проявляется как самоорганизационный процесс за счет информационного взаимодействия подсистем, обладающих циклическим характером, что обеспечивает адаптивное приспособление системы, то запас может рассматриваться как внутренний буфер, который компенсирует различные виды рассогласования между входящим и выходящим материальным потоком. Каждая из подсистем функционирует в рамках собственных циклов и ритмов, поэтому задача управления запасами состоит в том, чтобы обеспечить синхронизацию этих ритмов с учетом реальных свойств поставщиков и потребителей. Циркулирующая в логистическом контуре информация должна обеспечивать достижение подобной синхронизации. Эта схема представлена на рис. 2.

Важно, что в данной парадигме обеспечения синхронизации качество используемой информации напрямую влияет на оптимальный уровень запаса. Наличие надежной и достоверной информации позволяет минимизировать запасы и обеспечить более полную синхронизацию взаимодействия поставщиков и потребителей. В идеальном случае, когда информационный обмен максимально эффективен, размер запаса

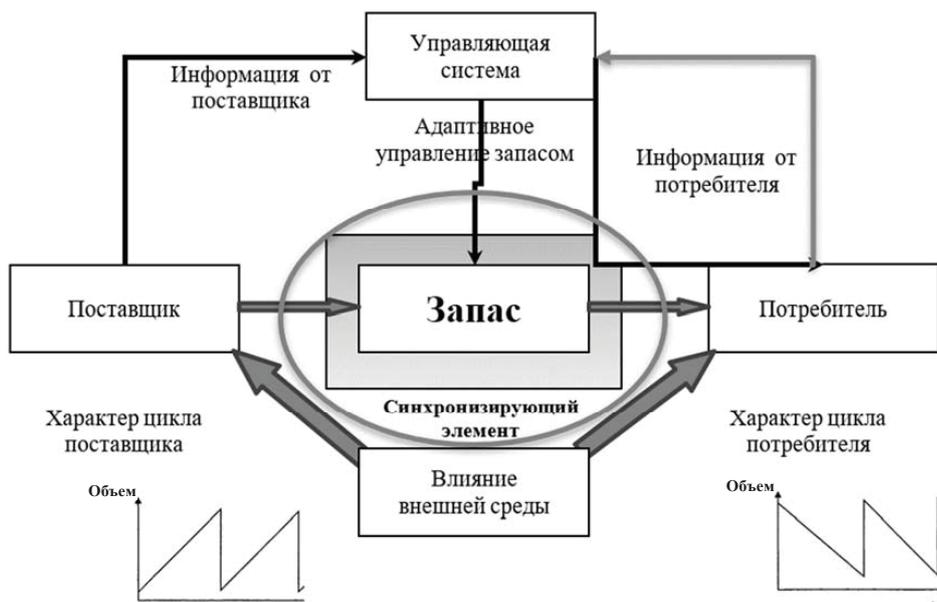


Рис. 2. Представление запаса как синхронизирующего элемента

Fig. 2. The stocks as a synchronizing element

может быть вообще нулевым, например, если поставщик и потребитель работают с использованием концепции «точно вовремя».

Концепция синхронизации позволяет предложить новые стратегии управления запасами, в частности, выработать модели, которые с различной степенью адекватности будут описывать логистический процесс [4]. Такие модели характеризуются рядом параметров, в качестве которых могут выступать: характеристики поставщика и потребителя, параметры времени,

различные стратегии управления, наличие информации о прогнозах спроса и потребления, используемый математический аппарат. Построенные модели необходимо классифицировать с учетом различных видов синхронизации, которые они обеспечивают. В табл. 1 систематизирован ряд задач, связанных с управлением запасами на основе методологии синхронизации, а также установленных целей синхронизации, объектов синхронизации и используемых моделей.

Таблица 1 / Table 1

Рекомендуемые методы синхронизации в логистике снабжения
Recommended synchronization methods in supply logistics

Задачи управления запасами	Объект синхронизации	Цель синхронизации	Модели синхронизации
Расчет оптимального размера заказа	Размер заказа	Сокращение затрат на обеспечение запасами	Модель Уилсона и ее различные модификации
Распределение запаса в цепи поставок	Размещение запасов	Сокращение затрат на хранение	Метод максимального потока
Управление номенклатурными группами	Склад	Оптимизация состава хранимых товаров	ABS и XYZ анализ
Выбор расположения склада	Координаты склада	Сокращение затрат на транспортировку запасов	Метод центра тяжести, метод пробной точки
Управление системой с фиксированным размером заказа	Частота заказов	Сокращение затрат на обеспечение запасами	Модель Уилсона и ее различные модификации
Управление системой с фиксированным интервалом между заказами	Размер заказа	Сокращение затрат на обеспечение запасами	Система управления запасами с двумя уровнями
Прогнозирование потребности в запасе	Размер запаса	Сокращение затрат на поддержание запаса	Методы прогнозирования



Эмпирический анализ

Необходимо учитывать также, что обеспечение качественной информационной поддержки для достижения синхронизации требует дополнительных материальных издержек. Это позволяет сформулировать оптимизационную задачу обеспечения синхронизации в системе управление запасами (рис. 3). Суть данной задачи сводится к тому, что необходимо установить оптимальный уровень затрат на обеспечение синхронизации. При этом следует учитывать, что достижение синхронизации потоков за счет их адаптации требует дополнительных затрат,

связанных с повышением качества информационного обслуживания и обеспечением адаптивного управления. Снижение затрат в системе снабжения обусловлено тем, что дополнительная степень синхронизации позволяет уменьшить размер запасов и снизить издержки на их хранение. Решение данной задачи позволяет определить оптимальный уровень синхронизации для исследуемой системы, позволяющий обеспечить минимальные издержки на управление запасами. Для поиска решения можно использовать стандартные оптимизационные методы поиска экстремума функции суммарных издержек.

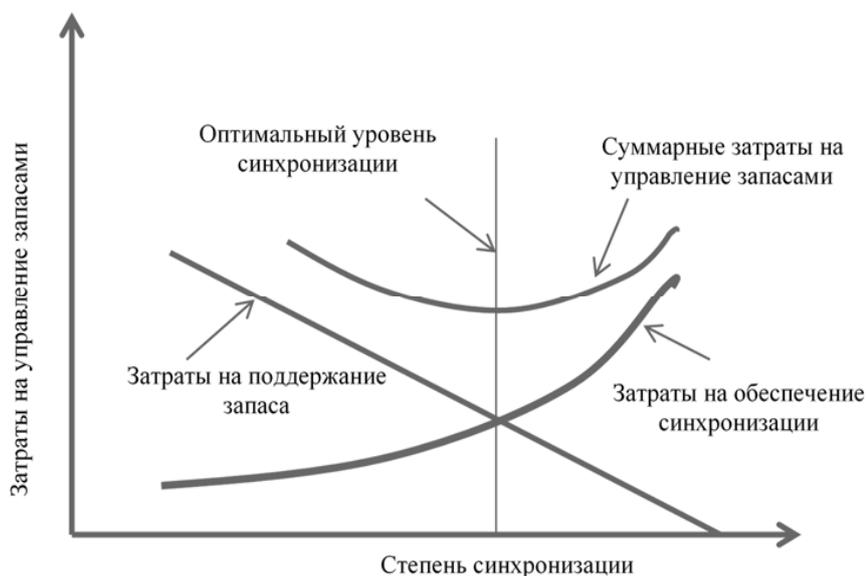


Рис. 3. Оптимизационная модель синхронизации
Fig. 3. Optimization model of synchronization

Специфический методологический характер носит создание системы синхронизации производственной логистики. Формирование такой системы представлено в исследовании [12]. Автор указывает, что система синхронизированного производства имеет потенциал для практического применения не только в сфере промышленности, но и в сфере транспорта, торговли, информационных технологий. Исследование носит прикладной характер, и авторы описывают реальные практики организации синхронизированного производства, сравнивая его с традиционными подходами производственной логистики.

По нашему мнению, данный подход следует рассматривать как особую философию, а не как теоретическое обоснование методов и моделей синхронизации. Рассмотрим особенности данного подхода и его ключевые принципы. В осно-

ве системы синхронизированного производства лежит стратегия «точно вовремя», реализующая основной методологический принцип реформирования предприятия. Сама система должна быть ориентирована на выработку новых целей, связанных с изменением организации производственного процесса. Новые цели должны быть достаточно амбициозными, что позволит обеспечить необходимые стимулы для перехода к синхронизированному производству, например:

- уменьшить время производственного цикла в десять раз;
- сократить брак и повторное производство продукции в сто раз;
- повысить производительность труда в два раза и т.д.

Система синхронизированного производства представляет собой концепцию, которая позволяет полностью реорганизовать производство и



создать вариант, обеспечивающий непрерывное реагирование на изменения потребительского спроса для увеличения своей конкурентоспособности. Синхронизация производства позволяет выпустить на рынок продукцию высокого качества при низкой себестоимости. В основе системы лежат принципы устранения всех возможных потерь в производственных процессах и согласования взаимодействия всех звеньев

логистической цепи от момента возникновения заказа до окончательной отгрузки продукции.

Формирование системы синхронизированного производства обеспечивает выстраивание механизмов, которые позволяют устранить возможные потери, а также уменьшить время выполнения операции. Для этого необходимо соблюдать следующие ключевые принципы синхронизации (рис. 4).



Рис. 4. Принципы системы синхронизации производства
Fig. 4. Principles of production synchronization system

Система синхронизированного производства представляет собой реализацию методологии синхронизации первого типа в производственной логистике. Данный подход находит широкое применение на японских предприятиях и уже начал стремительно распространяться по миру.

В заключение рассмотрим особенности синхронизации в ходе распределения созданного на производстве материального потока в процессе оптовой продажи продукции. Данный процесс относится к сфере распределительной логистики.

Синхронизация в цепях распределительной логистики формируется на основе следующих принципов:

- координация всех сегментов товародвижения, начиная от товаропроизводителя и заканчивая сервисными услугами для потребителей;
- логистическая интеграция различных функций управления процессом распределения продукции и обеспечение контрольных функций;

- адаптация элементов коммерческого, физического и канального распределения к изменяющимся требованиям рыночной среды и запросам потребителей;

- обеспечение высокого уровня системности в процессе распределения, а также формирование целостной и взаимозависимой системы сбыта;

- комплексность логистических решений и интеграция их с маркетинговой стратегией, чтобы обеспечить максимально полное удовлетворение платежеспособного спроса потребителя;

- формирование эффективной системы распределения и обеспечение согласованного режима ее функционирования;

- высокая степень рациональности в формировании организационной структуры системы распределения.

Важно разделять маркетинговую и логистическую деятельность. Эти виды деятельности имеют тесную связь друг с другом в процессе



распределения, однако формируются на основе различных целевых установок, которые в чем-то даже противоречат друг другу. Цель маркетинга – максимально изучить существующие потребности покупателей и обеспечить представление кастомизированного товара. Цель производственной и логистической деятельности заключается в снижении издержек и обеспечении массового выпуска продукции. Любой массовый производственный процесс дает существенную экономию на масштабах производства, а также минимизирует удельные издержки продукции. Согласовать кастомизацию и массовость – до-

статочно сложная задача, и распределительная логистика должна обеспечить и синхронизировать возможности производства и потенциальные потребности рынка, чтобы сформировать эффективную логистическую систему с минимальными издержками.

Виды задач, которые могут решаться на различных уровнях в распределительной логистике, представлены в табл. 2, где они систематизированы для макро- и микроуровня. Также в таблице приведены критерии и модели синхронизации, которые рекомендуются к практическому использованию.

Таблица 2 / Table 2

Рекомендуемые методы обеспечения синхронизации в распределительной логистике
Recommended methods of synchronization in distribution logistics

Задачи управления распределением	Объект синхронизации	Цель синхронизации	Критерий синхронизации
Макроуровень распределительной логистики			
Планирование процесса реализации	План реализации	Формирование плана в соответствии с возможностями	Точность планирования
Организация получения и обработки заказа	Служба получения и обработки	Минимизация времени	Время обработки
Организация отгрузки продукции	Служба отгрузки	Минимизация времени	Время отгрузки
Организация послереализационного обслуживания	Служба обслуживания	Снижение затрат на обслуживание	Качество обслуживание
Организация доставки и контроль за транспортированием	Служба транспортировки	Минимизация транспортных затрат	Затраты на транспортировку
Микроуровень распределительной логистики			
Выбор схемы распределения материального потока	Материальный поток	Снижение затрат на распределение	Затраты на распределение
Определение оптимального места расположения распределительного центра (склада) на обслуживаемой территории	Расположение центров распределения	Снижение затрат на транспортировку	Затраты на распределение
Определение оптимального количества распределительных центров (складов) на обслуживаемой территории	Количество центров распределения	Снижение затрат на транспортировку	Затраты на распределение

Результаты

В основе логистики как эффективной концепции управления заложен принцип обеспечения синхронизации. Например, логистический микст формулируется таким образом, что нужный продукт, в нужном количестве, необходимого качества должен оказаться в нужном месте в нужное время. Это отражает тот факт, что обеспечение синхронизации является естественным для логистического управления и существенно влияет на эффективность логистических процессов.

Ключевым аспектом обеспечения логистической синхронизации является согласование логистических потоков в процессе их трансформации. Под согласованием понимается приведение их к такому состоянию, когда их параметры в момент трансформации максимально соответствуют друг другу. Данная цель достигается путем адаптации отдельных потоков друг к другу либо через согласование их параметров с потоками верхнего уровня.

Современные логистические методы ориентированы на обеспечение различных видов



синхронизации, что обуславливается объективными причинами их эволюции. Например, в рамках информационной и маркетинговой парадигмы синхронизация направлена на согласование внутрипроизводственных процессов, а в рамках интегральной концепции синхронизация больше ориентирована на обеспечение согласования информационного обмена элементов логистической цепи.

Определяющим фактором синхронизации является логистическая функция. В ходе исследования выполнен анализ существующих подходов и методов синхронизации в рамках логистики снабжения, распределительной и производственной логистики. По результатам были установлены существенные для каждой функциональной сферы критерии и цели синхронизации, а также описаны рекомендуемые методы и модели обеспечения синхронизации.

Список литературы

1. Пиковский А. Н., Розенблюм М., Куртс Ю. Синхронизация. Фундаментальное нелинейное явление. М. : Техносфера, 2003. 493 с.
2. Короновский А. А., Москаленко О. И., Храмов А. Е. О применении хаотической синхронизации для скрытой передачи информации // УФН. 2009. Т. 179, № 12. С. 1281–1310. DOI: <https://doi.org/10.3367/UFNr.0179.200912c.1281>
3. Трегубов В. Н. Концепция синхронизации как основа администрирования в самоорганизующихся логистических системах // Вестн. СГТУ. 2010. Т. 4 (50), вып. 2. С. 175–180.
4. Chankov S. M., Hütt M.-T., Bendul J. Understanding synchronizability of manufacturing networks : A multi-method study on structural network properties // Journal of Manufacturing Systems. 2018. Vol. 46. P. 127–136. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jmsy.2017.11.007>
5. Becker T., Chankov S., Windt M. K. Synchronization measures in job shop manufacturing environments // Procedia CIRP. 2013. Vol. 7. P. 157–162. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.procir.2013.05.027>
6. Трегубов В. Н. Логистика и синхронизация в системе пассажирского транспорта // Российское предпринимательство. 2010. № 6. С. 142–146.
7. Lee H. L., Padmanabhan V., Whang S. The bullwhip effect in supply chains // IEEE Engineering Management Review. 2015. Vol. 43, iss. 2. P. 108–117. DOI: 10.1109/EMR.2015.7123235
8. Корпоративная логистика в вопросах и ответах / под общ. и науч. ред В. И. Сергеева. М. : Инфра-М, 2013. 634 с.
9. Veselko G., Jakomin I. Just in time as a logistical supply concept // Promet – Traffic&Transportation. 2006. Vol. 18, № 4. P. 279–283. DOI: 10.7307/ptt.v18i4.697
10. Кочерягина Н. В., Рыжова О. А. Теоретические аспекты развития интегрированных цепей поставок в сфере торговли // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 42–49.
11. Долгов А. П. Теория запасов и логистический менеджмент : методология системной интеграции и принятия эффективных решений. СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2004. 272 с.
12. Такеда Х. Синхронизированное производство. М. : Ин-т комплексных стратегических исследований, 2008. 285 с.

Образец для цитирования:

Трегубов В. Н. Исследование механизмов синхронизации в различных функциональных сферах логистики // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 292–300. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-3-292-300>

Research of Synchronization in Different Functional Areas of Logistics

V. N. Tregubov

Vladimir N. Tregubov, <http://orcid.org/0000-0002-7793-3605>, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politechnicheskaya St., Saratov 410054, Russia, tregubovvn@outlook.com

Introduction. Synchronization in logistics can be considered in two ways: as synchronization due to external coordination influence and as synchronization based on self-organization of processes due to weak information interactions. These types of synchronization should be separated, their peculiarities and mechanisms of origin should be understood. For this purpose, the approaches to studying synchronization in logistics systems are analyzed. **Theoretical analysis.** An important factor that determines the mechanisms of synchronization is the

functional area in which the logistic process takes place. The article describes features of synchronization for three functional areas: production, distribution and supply logistics. These tasks related to management in different functional areas where we systematized some concepts of synchronization methodology, and the type of models used. **Empirical analysis.** The quality information support to achieve synchronization requires additional material costs. It is possible to formulate the optimization task of ensuring synchronization in the inventory management system. The essence of this task that it is necessary to establish the optimal level of costs for providing synchronization. At the same time, it should be considered that achieving synchronization of flows through their adaptation requires additional costs associated with improving the quality of information services and adaptive management. **Results.** It is proved that the functional area of logistics is an important factor of synchronization. Based on the analysis of existing synchronization methods in different functional areas, criteria and goals of synchronization we established some



relevant methods for each functional area and described models.

Keywords: synchronization, logistics system, supply logistics, distribution logistics, production logistics.

Received: 21.03.2020 / Accepted: 10.06.2020 / Published: 31.08.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Pikovsky A., Rosenblum M., Kurths J. *Synchronization: A Universal Concept in Nonlinear Sciences* (Cambridge Nonlinear Science Series). Cambridge University Press, 2003. 411 p. (Russ. ed.: Moscow, Tekhnosfera Publ., 2003. 494 p.).
2. Koronovskii A. A. Moskalenko O. I., Hramov A. E. On the use of chaotic synchronization for secure communication. *Phys.-Usp.*, 2009, vol. 52, no. 12, pp. 1213–1238. DOI: <https://doi.org/10.3367/UFNr.0179.200912c.1281>
3. Tregubov V. N. The Synchronization Concept as a Basis of Administration for Self-Organization Logistical Systems. *Vestnik Saratov State Technical University*, 2010, vol. 4 (50), iss. 2. pp. 175–180 (in Russian).
4. Chankov S. M., Hütt M.-T., Bendul J. Understanding synchronizability of manufacturing networks: A multi-method study on structural network properties. *Journal of Manufacturing Systems*, 2018, vol. 46, pp. 127–136. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jmsy.2017.11.007>
5. Becker T., Chankov S., Windt M. K. Synchronization measures in job shop manufacturing environments. *Procedia CIRP*, 2013, vol. 7, pp. 157–162. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.procir.2013.05.027>
6. Tregubov V. N. The Development of the Concept of Synchronization in Logistics Systems. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo* [Russian Journal of Entrepreneurship], 2010, vol. 6, pp. 142–146 (in Russian).
7. Lee H. L., Padmanabhan V., Whang S. The bullwhip effect in supply chains. *IEEE Engineering Management Review*, 2015, vol. 43, iss. 2, pp. 108–117. DOI: 10.1109/EMR.2015.7123235
8. *Korporativnaia logistika v voprosakh i otvetakh* [Corporate logistics for questions and answers. Ed. by V. I. Sergeev]. Moscow, Infra-M Publ., 2013. 634 p. (in Russian).
9. Veselko G., Jakomin I. Just in time as a logistical supply concept. *Promet – Traffic & Transportation*, 2006, vol. 18, no. 4, pp. 279–283. DOI: 10.7307/ptt.v18i4.697
10. Kocheryagina N. V., Ryzhova O. A. Theoretical Aspects of Development of Integrated Supply Chains in Trade. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2015, vol. 15, iss. 1, pp. 42–49 (in Russian).
11. Dolgov A. P. *Teoriya zapasov i logisticheskiiy menedzhment: metodologiya sistemnoy integratsii i prinyatiya effektivnykh resheniy* [Stock theory and logistics management: methodology for system integration and efficient decision making]. St. Petersburg, Izd-vo SPbGUEF, 2004. 272 p. (in Russian).
12. Takeda H. *The Synchronized Production System: Going Beyond Just-In-Time Through Kaizen*. London and Philadelphia, Kogan Page Ltd, 2006. 264 p. (Russ. ed.: Moscow, 2008. 285 p.).

Cite this article as:

Tregubov V. N. Research of Synchronization in Different Functional Areas of Logistics. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 292–300 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-3-292-300>



ПРАВО

УДК 349.6

Развитие экологического законодательства в США: проблемы и перспективы

А. П. Анисимов

Анисимов Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, anisimovap@mail.ru

Введение. В статье рассматривается экологическое законодательство Соединенных Штатов Америки и практика его применения. **Теоретический анализ.** Исследуются основные акты экологического законодательства США, опыт разграничения полномочий между федерацией и ее субъектами (штатами) в области охраны окружающей среды, правоприменительная практика в сфере экологии, структура органов экологического управления США. **Результаты.** В США в течение уже нескольких десятилетий действует развитая система экологического законодательства, создающая достаточно эффективный механизм управления в сфере охраны окружающей среды. Основные экологические функции в США исполняет Агентство по охране окружающей среды (EPA). Заслуживают внимания опыт США по разграничению предметов ведения между федерацией и ее субъектами, отлаженный механизм горизонтального взаимодействия между штатами, их опыт восполнения пробелов федерального экологического законодательства. Не меньший интерес представляет опыт общественных экологических объединений в деле охраны окружающей среды. Вместе с тем федеральные экологические программы часто страдают от недофинансирования, а преодоление экологической дискриминации, как это показало дело Флинт (Мичиган), остается не решенной до конца проблемой, несмотря на все усилия общественности и позицию политического руководства страны.

Ключевые слова: климат, США, вода, воздух, Флинт.

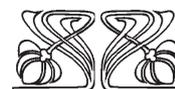
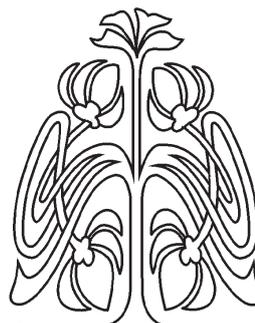
Поступила в редакцию: 16.04.2020 / Принята: 30.04.2020 / Опубликовано: 31.08.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

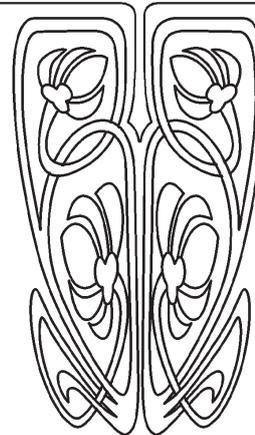
DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-3-301-309>

Введение

Эпоха глобализации обуславливает новую специфику хорошо известных и ранее проблем. В течение многих десятилетий все страны мира решали свои экологические проблемы самостоятельно, лишь в небольшом числе случаев вступая в международные договоры, посвященные охране отдельных видов флоры и фауны, объектов, находящихся в пределах международных пространств (Антарктида, Мировой океан, космос), а также заключая договоры о предотвращении трансграничного загрязнения водоемов и воздуха. Между тем последние события, связанные с негативными последствиями глобального изменения климата, подтвержденные позицией международного сообщества в Парижском соглашении по климату 2015 г., все настойчивей подчеркивают необходимость сочетания национальных достижений правительств по охране окружающей среды с объединением усилий государств, без которого выживание человечества невозможно.



НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ





В связи с этим представляет интерес опыт охраны окружающей среды наиболее экономически развитых стран, поскольку он мог бы представлять интерес для других членов международного сообщества, которые испытывают набор аналогичных экологических проблем, не всегда получающих надлежащее решение. Кроме того, изучение опыта развитых стран позволяет понять логику развития их национального законодательства и возможные пути налаживания международного сотрудничества по экологическим вопросам, затрагивающим интересы как России, так и других стран мира. Если мы обратимся к опыту охраны окружающей среды США, то увидим, что в американской правовой системе экологическое право как самостоятельная отрасль начинает активно формироваться начиная с 60-х гг. XX в., хотя и до этого периода принимались отдельные нормативные акты, регулировавшие порядок использования природных ресурсов и их частичную охрану.

Теоретический анализ

Можно выделить несколько признаков, характерных только для экологического права США (но не России, Китая или многих других стран):

1) историческое формирование американского государства обусловило построение федерации, в рамках которой ее субъекты (штаты) наделены достаточно существенным кругом экологических и иных полномочий;

2) система источников экологического права США складывается из законодательства и актов общего (прецедентного) права, и эти две составные части американской правовой системы прекрасно дополняют друг друга;

3) экологическая политика США зависит от политической принадлежности Президента США. Так, демократ Б. Обама подписал Парижское соглашение по климату 2015 г., а республиканец Д. Трамп вышел из данного соглашения и уменьшил финансирование экологических программ [1, с. 158];

4) в США (как больше нигде в мире) мы видим развитое общественное мнение и активную позицию гражданского общества в части судебной и иной защиты природы и экологических прав граждан. В зависимости от специализации экологические организации США могут быть широкого профиля (насчитывающие тысячи и даже миллионы человек, как, например, Sierra Club) и организации с узкой специализацией, нацеленные на решение отдельных экологических вопросов (охрана животного мира, водных ресурсов, просвещение и т.д.). В связи с этим не удивительно, что хозяйствующие субъекты, осуществляющие

загрязнение окружающей среды, действуют не только в соответствии с законом, но и с учетом общественного мнения и потенциальной опасности исков экологической общественности.

Рассмотрим более подробно первые две тенденции.

Конституция США определяет отношения между федеральным правительством и 50 субъектами – штатами. Основной принцип американского конституционного права заключается в том, что Конгресс и Правительство США имеют ограниченные полномочия, что вытекает из доктрины разделения властей и их взаимного ограничения (сдерживания).

Поэтому федеральное правительство США не обладает властью предпринимать любые решения, которые, как оно полагает, отвечают общественным экологическим интересам. Федеральные законы могут приниматься Конгрессом США по самому широкому кругу экологических вопросов, однако следует подчеркнуть, что одним из самых важных полномочий конгресса является право регулирования вопросов, касающихся торговли между штатами. Законы по борьбе с загрязнением часто принимаются на основе этого права. Загрязнение зачастую имеет последствия, относящиеся к разным штатам. Кроме того, регулирование промышленности, а также выбросов, производимых автомобилями и другими источниками загрязнения, рассматривается как имеющее важные последствия для торговли между штатами. Другим важным направлением экологического законодательства для Конгресса США является его полномочие по управлению собственностью, принадлежащей Соединенным Штатам Америки (почти 73 млн га земли, в отношении которых принимаются законы и иные нормативные документы по охране окружающей среды и природных ресурсов).

Поскольку США являются федерацией, штаты имеют право принимать свои законы по охране окружающей среды, однако с оговорками:

– они не должны обременять торговлю между штатами. Этот запрет проявил себя, когда Верховный Суд США опротестовал закон штата Нью-Джерси, по которому запрещался ввоз большей части отходов, производимых другим штатом США (дело «город Филадельфия против Нью-Джерси», 1978);

– экологические законы штатов не могут вступать в противоречие с федеральными законами. Если штат примет закон об охране атмосферного воздуха, который установит нормативы загрязнения ниже, чем это предусмотрено соответствующим федеральным законом, то такой закон штата будет отменен судом, поскольку он



вступит в противоречие с более жесткими природоохранными требованиями, принятыми на федеральном уровне;

– являясь равными друг другу, штаты США наладили эффективное горизонтальное сотрудничество по вопросам охраны природы. Например, в 2004 г. губернаторы трех штатов США одобрили 36 рекомендаций в пяти областях действий, совместно осуществляемых всеми тремя штатами. Цель данного проекта – уменьшение выбросов парниковых газов. Эти пять областей предполагали разработку стандартов по уменьшению выбросов парниковых газов от транспортных средств, расширение рынков для электроэнергии, развитие возобновляемых ресурсов и альтернативных видов топлива и т.д. Таким образом, эти три штата сильно продвинулись в восполнении пробелов, существующих в федеральном законодательстве США [2, с. 145–146];

– штаты полноценно используют свое право «опережающего нормотворчества», восполняя пробелы в федеральном законодательстве. Например, в США так и не удалось принять федеральный закон о противодействии глобальному потеплению, однако в штате Калифорния (2006) и штате Массачусетс (2008) были приняты законы о борьбе с глобальным потеплением, утвердившие программу сокращения выбросов парниковых газов, тем самым установив более жесткие природоохранные нормативы и требования к хозяйствующим субъектам, чем это предусмотрено на федеральном уровне [3, с. 23–24]. В этом проявляется главная особенность американской федерации – органы исполнительной власти федерации и штатов функционируют на началах взаимного сотрудничества и партнерства, а не субординации и подчинения, что получило название «кооперативный федерализм».

Как и субъекты РФ в России, штаты участвуют в реализации федеральных программ, в которые они были включены, а также самостоятельно принимают законы на уровне штата и работают по собственным экологическим программам, в том числе осуществляют мониторинг состояния окружающей среды, производят выдачу разрешений на выбросы и сбросы, а также контроль за соблюдением и исполнением данных норм и программ.

Рассмотрим систему федерального экологического управления.

Координационные функции выполняет Совет по качеству окружающей среды, являющийся подразделением исполнительного аппарата Президента США. Совет взаимодействует с различными органами исполнительной власти, а также выпускает ежегодный доклад для президента о

состоянии окружающей среды, осуществляет контроль за работой ЕРА, а также выполняет роль арбитра, если отдельные органы исполнительной власти вступают в конфликт по различным аспектам охраны окружающей среды.

Главный природоохранный орган США называется Агентство по охране окружающей среды США (Environmental Protection Agency, EPA). Данное агентство было создано в 1970 г. для общего руководства и контроля за состоянием окружающей среды. Его возглавляет управляющий (администратор), подчиняющийся непосредственно Президенту США, назначаемый им и одобряемый сенатом, как и все лица, претендующие на политические должности. В структуру EPA входят 11 офисов (управлений), в том числе Управление воздушной и радиационной безопасности, Управление химической безопасности и предотвращения загрязнения окружающей среды, Управление по земле и чрезвычайным ситуациям и ряд других. EPA имеет 10 региональных управлений, расположенных в 10 главных городах в разных частях страны, в сферу каждого из которых попадает от трех до восьми штатов.

Региональные управления работают непосредственно со штатами, племенами и местными властями, чтобы приводить в исполнение и обеспечивать соблюдение нормативных требований, осуществлять контрольно-надзорную деятельность в отношении субсидий и контрактов, заключенных со штатами, обеспечивать исполнение штатами своих полномочий в соответствии с природоохранным законодательством.

Программы Агентства по охране окружающей среды являются в высшей степени децентрализованными. Около 90% проверок осуществляются правительствами на штатном или местном (муниципальном) уровнях. На протяжении многих лет бюджет EPA составляет около 500 млн долл., а количество его сотрудников – около 2800. Проводимая им работа – это результат совместных усилий сотрудников, работающих на федеральном, штатном и муниципальном уровнях. EPA осуществляет принудительные меры в рамках большинства законов по защите окружающей среды, включая Закон о чистом воздухе (Clean Air Act), Закон о чистой воде (Clean Water Act), Закон об охране исчезающих видов (Endangered Species Act), Закон о всеобъемлющих мерах по защите окружающей среды, компенсации ущерба и ответственности (Comprehensive Environmental Response, Compensation, and Liability Act) и ряда других. В соответствии с большинством федеральных природоохранных законов, Агентство по охране окружающей среды имеет полномочия применять административные принудительные



меры. Оно может издавать приказы по чрезвычайным ситуациям, чтобы предотвратить угрозу здоровью людей, по очистке загрязненных природных объектов, выдавать предписания о соблюдении правовых норм и т.д. Важно заметить, что во многих случаях при причинении вреда окружающей среде принудительные меры могут быть применены как правительством штата, так и EPA. Весьма примечательно, что, как и в России, в США можно обнаружить влияние концепции устойчивого развития на нормотворчество и правоприменение. Например, Раздел 113 Закона о чистом воздухе определяет, что суд, налагая штраф, должен принимать во внимание размеры предприятия, экономическое воздействие штрафа на деятельность предприятия, содержание невыполнения правовой нормы правонарушителем, продолжительность нарушения, неосновательное обогащение, серьезность правонарушения. В результате суд должен учитывать не только экологические последствия правонарушения, но и экономическое состояние предприятия.

Аналогичного подхода придерживается и Верховный Суд РФ. Так, в своих разъяснениях по поводу рассмотрения споров об ограничении, приостановлении либо прекращении деятельности, осуществляемой с нарушением экологического законодательства, Постановление Пленума ВС РФ от 30 ноября 2017 г. № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» указывает, что, рассматривая дела о приостановлении (прекращении) экологически опасной деятельности, суд должен соблюдать баланс между потребностями общества в сохранении благоприятной окружающей среды и обеспечении экологической безопасности, с одной стороны, и решением социально-экономических задач, с другой. Суду следует принимать во внимание не только факторы, обеспечивающие нормальную жизнедеятельность людей и организаций (например, применительно к деятельности градообразующих предприятий, теплоэлектроцентралям, очистным сооружениям), но и соразмерность последствий прекращения (приостановления, ограничения) деятельности тому вреду окружающей среде, который может наступить как в результате продолжения данной деятельности, так и при ее прекращении.

Необходимо выделить следующие экологические законы США.

1. Современное экологическое законодательство США начинается с *Закона о национальной политике в области окружающей среды* 1969 г. (National Environment Policy Act – NEPA), который стал главным законом в американской системе природоохранного законодательства, создав основные принципы, институты и механизмы госу-

дарственной экологической политики. Он предусматривает обязательный анализ экологических последствий деятельности различных хозяйствующих субъектов, необходимость предотвращения и устранения ущерба окружающей среде, закрепляет право граждан на здоровую окружающую среду. Важное значение NEPA состоит в том, что он указывает на необходимость информирования населения обо всех значительных проектах, предназначенных для реализации на федеральном уровне и способных отрицательно воздействовать на окружающую среду. Население должно знать о последствиях такого воздействия. Закон регулирует не только работу многих федеральных агентств (например, по составлению программ и управлению собственностью), но также и деятельность, которая требует федерального разрешения или использует государственное финансирование. Указанный Закон требует, чтобы в процессе выбора одного из альтернативных проектов экологические факторы учитывались наряду с другими значимыми факторами. Обычная санкция за нарушение NEPA – решение суда о запрете федеральному агентству участвовать в проекте, разрабатывать его, лицензировать или финансировать частную организацию до тех пор, пока требования Закона не будут выполнены. Истцом обычно выступает частное лицо. Начиная с NEPA, каждый федеральный природоохранный закон США включает в себя собственную систему санкций, но никогда Конгресс страны не принимал одного общего нормативного документа для всех видов экологических правонарушений [4, с. 133–134].

2. *Закон о безопасной питьевой воде* (Safe Drinking Water Act) был принят в 1974 г. Закон защищает здоровье нации, регулирует систему снабжения населения питьевой водой. В Закон вносились поправки в 1986 и 1996 гг. В 1986 г. были установлены Национальные стандарты качества питьевой воды по 83 определенным загрязняющим веществам, а в 1996 г. придано особое значение участию общества и праву общества на получение информации (ежегодные отчеты). В США действуют первичные и вторичные национальные стандарты качества питьевой воды. Первичные стандарты устанавливают имеющие юридическую силу предельно допустимые концентрации загрязняющих веществ в питьевой воде и обязательные методы по удалению загрязнения. Вторичные стандарты не обладают юридической силой и регламентируют внешние (эстетические) характеристики воды, а не ее воздействие на здоровье человека (например, цвет, вкус, запах).

Установление первичных стандартов качества питьевой воды предполагает трехступенчатый процесс – Агентство (EPA):



а) идентифицирует загрязняющие вещества, которые могут оказать воздействие на здоровье людей;

б) устанавливает порог предельно допустимых концентраций загрязняющих веществ в питьевой воде;

в) определяет самый высокий уровень загрязняющего вещества, который допускается в питьевой воде, и обязательные методы очистки.

В результате установления данных стандартов все стационарные источники загрязнения, которые осуществляют сброс вредных веществ в территориальные воды США, должны получать разрешения, выдаваемые на основе расчетов максимального количества загрязняющего вещества, разрешенного для сброса в водоемы США, чтобы водный объект соответствовал стандартам качества воды для этого конкретного загрязнителя. Аналогичный принцип используется и в России, когда нормативы допустимых сбросов в водные объекты для конкретных хозяйствующих субъектов рассчитываются так, чтобы не произошло превышения нормативов качества окружающей среды. Согласно Закону о безопасной питьевой воде, организация, которая планирует сбрасывать загрязняющие вещества в водоемы США, должна представить заявление на выдачу разрешения в соответствующие органы за 180 дней до начала сброса или истечения срока разрешения. Агентство по охране окружающей среды наделяет полномочиями штат по применению программы Закона о чистой воде, если штат сможет продемонстрировать, что та программа, которую он осуществляет, содержит, по крайней мере, те же стандарты, что и нормативные документы Агентства.

Наиболее известным случаем в судебной практике США по причинению вреда здоровью граждан загрязненной питьевой водой является дело Флинт (Мичиган). Город Флинт расположен вдоль реки Флинт, примерно в шестидесяти милях к северо-западу от Детройта, штат Мичиган. По американским меркам, Флинт считается бедным городом, поскольку 41,6% его населения имеет уровень жизни ниже федеральных пороговых значений бедности. В целях обеспечения качества питьевой воды в 1967 г. Флинт заключил долгосрочный контракт с Детройтским управлением водоснабжения и канализации (DWSD) по поставке питьевой воды из озера Гурон.

Вода, поступающая в город из озера, обрабатывалась в целях борьбы с коррозией. Флинт получил сильный удар от финансового кризиса 2008 г., заставив губернатора штата Мичиган объявить чрезвычайное финансовое положение в городе. В попытке сэкономить деньги Флинт в

качестве временного решения стал использовать воду из реки Флинт. Между тем, в отличие от качественной воды озера Гурон, река Флинт десятилетиями использовалась для сброса промышленных сточных вод, в связи с чем ее вода имела высокие концентрации хлорида и иных вредных веществ и была в 19 раз более коррозионная, чем вода озера Гурон [5, с. 9]. Решение использовать воду реки Флинт имело катастрофические последствия.

Уже через несколько дней после этого водопользователи начали жаловаться, что их вода неприятна по внешнему виду, вкусу и цвету. Свои опасения граждане Флинта выражали и в последующие восемь месяцев. Однако власти города не предприняли никаких действий и отказались (в целях экономии) от подключения к водоснабжению из озера Гурон. Вскоре ученые протестировали почти 300 образцов питьевой воды в городе Флинте, и приблизительно в 30 было отмечено превышение уровней свинца. Власти города Флинта и штата Мичиган не предпринимали абсолютно никаких действий для дополнительной очистки воды в Флинте вплоть до момента подтверждения врачами фактов отравления свинцом 12 тыс. детей в возрасте от года до 18 лет, которые проживали в этом городе. Состояние здоровья взрослых оказалось не лучше. Было зафиксировано увеличение на 58% уровня смертности плода и выкидышей по сравнению с женщинами, проживавшими в районах, где не использовалась загрязненная вода. Новое исследование также обнаружило связь между загрязнением воды и рядом болезней (например пневмонией), которые, вероятно, распространились в городе через питьевую воду. Это привело к тому, что вскоре десять человек умерли из-за этих болезней [6]. Исследования показали, что вода реки Флинт являлась совершенно не пригодной как для питья и приготовления пищи, так и для использования в гигиенических целях. Проверка EPA установила, что вода была загрязнена настолько, что ее можно классифицировать как токсичные отходы, однако коммунальные службы Флинта продолжали требовать полной оплаты услуг в размере 200 долл. в месяц, связанных с ее поставкой. Загрязнение воды свинцом, которое можно было бы предотвратить с помощью антикоррозионной обработки воды, стало политическим скандалом, когда общественность узнала об электронных письмах и документах, которые доказывали, что власти штата Мичиган пытались скрыть проблему в течение нескольких месяцев. Президенту США Барак Обама пришлось ввести в Флинте чрезвычайное положение.

Водный кризис Флинта – это история неподготовленности, бездействия и некомпетентности региональных и местных властей, не выполнив-



ших свою основную обязанность по обеспечению населения качественной питьевой водой. Мичиганский департамент здравоохранения не смог принять адекватных мер по защите здоровья населения. Власти штата и города упорно отмахивались от всех попыток гражданского общества донести до них проблему опасности воды, факт ее загрязнения свинцом, увеличения случаев болезней граждан. Последствия этой трагедии для Флинта будут длительными. Эта история серьезно повлияла на общественное здоровье города, его экономическое будущее и доверие жителей к органам власти, поскольку экологический кризис не был вызван действиями только одного человека или учреждения. Водный кризис Флинта привел к большому судебному разбирательству, которое продолжается и сегодня. Число жителей, подвергшихся воздействию загрязненной воды, исчисляется десятками тысяч. Пожалуй, самым тревожным фактом является то, что действующее экологическое законодательство США должно было предотвратить подобный экологический кризис, предусматривая меры по очистке воды, мониторингу водных объектов, уведомлению общественности об экологической обстановке в данной местности и т.д. Но эти меры не дали эффекта, что требует продолжения изучения этих трагических событий в Флинте [7, с. 514–518].

Отравление жителей Флинта некачественной питьевой водой можно рассматривать в контексте более широкой проблемы, обсуждаемой американскими юристами, – проблемы экологической дискриминации. В наибольшей степени экологическая дискриминация проявляется себя в размещении и ненадлежащем содержании муниципальных свалок и полигонов, а также работе мусоросжигательных заводов в местах проживания национальных меньшинств и малоимущих слоев населения [3, с. 42–43]. Концепция экологической дискриминации представляет интерес и для других стран мира, включая Россию, сталкивающихся с аналогичными проблемами.

За последнее десятилетие в нашей стране было реализовано несколько пилотных проектов, посвященных исследованию влияния загрязненной питьевой воды на здоровье граждан в нескольких небольших городах, напоминающих по экономическому состоянию (с поправками на российские реалии) Флинт (Мичиган). Например, в рамках одного из них было установлено, что качество воды на участке реки Кама в районе г. Краснокамска не соответствует установленным нормам. Высокая загрязненность речной воды обусловила необходимость ее гиперхлорирования, что привело к образованию в воде высокотоксичных хлорорганических соединений. Воздействие

химических веществ, поступающих в организм человека с питьевой водой, подающейся населению, стало причиной многих заболеваний жителей города, включая детей. Исследователями было установлено, у детей г. Краснокамска в 2,1 раза чаще, чем в контрольной группе, регистрируются отклонения показателей, характеризующих повреждение клеток печени; зарегистрирована в 5,4 раза большая частота встречаемости отклонений гематологических показателей, определяющих замедление процессов свертывания крови (у 98% детей группы наблюдения). Доказана статистически достоверная причинно-следственная связь между повышенным содержанием в крови детей токсичных соединений, поступающих в организм с питьевой водой, и биохимическими показателями клеточного и функционального повреждения печени. В ходе расследования было установлено, что причиной загрязнения питьевой воды и ухудшения здоровья жителей Краснокамска являются несоответствие источника водоснабжения санитарно-эпидемиологическим требованиям, нарушение требований к зонам санитарной охраны источника водоснабжения, нарушение порядка очистки и обеззараживания воды. Материалы расследования были использованы в судебном процессе по иску Управления Роспотребнадзора Пермского края к виновникам нарушения права граждан на благоприятную среду обитания. Решением Краснокамского городского суда Пермского края от 11.02.2009 действия ООО «Камская районная фильтровальная станция» по использованию для производства питьевой воды водоисточника – реки Кама – в месте водозабора, не отвечающего санитарно-эпидемиологическим требованиям и имеющего качество питьевой воды в месте водозабора, которое не отвечает гигиеническим нормативам, признаны незаконными. Постановлением Управления Роспотребнадзора по Пермскому краю № 987у от 08.04.2010 г. ООО «Новогор-Прикамье» привлечено к административной ответственности за оказание услуг по снабжению питьевой водой гражданам, проживающим в г. Краснокамске, с нарушением санитарных правил. Правомерность действий административного органа была подтверждена Решением Арбитражного суда Пермского края от 11.10.2010 и Постановлением Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.12.2010 [8].

3. Закон о чистом воздухе 1963 г. (Clean Air Act) – один из примеров того, как штаты исполняют федеральную программу. Хотя Закон о чистом воздухе – это федеральный закон, который применяется на территории всей страны, штаты проводят большую работу по исполнению этого



Закона. ЕРА устанавливает федеральные стандарты предельно допустимой концентрации (ПДК) в воздухе вредного вещества, которое подвергает опасности здоровье и благополучие нации. Для того чтобы исполнить Закон о чистом воздухе на территории штата, штаты должны написать и представить ЕРА для одобрения план реализации программы (ПП) по достижению соответствия нормативам ПДК в воздухе вредного вещества на данной территории. ПП включает в себя нормативные документы, которые штат будет использовать для того, чтобы очистить воздух на тех территориях, где не достигнуты нормативы ПДК в воздухе вредного вещества, или которые дадут возможность продолжать соблюдать данный Закон на тех территориях, где уже достигнуты нормативы ПДК в воздухе вредного вещества. Отводя штатам главную роль в разработке плана по достижению нормативов ПДК в воздухе вредного вещества, Закон признает тот факт, что борьба с загрязнением воздушной среды в разных частях страны требует знаний о местной промышленности, географических и погодных условиях, моделях ведения домашнего хозяйства и т.д. Самым важным условием одобрения для программы является наличие быстрых и практически выполнимых мер по достижению нормативов ПДК в воздухе вредного вещества.

Как только Агентство по охране окружающей среды одобрит план штата, он получает юридическую силу не только как закон штата, но и как федеральный закон. Если ЕРА одобряет программу штата по выдаче разрешений, то штат наделяется полномочиями по выдаче разрешений промышленным или другим предприятиям, которые могут осуществлять выбросы загрязняющих веществ, регулируемых законами США. Однако ЕРА может пересмотреть или отклонить программу по выдаче разрешений, которые штат планировал выдать предприятиям.

4. *Закон об охране исчезающих видов* 1973 г. (Endangered Species Act) призван защитить от уничтожения исчезающие виды растений, рыб и животных, а также места их обитания. Список их составляется исключительно на базе научных данных. Критические районы обитания определяются с учетом всех факторов, в том числе и экономических. Ни одно федеральное агентство не может предпринять какие-либо действия, которые поставят под угрозу существование исчезающих видов или разрушат места их обитания.

Акты, запрещающие деятельность федеральных агентств в соответствии с этим Законом, содержат весьма впечатляющие санкции. Типичным примером действия данного Закона является дело Управления долины Теннесси против Хилл

(Tennessee Valley Authority v. Hill, 1978). Управление строило плотину на Малой реке Теннесси в течение десяти лет. Плотина была практически завершена, когда выяснилось, что под угрозой исчезновения оказался один из биологических видов – маленькая рыбка, которая была найдена выше по течению. Если плотина была бы завершена, то в результате водохранилище затопило бы среду обитания рыбки, в связи с чем ей был бы причинен значительный ущерб. Экологическая общественность подала дело так, что нельзя допустить завершение плотины и подтопление водохранилища на том основании, что эти действия будут нарушать требования экологического законодательства США и непосредственно вызывать вымирание видов. Верховный Суд США отменил решение нижестоящего суда и предписал остановить завершение плотины. Верховным Судом США были признаны убедительными доказательства нарушения экологического законодательства, заключающиеся в том, что в штате Теннесси Управление не смогло принять должных мер для предотвращения угрозы разрушения необходимой для рыбы среды обитания. Суд также полагался на намерения конгресса остановить исчезновение видов, независимо от их стоимости, поскольку стоимость этого вида была «непредсказуемой», а повреждение – непоправимым. Дело Tennessee Valley Authority v. Hill было определяющим для охраны природы в юридическом мире США из-за высокого общественного резонанса и решительной поддержки судебного запрета, чтобы предотвратить экологический ущерб, несмотря на финансовые издержки [9, с. 329].

5. *Закон о дикой природе* 1964 г. (Wilderness Act) создал Национальную систему сохранения дикой природы, закрепив за Лесной службой 9,1 млн акров федеральных земель, попавших под действие данного Закона. Впоследствии специально уполномоченные органы провели инвентаризацию земель, и по решению Конгресса США еще 100 млн акров земель были признаны «дикой природой». Первоначально сторонники «дикой природы» считали первоочередным защитить эти земли от «ненужного дорожного строительства» в целях сохранения их естественного состояния. Закон о дикой природе указывал, что его целью является обеспечить для нынешних и будущих поколений американцев возможность пользоваться ресурсами дикой природы, сохраненными в их естественном состоянии. Закон определял, что «территории дикой природы» могут быть признаны таковыми только посредством принятия нормативных актов конгрессом. Согласно данному Закону, участок федеральных неиспользуемых земель может быть обозначен как дикая природа,



если: 1) это естественный участок по внешнему виду (т. е. он находится в естественном состоянии, и следов человеческой деятельности на нем практически незаметно); 2) он создает возможность для уединения и «примитивного» неограниченного отдыха; 3) его площадь больше 5000 акров (около 12 355 га), что должно позволить организовать на нем реальное управление для его сохранения в первозданном виде; 4) он имеет (может иметь) экологическую, геологическую, научную, образовательную, эстетическую или историческую ценность. На обозначенных в решениях Конгресса США территориях дикой природы был установлен ряд запретов. Так, Закон о дикой природе запрещает там коммерческую деятельность (например лесозаготовки), доступ к таким участкам автомобильного транспорта, строительство дорог и иных сооружений. Кроме того, на участках дикой природы запрещено использование моторных транспортных средств (включая моторные лодки), приземление самолетов и т.д. [10, с. 487–497]. Из этого общего правила устанавливается и ряд исключений, связанных с действиями органов власти в чрезвычайных ситуациях, необходимостью обеспечения здоровья и безопасности населения, борьбы с болезнями и т.д. Территории «дикой природы» могут располагаться в составе национальных парков либо вне их границ. В последнем случае на них распространяется менее жесткий режим охраны, чем для особо охраняемых природных территорий, но все же более жесткий, чем для всех остальных, «обычных» земель. Данный опыт охраны окружающей среды представляет интерес и для других стран, включая Россию, поскольку предполагает введение дополнительных мер охраны природных объектов и комплексов без создания режима заповедника или иной ООПТ, требующего значительного финансирования. При этом установление такого правового режима будет способствовать охране выделенных территорий от антропогенного воздействия.

6. Закон о всеобъемлющих мерах по защите окружающей среды, компенсации ущерба и ответственности 1980 г. (Comprehensive Environmental Response, Compensation, and Liability Act of 1980, CERCLA) предусмотрел создание «Суперфонда». Федеральной программой «Суперфонд» управляет EPA. Она предназначена для исследования и очистки территории, загрязненной опасными веществами. Часть выявленных участков включается в Национальный список приоритетов, исходя из уровня экологических рисков. EPA стремится определить лиц, ответственных за выбросы (сбросы) опасных веществ в окружающую среду, и заставить их осуществить очистку загрязненных земель либо самостоятельно производить

такую очистку, используя средства Суперфонда, с последующим взысканием с загрязнителей понесенных расходов. Это является типичным случаем реализации принципа «загрязнитель платит». Примерно в 30% случаев загрязнителя установить не удастся, и тогда за восстановление состояния окружающей среды платят американские налогоплательщики. К сожалению, сегодня Суперфонд страдает от недофинансирования своих экологических программ.

Результаты

Таким образом, в США в течение многих десятилетий действует развитая система экологического законодательства, создающая достаточно эффективный механизм охраны окружающей среды. Заслуживает внимания опыт США по разграничению предметов ведения между федерацией и ее субъектами, отлаженный механизм горизонтального взаимодействия между штатами, их опыт восполнения пробелов федерального экологического законодательства. Не меньший интерес представляет опыт общественных экологических объединений в деле охраны окружающей среды. Вместе с тем федеральные экологические программы часто страдают от недофинансирования, а преодоление экологической дискриминации, как это показало дело Флинт (Мичиган), остается нерешенной до конца проблемой, несмотря на все усилия общественности и позицию политического руководства страны.

Список литературы

1. Гарусова Л. Н., Курьянова У. Ю. Политика и законодательство США в экологической сфере // Труды ИИАЭ ДВО РАН. 2019. Т. 24, № 3. С. 147–160. DOI: 10.24411/2658-5960-2019-10033
2. Olmsted J. L. The Global Warming Crisis : An Analytical Framework to Regional Responses // Journal Environmental Law and Litigation. 2008. Vol. 23, № 1. P. 125–189.
3. Брославский Л. И. Зарубежное экологическое право : природоохранное законодательство США : учеб. пособие. М. : Инфра-М, 2019. 300 с.
4. Хойа Т. У. Экологическое законодательство США : во что обходится его нарушение // Экологическое право : хрестоматия / сост. В. Ю. Резниченко. М. : Рос. открытый ун-т, 1994. С. 129–136.
5. Lado M. E. Toward Civil Rights Enforcement in the Environmental Justice Context. Step One : Acknowledging the Problem // Fordham Environmental Law Review. 2017. Vol. 29, № 1. P. 1–49.
6. Holiday-Nowden T. Something's in the Water : A Look at How Creativity and Innovation Can Prevent Future Water Crises // Creative Studies Graduate Student Master's Projects (State University of New York College



- at Buffalo – Buffalo State College). New York, 2019. URL: <https://digitalcommons.buffalostate.edu/creative-projects/304> (дата обращения: 14.04.2020).
7. Weiser-Burton K. Clean Drinking Water : A Stream of Success and Opportunity for Reform // *Utah Law Review*. 2019. Vol. 2. P. 503–526.
 8. Май И. В., Клейн С. В., Седусова Э. В. К вопросу о порядке проведения санитарно-эпидемиологического расследования нарушений прав граждан на безопасное питьевое водоснабжение // *Здоровье семьи – 21 век*. 2012. № 4. С. 11.
 9. Axtell S. Reframing the Judicial Approach to Injunctive Relief for Environmental Plaintiffs in *Monsanto Co. v. Geertson Seed Farms* // *Ecology Law Quarterly*. 2011. Vol. 38. P. 317–340.
 10. Voicu M. At a dead end : The need for Congressional direction in the roadless area management debate // *Ecology Law Quarterly*. 2010. Vol. 37. P. 487–523.

Образец для цитирования:

Анисимов А. П. Развитие экологического законодательства в США: проблемы и перспективы // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право*. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 301–309. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-3-301-309>

Development of Environmental Legislation in the United States: Problems and Prospects

A. P. Anisimov

Aleksey P. Anisimov, <https://orcid.org/0000-0003-3988-2066>, Volgograd Institute of Management, Branch of RANEPa, 8 Gagarin St., Volgograd 400066, Russia, anisimovap@mail.ru

Introduction. The article deals with the environmental legislation of the United States of America and the practice of its application.

Theoretical analysis. The main acts of environmental legislation of the United States, the experience of the division of powers between the Federation and its subjects (states) in the field of environmental protection, legal practice in the field of ecology, and the structure of the US environmental management bodies are studied. **Results.** In the United States, for several decades, there has been a developed system of environmental legislation that creates a fairly effective mechanism for managing the environment. The main environmental functions in the United States are performed by the Environmental Protection Agency (EPA). The experience of the United States in delineating the subjects of jurisdiction between the Federation and its subjects, the well-established mechanism of horizontal interaction between the states, and their experience in filling in gaps in Federal environmental legislation is noteworthy. The experience of public environmental associations in the field of environmental protection is also interesting. However, Federal environmental programs often suffer from underfunding, and overcoming environmental discrimination, as shown in the Flint (Michigan) case, remains an unresolved problem, despite all the efforts of the public and the position of the country's political leadership.

Keywords: climate, USA, water, air, Flint.

Received: 16.04.2020 / Accepted: 30.04.2020 / Published: 31.08.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Garusova L. N., Kuryanova U. Yu. U.S. Environmental Policy and Legislation. *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN* [Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography, Far Eastern Branch, RAS], 2019, vol. 24, no. 3, pp. 147–160 (in Russian). DOI: 10.24411/2658-5960-2019-10033
2. Olmsted J. L. The Global Warming Crisis: An Analytical Framework to Regional Responses. *Journal Environmental Law and Litigation*, 2008, vol. 23, no. 1, pp. 125–189.
3. Broslavsky L. I. *Zarubezhnoe ekologicheskoe pravo: prirodookhrannoe zakonodatel'stvo SShA* [Foreign Environmental Law: Environmental legislation of the USA]. Moscow, Infra-M Publ., 300 p. (in Russian).
4. Hoya T. U. Environmental legislation of the United States: what it costs to violate it. In: *Ekologicheskoe pravo: khrestomatiya* [Environmental Law: A reader]. Moscow, Rossiiskiy otkrytyi universitet, 1994, pp. 129–136 (in Russian).
5. Lado M. E. Toward Civil Rights Enforcement in the Environmental Justice Context. Step One: Acknowledging the Problem. *Fordham Environmental Law Review*, 2017, vol. 29, no. 1, pp. 1–49.
6. Holiday-Nowden T. Something's in the Water: A Look at How Creativity and Innovation Can Prevent Future Water Crises. *Creative Studies Graduate Student Master's Projects (State University of New York College at Buffalo – Buffalo State College)*. New-York, 2019. Available at: <https://digitalcommons.buffalostate.edu/creativeprojects/304> (accessed 14 April 2020).
7. Weiser-Burton K. Clean Drinking Water: A Stream of Success and Opportunity for Reform. *Utah Law Review*, 2019, vol. 2, pp. 503–526.
8. May I. V., Klein S. V., Sedusova E. V. To the question of the procedure of sanitary and epidemiological investigation of the infringement of citizens' rights for safe drinking water supply. *Zdorov'e sem'i – 21 vek* [Family Health – 21 century], 2012, vol. 4, pp. 11 (in Russian).
9. Axtell S. Reframing the Judicial Approach to Injunctive Relief for Environmental Plaintiffs in *Monsanto Co. v. Geertson Seed Farms*. *Ecology Law Quarterly*, 2011, vol. 38, pp. 317–340.
10. Voicu M. At a dead end: the need for Congressional direction in the roadless area management debate. *Ecology Law Quarterly*, 2010, vol. 37, pp. 487–523.

Cite this article as:

Anisimov A. P. Development of Environmental Legislation in the United States: Problems and Prospects *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 301–309 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-3-301-309>



УДК 342.72

Национальный механизм судебной защиты основных прав и свобод человека и гражданина в контексте федеративных отношений

С. Э. Несмеянова



Несмеянова Светлана Эдуардовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права, директор Института дополнительного образования, Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, nesmeyanova@yandex.ru

Введение. Конституция Российской Федерации содержит большой объем прав и свобод человека и гражданина. Но провозглашения недостаточно, и поэтому в государстве создается национальный механизм государственной защиты, чтобы обеспечить в случае необходимости восстановление прав и свобод человека и гражданина. В статье предлагается анализ судебного механизма государственной защиты прав и свобод человека и гражданина как наиболее универсального и абсолютного, в частности, деятельности Конституционного Суда как высшего судебного органа, осуществляющего конституционное судопроизводство в целях защиты основных прав и свобод человека и гражданина, и аналогичных органов субъектов. **Теоретический анализ.** Регулирование прав и свобод человека и гражданина опирается на совокупность конституционных норм, определяющих их, прежде всего, как непосредственно действующих, регламентирующих порядок реализации этих прав и свобод, устанавливающих гарантии их реализации. Конституционные нормы, таким образом, составляют основу национального механизма защиты прав и свобод. К государственному механизму кроме конституционных норм относятся и государственные институты охраны и защиты прав и свобод, создаваемые как на федеральном, так и на региональном уровне. Право на судебную защиту представлено через анализ правовых позиций Конституционного Суда РФ, в которых выстраивается логическая последовательность в отношении самого права на судебную защиту, права на защиту от тех или иных актов, действий органов публичной власти, а также равенства в реализации данного права по отношению к тем или иным лицам. **Результаты.** Дан критический анализ ограничения права на судебную защиту, в том числе права на обращение с жалобами в органы конституционного правосудия, и сформулированы предложения по закреплению широких возможностей граждан на обращения в конституционные (уставные) суды.

Ключевые слова: основные права и свободы, национальная защита, федерализм, органы конституционного правосудия, поправки в Конституцию.

Поступила в редакцию: 20.05.2020 / Принята: 17.06.2020 / Опубликовано: 31.08.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-3-310-319>

Введение

Конституция Российской Федерации уделила достаточное внимание правам, провозгласив обязанность государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина (ст. 2) [1]. Установлено, что на территории страны признаются и гарантируются права и свободы человека согласно общепризнанным принципам и нормам международного права (ст. 17). Статья 18, развивая положения ст. 2, закрепляет, что права и свободы являются непосредственно действующими. Именно они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Учитывая федеративное устройство России, Конституция закрепила, что регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина относятся к ведению Российской Федерации (ст. 71). Анализу конституционных норм и механизмов защиты прав человека и гражданина уделяется много внимания, в том числе и в науке, особенно в последнее время [2–8].

Важно отметить, что государство, признавая, соблюдая и защищая права и свободы, формирует механизмы защиты в том числе от нарушений, допускаемых органами государства, его должностными лицами. При этом, безусловно, органы публичной власти должны функционировать таким образом, чтобы не нарушать в процессе своей деятельности права человека, а при нарушении максимально быстро и полно их восстанавливать. Как отметил Конституционный Суд РФ, «непринятие своевременных мер к выявлению и устранению нарушений прав и свобод... должно расцениваться как невыполнение государством и его органами своей конституционной обязанности» (ч. 2 ст. 45 Конституции РФ). Задачей федерального законодателя является создание надлежащих, в том числе процессуальных механизмов, которые позволяли бы гражданам, чьи права и свободы оказались нарушенными, добиваться их реальной защиты, используя все не запрещенные законом способы (см. постановление от 2 июля 1998 года № 20-П) [9].

Как результат, в Конституции провозглашена гарантия государственной защиты прав и свобод



человека (ст. 45). Этот правовой принцип вытекает непосредственно из основ демократического правового государства, его целей и задач. В отношении гражданина закрепляется субъективное право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 45). При этом, учитывая федеративное устройство государства, в Конституции РФ предусмотрено, что защита прав и свобод человека является совместным предметом ведения Российской Федерации и ее субъектов (ст. 72).

Таким образом, к системе государственной защиты прав и свобод относятся сами конституционные нормы, причем не только те, что определяют перечень прав и свобод человека и гражданина, но и, как было показано выше, нормы, регламентирующие порядок реализации этих прав и свобод, устанавливающие гарантии их реализации, и государственные институты охраны и защиты прав и свобод. Безусловно, конституционные положения детализируются в текущем законодательстве, а потому система государственной защиты прав и свобод дополняется нормами отраслевого законодательства. На это обращается внимание и в конституционном положении, где установлено, что каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 46 Конституции РФ).

Теоретический анализ

Совокупность всех вышеназванных институтов можно определить как механизм государственной защиты, отдельные элементы которого способствуют защите прав и свобод человека и гражданина. При этом, учитывая федеративное устройство государства, в целях обеспечения равенства прав должны быть созданы необходимые механизмы защиты прав как на федеральном, так и на региональном уровне.

В первую очередь, государственный механизм защиты представлен различными органами власти, начиная с Президента РФ, который является гарантом конституционных прав и свобод человека и гражданина (ст. 80, 85, 115 Конституции). Глава государства осуществляет самые разные полномочия, которые в той или иной мере касаются вопросов защиты прав человека (участие в формировании государственных органов власти, подписание указов по вопросам обеспечения прав и свобод, согласованное функционирование государственного механизма, обеспечение верховенства закона и др.). Немалую роль в рассматриваемой сфере играют законодательные и исполнительные органы как федерального, так и регионального уровня. При этом государством

создана система правоохранительных органов, осуществляющих деятельность, наиболее значимым компонентом которой является защита прав и свобод человека и гражданина. К таким органам относятся прокуратура, таможня, полиция и др. В целях обеспечения гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами в России создан государственный орган – Уполномоченный по правам человека. В последующем были учреждены должности специализированных уполномоченных по правам ребенка, по правам студентов, по защите прав предпринимателей. Аналогичные органы были созданы и на региональном уровне во всех субъектах Федерации.

Но наиболее важной правовой гарантией является судебная защита прав и свобод, предусмотренная ст. 46 Конституции РФ. Эта норма гарантирует каждому защиту его прав и свобод, в рамках осуществления которой возможно обжалование в суд решений и действий (или бездействия) любых государственных органов и должностных лиц. Закрепленное в этой конституционной норме положение служит важной гарантией защиты прав и свобод граждан от любых нарушающих их действий и решений, в том числе решений судебных органов. Право на судебную защиту реализуется через совокупность процессуальных средств, обеспечивающих справедливое правосудие и эффективное восстановление нарушенных прав граждан. Данное право детализировано в текущем законодательстве, прежде всего в Законе «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан», а также в отраслевых законах – Гражданском процессуальном кодексе, Уголовно-процессуальном кодексе и т.д.

Прежде всего, следует обратить внимание на ценность судебной защиты, которая обладает универсальным характером. Конституция предусмотрела независимость суда, подчинение его только действующему законодательству и провозгласила принцип равенства всех перед законом и судом. Более того, предусмотрена особая процессуальная форма судебного разбирательства, обязательность судебных решений для исполнения. Кроме этого, в судебном порядке могут защищаться любые нарушенные субъективные права и законные интересы. Таким образом, значимость права на судебную защиту как гарантии реализации всех иных прав проявляется в особой роли судов, особенностях правосудия, что позволяет обеспечить верховенство права, прямое действие Конституции.



Закрепленные в Конституции РФ право каждого на судебную защиту, а также право на обжалование в суд решений и действия (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц являются гарантиями всех других конституционных прав. Более того, право на судебную защиту имеет абсолютный характер. Данное право не подлежит ограничению ни при каких обстоятельствах, даже в условиях чрезвычайного положения (ч. 3 ст. 56 Конституции РФ). Конституционный Суд РФ, подтверждая этот тезис, признал, что «личность в ее взаимоотношениях с государством выступает не как объект государственной деятельности, а как равноправный субъект, который может защищать свои права всеми не запрещенными законом способами и спорить с государством в лице его органов». А потому, исходя из обязанности государства обеспечить достоинство личности во всех сферах, никто не может быть ограничен в защите перед судом своего достоинства, а также всех связанных с ним прав, включая право на свободу и личную неприкосновенность (постановление Конституционного Суда РФ от 3 мая 1995 г. № 4-П) [10]. Именно поэтому «государство должно обеспечить полное осуществление права на судебную защиту, которая должна быть справедливой, компетентной и эффективной» (постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2004 г. № 14-П) [11].

Оценивая содержание рассматриваемого права, Конституционный Суд в постановлении от 17 февраля 1998 г. № 6-П установил, что право на судебную защиту является личным неотчуждаемым правом каждого человека, вне зависимости от наличия у него гражданства какого-либо государства, и, следовательно, должно гарантироваться иностранным гражданам и лицам без гражданства наравне с гражданами Российской Федерации [12].

При этом Конституционный Суд РФ установил, что государство должно создать механизм защиты, позволяющий реализовать право на судебную защиту в полном объеме. Это право проявляется не только в возможности обратиться в суд, но и в обеспечении эффективного восстановления в правах через судебную систему на основе равенства и справедливости (постановление Конституционного Суда РФ от 31 марта 2015 г. № 6-П) [13].

В постановлении от 14 февраля 2002 г. Судом была сформулирована правовая позиция, подводящая итог ранее сказанному: право на судебную защиту служит необходимой гарантией осуществления всех других прав и свобод, которые, яв-

ляясь непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием и признанием, соблюдение и защита которых, согласно ст. 2 Конституции РФ, – обязанность государства. Конституционное право на судебную защиту предполагает и право на доступ к правосудию, которое должно отвечать требованиям справедливости и обеспечивать эффективное восстановление в правах, и право на независимый и беспристрастный суд как необходимое условие справедливого правосудия (постановление Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2002 г. № 4-П) [14].

В России создана система судебных органов, периодически она претерпевает определенные изменения (создание мировой юстиции, ликвидация Высшего арбитражного суда, изменение статуса Конституционного Суда РФ). Однако на сегодняшний день она представлена федеральными судами и судами субъектов. К федеральным судам относятся Конституционный Суд, суды общей юрисдикции (включая военные и специализированные), арбитражные суды. В отношении судов субъектов изначально не было четкости, не добавилось определенности и сейчас. Созданные в субъектах России конституционные (уставные) суды функционируют сегодня лишь в 15 из них. Мировые судьи в большей степени имеют отношение к федеральным судам, чем к судам субъектов. По этим причинам следует признать, что региональный уровень слабо представлен своими судами.

Если говорить о судебной защите основных прав и свобод человека и гражданина, то эта функция осуществляется органами конституционного контроля, к которым, как было сказано выше, относятся федеральный Конституционный Суд и конституционные (уставные) суды 15 субъектов.

Конституционный Суд РФ был сформирован еще до принятий Конституции РФ 1993 г. За почти 30 лет своего существования Конституционный Суд РФ признан действенным органом защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина. Данная задача выполняется Конституционным Судом при осуществлении всех его полномочий: при проверке конституционности законов и иных нормативных актов федерального и регионального уровней, договоров между государственными органами, не вступивших в силу международных договоров; разрешении споров о компетенции между органами государственной власти; рассмотрении жалоб на нарушение конституционных прав и



свобод человека и гражданина и запросов судов о проверке конституционности закона в связи с его применением в конкретном деле; официальном толковании Конституции и др. Таким образом, Конституционный Суд отстаивает права и свободы человека и гражданина не только в случаях их прямого обращения, но и при разрешении иных дел.

Следует отметить, что сегодня можно классифицировать решения Конституционного Суда, принятые в данной сфере, на следующие группы: 1) решения, в которых раскрываются общие характеристики, содержание права на судебную защиту; 2) решения, в которых отстаивается право на судебную защиту тех или иных актов, действий органов власти; 3) решения, обеспечивающие равенство в реализации данного права по отношению к тем или иным лицам.

С учетом федеративных начал государственного устройства России федеральное законодательство допускает возможность создания органов конституционной юстиции в субъектах Российской Федерации. Не вдаваясь в описание особенностей создания именно этих судов в нашей стране (это предмет самостоятельного исследования), но учитывая, что предназначением этих органов также является защита прав и свобод человека и гражданина, следует признать, что конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации наделены полномочием по осуществлению защиты конституционных прав и свобод граждан в разном объеме либо вообще не имеют подобного правомочия. Например, Конституционный суд Республики Дагестан по жалобам на нарушения конституционных прав и свобод граждан и по запросам судов проверяет конституционность закона Республики Дагестан, примененного или подлежащего применению в конкретном деле. Конституционный Суд Республики Северная Осетия – Алания в соответствии с Конституцией по жалобам на нарушения конституционных прав и свобод граждан проверяет конституционность закона Республики Северная Осетия – Алания, примененного или подлежащего применению в конкретном деле, в порядке, установленном законом, а по конституционному закону проверяет конституционность не только закона Республики Северная Осетия – Алания, но и иного нормативного правового акта Республики.

Конституционный суд Республики Ингушетия по жалобам на нарушения конституционных прав и свобод граждан проверяет конституционность закона или иного нормативного акта Республики Ингушетия, примененного или подлежащего применению в конкретном деле,

в порядке, установленном республиканским конституционным законом. Аналогично в Кабардино-Балкарии, в Чеченской Республике суд рассматривает жалобы не только на законы, но и на иные республиканские нормативные акты.

Конституционный суд Башкортостана, аналогично Татарстану, по жалобам граждан и по запросам судов проверяет конституционность нормативного правового акта Республики, органа местного самоуправления. Иначе очерчен соответствующий перечень в Законе Республики Коми «О Конституционном Суде Республики Коми» [15]. Данный суд по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан и по запросам судов проверяет конституционность нормативного правового акта, примененного или подлежащего применению в конкретном деле, по вопросам, относящимся к ведению органов государственной власти Республики Коми и органов государственной власти Российской Федерации, а также по вопросам, относящимся к ведению представительных и исполнительных органов местного самоуправления. Еще один вариант, и, как представляется, наиболее оптимальный, предложен Законом Республики Марий Эл о Конституционном Суде [16]. Республиканский орган конституционного контроля по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан (объединений граждан) и по запросам судов проверяет конституционность республиканских законов, а также иных нормативных правовых актов, примененных или подлежащих применению в конкретном деле, по вопросам, отнесенным к ведению органов государственной власти Республики, или по вопросам совместного ведения органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти Республики, если нет в производстве Конституционного Суда РФ дела по аналогичному вопросу или принятого им решения. В отличие от названных субъектов, в Свердловской области Уставный суд не наделен таким видом полномочий, как проверка конституционности закона или иного нормативного акта по жалобам граждан и их объединений. Такой контроль предусмотрен по процедуре производства по делам о соответствии нормативных актов областному уставу.

Говоря о региональном уровне защиты прав и свобод человека и гражданина органами конституционной юстиции, следует иметь в виду, что большинство региональных основных законов (конституции, уставы субъектов Федерации) дублируют в полном объеме конституционные права, провозглашенные в Конституции РФ, либо имеют в этой части отсылочные нормы. Поэтому применительно к индивидуальной жалобе можно



говорить о «двухуровневой» защите основных прав гражданина. То есть возможно обращение сначала в региональный орган, затем в Конституционный Суд Российской Федерации (при этом решение регионального органа конституционного контроля не оспаривается в федеральном суде, меняется предмет спора, хотя проверке подвергаются те же нормы).

При этом следует иметь в виду, что субъекты РФ имеют возможность наряду с основными гарантиями прав граждан, закрепленными федеральным законом, «установить в своем законе или ином нормативном правовом акте дополнительные гарантии этих прав, направленные на их конкретизацию, создание дополнительных механизмов их реализации, с учетом региональных особенностей (условий) и с соблюдением конституционных требований о непротиворечии законов субъектов Российской Федерации федеральным законам и о недопустимости ограничения прав и свобод человека и гражданина в форме иной, нежели федеральный закон» (постановление от 27 апреля 1998 г. № 12-П) [17]. Конституционный Суд подчеркнул недопустимость введения региональными нормативными правовыми актами процедур и условий, искажающих «само существо тех или иных конституционных прав», и снижения «уровня их федеральных гарантий» (постановление Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2013 г. № 4-П) [18]. Таким образом, субъекты не имеют права вводить ограничения, но могут создавать дополнительные гарантии, в том числе формируя механизмы государственной защиты прав и свобод человека и гражданина.

Судебная защита не ограничивается деятельностью Конституционного Суда РФ. Любой судебный орган нацелен на защиту прав человека. Право на судебную защиту допускает выделение конкретных способов защиты. Так, например, в Гражданском кодексе называются способы защиты гражданских прав, такие как признание права, признания недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления, возмещение убытков, компенсации морального вреда и др. (ст. 12).

Результаты

Конституционный Суд РФ является тем органом, который защищает именно конституционные права и свободы человека и гражданина. В связи с этим особый интерес представляют поправки в Конституцию РФ 2020 г. [19], особенно касающиеся деятельности Конституционного Суда РФ. Во многих странах мира регулярно принимаются новые конституции либо вносятся поправки в действующие. Это может быть

вызвано разными обстоятельствами. Например, приведение в соответствие юридической конституции с фактической, закрепление новых характеристик государства, развитие конституционных принципов, разрешение политического конфликта, перераспределение власти, смена экономического курса, признание социальных изменений в обществе. Но независимо от того, какие основания послужили для внесения поправок в конституцию или для принятия нового акта, в любом случае в них должны быть отражены права человека. Конституционное развитие должно гарантировать обеспечение поощрения, уважения и защиты прав и свобод человека и гражданина.

Конституционные поправки 2020 г. закрепляют ряд новых конституционных гарантий в сфере прав человека. Так, например, в ст. 69 дополнительно провозглашается обеспечение защиты интересов соотечественников, проживающих за рубежом. Пункт «ж» ст. 72 Конституции РФ дополнен словами о защите института брака как союза мужчины и женщины. Особое внимание уделено гарантиям трудовых прав, в частности, ст. 75 изменена за счет требования к Российской Федерации обеспечивать защиту трудовых прав граждан, а ст. 75.1 среди прочего гарантирует защиту достоинства граждан и уважения человека труда.

Но наиболее интересные изменения касаются ст. 125 Конституции РФ, определяющей порядок организации и деятельности Конституционного Суда РФ. В Конституцию выносятся характеристика Конституционного Суда как высшего судебного органа, осуществляющего конституционное судопроизводство в целях защиты основных прав и свобод человека и гражданина. Но представляется, что на этом конституционный законодатель решил остановиться в вопросе развития конституционного контроля в стране, да и собственно защиты прав и свобод человека и гражданина.

Прежде всего, уменьшен состав судей Конституционного Суда, практически вдвое. Изменены полномочия Конституционного Суда, введен предварительный конституционный контроль (что вообще не свойственно судебному органу), причем не только в отношении федеральных конституционных и федеральных законов, но и без каких-либо ограничений законов субъектов до их обнародования высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации (руководителем высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Федерации).

Главное, вновь изменены правила обращения граждан с жалобами. В 2020 г. с одной



стороны, граждане получили право оспаривать конституционность не только закона (как было ранее предусмотрено Конституцией РФ), но и иных нормативных актов (федеральных конституционных законов, федеральных законов, нормативных актов Президента РФ, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства РФ, конституций республик, уставов, а также законов и иных нормативных актов субъектов Российской Федерации, изданных по вопросам, относящимся к ведению органов государственной власти Российской Федерации и совместному ведению федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов). То есть расширен перечень оспариваемых актов. Хотя подобные возможности были и ранее, только предусмотрены они были не конституционными нормами, а выработаны в ходе деятельности Конституционного Суда РФ и названы в его решениях. При этом следует признать, что поправками не уточнены критерии допустимости жалобы при проверке иных актов. Следуя логике правовых позиций Конституционного Суда РФ, оспариваемый акт должен обладать следующими характеристиками: принятие данного акта предусмотрено самой Конституцией, особый уровень такого акта, особое материально-правовое содержание (постановление от 5 июля 2001 г. № 11-П) [20]. В постановлении от 27 января 2004 г. № 1-П Судом была сформулирована правовая позиция о том, что при определенных условиях предметом проверки в связи с жалобой граждан может быть подзаконный нормативный акт, если имеется прямая нормативная связь между этим актом и федеральным законом [21]. В определении от 4 марта 2004 г. № 146-О Суд пришел к выводу, что на предмет конституционности по жалобам граждан могут проверяться и иные подзаконные акты, если отсутствует федеральный закон, который должен был бы регулировать соответствующие правоотношения [22].

В связи с этим можно уточнить критерии допустимости при проверке иных актов (не законов):

– нормативный правовой акт определяет содержание самого права, возможности его использования или осуществления его защиты при условии, что подобные вопросы не урегулированы законом (т.е. подобный акт является первичным);

– правоприменительные органы используют данный акт в качестве основного источника (т.е. когда не представляется возможным использование непосредственно конституционной нормы).

Таким образом, в ближайшее время следует ожидать новых правовых позиций Конститу-

ционного Суда РФ по вопросам оспаривания иных нормативных правовых актов по жалобам граждан.

Изначально в Конституции было предусмотрено, что Конституционный Суд Российской Федерации по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан и по запросам судов проверяет конституционность закона, примененного или подлежащего применению в конкретном деле. С 2010 г. в результате изменения ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» жалобы на нарушение конституционных прав и свобод граждан стали приниматься, только если оспариваемый закон применен в конкретном деле (причем был установлен срок обращения – 1 год), а запросы судов стали возможны, если закон подлежит применению соответствующим судом в конкретном деле. В 2020 г. права граждан на обращение с жалобой в Конституционный Суд РФ ограничены в очередной раз, за счет введения нового требования к жалобе. Сейчас гражданин может обратиться в Конституционный Суд РФ только в том случае, если исчерпаны все другие внутригосударственные средства судебной защиты. Безусловно, такой порядок ограничит граждан в возможности обращаться в Конституционный Суд, пока не будут исчерпаны все внутригосударственные средства судебной защиты, более того, в уменьшенном составе судьи не смогут рассматривать в разумные сроки все возрастающий поток обращений граждан.

К сожалению, поправки не внесли определенности с региональным уровнем конституционной юстиции. А была хорошая возможность упомянуть в тексте Конституции РФ необходимость создания в субъектах регионального уровня конституционного правосудия с целью защиты тех прав и свобод, которые провозглашены в конституциях (уставах) субъектов. При условии, что основные законы субъектов во многом дублируют права и свободы, провозглашенные в Конституции РФ, был бы создан действенный механизм судебной защиты, существенно разгрузивший Конституционный Суд РФ (что актуально при условии уменьшения численности судей этого суда и расширения его полномочий).

В связи с этим очень хочется верить, что субъекты, обладая правом создания органов конституционной юстиции, принимая во внимание изменения в статусе Конституционного Суда, не только вернуться к вопросу формирования региональных конституционных (уставных) судов, но и расширят возможности для обращения граждан с жалобами в эти органы.



Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект «Верховенство прав, федерализм и защита прав человека: сравнительное исследование» № 19-011-00697).

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации, 2014. № 31, ст. 4398.
2. Система защиты прав человека в Российской Федерации : учебник / под ред. Г. Н. Комковой. М. : Проспект, 2017. 384 с.
3. *Эбзеев Б. С.* Личность и государство в России : взаимная ответственность и конституционные обязанности. М. : Норма, 2007. 384 с.
4. *Беньяминова С. А.* Право на конституционное судопроизводство как элемент правового статуса гражданина // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10. С. 143–150.
5. *Головкова А. Ю.* Доступность и эффективность механизмов судебной защиты конституционных прав и свобод человека как показателей верховенства права // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 335–343. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-335-343>
6. *Колосова Н. М.* Прямое действие Конституции Российской Федерации и ограничение конституционных прав и свобод человека и гражданина в контексте судебной практики // Журнал российского права. 2019. № 8. С. 36–47.
7. *Комкова Г. Н.* Модификация современной Конституции России // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2015. Т.15, вып. 1. С. 90–95.
8. *Сычев В. Б.* Роль Конституционного Суда РФ в защите конституционного принципа недискриминации // Ленинградский юридический журнал. 2012. № 3. С. 223–228.
9. По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан : постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.1998 № 20-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 28, ст. 3393.
10. По делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. А. Аветяна : постановление Конституционного Суда РФ от 03.05.1995 № 4-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 19, ст. 1764.
11. По делу о проверке конституционности отдельных положений части второй статьи 89 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. Д. Егорова и Н. В. Чуева : постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2004 № 14-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004 № 30, ст. 3214.
12. По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 31 Закона СССР от 24 июня 1981 года «О правовом положении иностранных граждан в СССР» в связи с жалобой Яхья Дашти Гафура : постановление Конституционного Суда РФ от 17.02.1998 № 6-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 9, ст. 1142.
13. По делу о проверке конституционности пункта 1 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» и абзаца третьего подпункта 1 пункта 1 статьи 342 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества «Газпром нефть» : постановление Конституционного Суда РФ от 31.03.2015 № 6-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 15, ст. 2301.
14. По делу о проверке конституционности статьи 140 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л. Б. Фишер : постановление Конституционного Суда РФ от 14.02.2002 № 4-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 8, ст. 894.
15. О Конституционном Суде Республики Коми : закон Республики Коми от 31.10.1994 (с посл. изм.) № 57-РЗ // Республика. 2010. 6 июля.
16. О Конституционном Суде Республики Марий Эл : закон Республики Марий Эл от 03.01.1997 № 14-3 // Марийская правда. 1997. 19 марта.
17. По делу о проверке конституционности отдельных положений части первой статьи 92 Конституции Республики Башкортостан, части первой статьи 3 Закона Республики Башкортостан «О Президенте Республики Башкортостан» (в редакции от 28 августа 1997 года) и статей 1 и 7 Закона Республики Башкортостан «О выборах Президента Республики Башкортостан» : постановление Конституционного Суда РФ от 27.04.1998 № 12-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 18, ст. 2063.
18. По делу о проверке конституционности Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон “О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях”» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э. В. Савенко : постановление



- Конституционного Суда РФ от 14.02.2013 № 4-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 8, ст. 868.
19. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ. URL: <http://duma.gov.ru/news/48045/> (дата обращения: 10.05.2020).
 20. По делу о проверке конституционности Постановления Государственной Думы от 28 июня 2000 года № 492-III ГД «О внесении изменения в Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации “Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов”» в связи с запросом Советского районного суда города Челябинска и жалобами ряда граждан : постановление Конституционного Суда РФ от 05.07.2001 № 11-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 29, ст. 3059.
 21. По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 2 части первой статьи 27, частей первой, второй и четвертой статьи 251, частей второй и третьей статьи 253 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Правительства Российской Федерации : постановление Конституционного Суда РФ от 27.01.2004 № 1-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 5, ст. 403.
 22. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Адамян Жульетты Семеновны на нарушение ее конституционных прав положениями Федеральных законов «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» и «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» : определение Конституционного Суда РФ от 04.03.2004 № 146-О // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 27, ст. 2806.

Образец для цитирования:

Несмеянова С. Э. Национальный механизм судебной защиты основных прав и свобод человека и гражданина в контексте федеративных отношений // Изв. Саратовского государственного университета. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 310–319. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-3-310-319>

National Mechanism for Judicial Protection of Fundamental Human and Civil Rights and Freedoms in the Context of Federal Relations

S. E. Nesmeyanova

Svetlana E. Nesmeyanova, <https://orcid.org/0000-0001-7640-9839>, Ural State Law University, 21 Komsomolskaya St., Yekaterinburg 620066, Russia, nesmeyanova@yandex.ru

Introduction. The Constitution of the Russian Federation contains enough material in terms of proclaiming and implementing a large volume of human and civil rights and freedoms. However, the proclamation is not enough, and, therefore, the state creates a national mechanism of state protection to ensure, if necessary, the restoration of human and civil rights and freedoms. The article offers an analysis of the judicial mechanism of state protection of human and civil rights and freedoms, as the most universal and absolute, in particular, the activities of the Constitutional Court as the highest judicial body carrying out constitutional proceedings for the protection of basic human and civil rights and freedoms, and similar bodies of subjects. **Theoretical analysis.** The regulation of human and civil rights and freedoms is based on a set of constitutional norms that define them, as directly applicable, regulate the procedure for the implementation of these rights and freedoms, and establish guarantees for their implementation. Constitutional norms, thus, form the basis of the national mechanism for the protection of rights and freedoms. The state mechanism, in addition to constitutional norms, also includes state institutions for the protection of rights and freedoms, created at both the federal and regional levels. **Empirical analysis.** The right to judicial protection is presented through the analysis of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian

Federation, in which a logical sequence is built in relation to the right to judicial protection itself, the right to protection from certain acts, actions of public authorities, as well as equality in the exercise of this right in relation to certain persons. **Results.** The author gives a critical analysis of the limitations of the right to judicial protection, including the right to file complaints with the constitutional justice bodies, and formulates proposals to secure broad opportunities for citizens to appeal to the constitutional (statutory) court.

Keywords: fundamental rights and freedoms, national protection, federalism, constitutional justice bodies, amendments to the Constitution.

Received: 20.05.2020 / Accepted: 17.06.2020 /
Published: 31.08.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Acknowledgements: *The work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project “The Rule of Rights, Federalism and the Protection of Human Rights: a comparative study” No. 19-011-00697).*

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by the popular vote of 12.12.1993) (amended by Federal Constitutional Law 6-FKZ of 30.12.2008, Federal Constitutional Law 7-FKZ of 30.12.2008, Federal Constitutional Law 2-FKZ of 05.02.2014, Federal Constitutional Law 11-FKZ of 21.07.2014)]. *Sobranie zakonodatel'stva*



- RF [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 31, art. 4398 (in Russian).
2. *Sistema zashchity prav cheloveka v Rossiiskoi Federatsii* [System of Human Rights Protection in the Russian Federation. Textbook. Ed. by G. N. Komkova]. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 384 p. (in Russian).
 3. Ebzeev B. S. *Lichnost' i gosudarstvo v Rossii: vzaimnaia otvetstvennost' i konstitutsionnye obiazannosti* [Personality and State in Russia: Mutual responsibility and constitutional duties]. Moscow, Norma Publ., 2007. 384 p. (in Russian).
 4. Ben'yaminova S. A. The right to constitutional legal proceedings as an element of the legal status of a citizen. *Actual Problems of Russian Law*, 2018, no. 10, pp. 143–150 (in Russian).
 5. Golovkova A. Yu. Accessibility and Effectiveness of Mechanisms for the Judicial Protection of Constitutional Rights and Freedoms as the Rule of Law Indicators. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 335–343 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-335-343>
 6. Kolosova N. M. Direct Action of the Constitution of the Russian Federation and the Restriction of Constitutional Rights and Freedoms of Man and Citizen in the Context of Judicial Practice. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2019, no. 8, pp. 36–47 (in Russian).
 7. Komkova G.N. Modification of Modern Constitution of Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2015, vol. 15, iss. 1, pp. 90–95 (in Russian).
 8. Sychev V. B. The Role of the Constitutional Court in Protecting Constitutional Principle of Non-discrimination. *Leningrad Law Journal*, 2012, no. 3, pp. 223–228 (in Russian).
 9. In the case of the constitutionality review of certain provisions of Articles 331 and 464 of the RSFSR Code of Criminal Procedure in connection with complaints by a number of citizens. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 20-P of 02.07.1998. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1998, no. 28, art. 3393 (in Russian).
 10. In the case of the verification of the constitutionality of Articles 220.1 and 220.2 of the RSFSR Code of Criminal Procedure in connection with a complaint of a citizen V. A. Avetyan. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 4-P of 03.05.1995. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1995, no. 19, art. 1764 (in Russian).
 11. In the case of checking the constitutionality of certain provisions of part two of article 89 of the Tax code of the Russian Federation in connection with complaints of citizens A. D. Egorov and N. V. Chuev. Resolution of the constitutional Court of the Russian Federation no. 14-P of 16.07.2004. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2004, no. 30, art. 3214 (in Russian).
 12. In the case of the constitutionality of the provisions of the second part of Article 31 of the USSR Law of June 24, 1981 “On the Legal Status of Foreign Citizens in the USSR” in connection with the complaint of Yahya Dashti Gafur. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 6-P of 17.02.1998. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1998, no. 9, art. 1142 (in Russian).
 13. In the case of the verification of the constitutionality of Clause 1 of part 4 of Article 2 of the Federal Constitutional Law “On the Supreme Court of the Russian Federation” and the paragraph of the third subparagraph 1 of Clause 1 of Article 342 of the Tax Code of the Russian Federation in connection with the complaint of the open joint-stock company Gazprom Neft. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 6-P of 31.03.2015. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2015, no. 15, art. 2301 (in Russian).
 14. In the case of the verification of the constitutionality of Article 140 of the Civil Procedure Code of the RSFSR in connection with the complaint of a citizen L. B. Fisher. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 4-P of 14.02.2002. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2002, no. 8, art. 894 (in Russian).
 15. On the Constitutional Court of the Republic of Komi. Law of the Republic of Komi 57-RZ of 31.10.1994 (as amended). *Respublika* [Republic], 2010, 6 July (in Russian).
 16. On the Constitutional Court of the Republic of Mari El. Law of the Republic of Mari El 14-Z of 03.01.1997. *Mariyskaia Pravda*, 1997, 19 March (in Russian).
 17. In the case of checking the constitutionality of certain provisions of the first part of Article 92 of the Constitution of the Republic of Bashkortostan, the first part of Article 3 of the Law of the Republic of Bashkortostan “On the President of the Republic of Bashkortostan” (as amended of August 28, 1997) and articles 1 and 7 of the Law of the Republic of Bashkortostan “On the Election of the President of the Republic Bashkortostan”. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 12-P of April 27, 1998. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1998, no. 18, art. 2063 (in Russian).
 18. In the case of the verification of the constitutionality of the Federal Law “On Amendments to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses and the Federal Law “On Meetings, Meetings, Demonstrations, Processions and Pickets”” in connection with a request from a group of deputies of the State Duma and a complaint by citizen E. V. Savenko. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 4-P of 14.02.2013. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2013, no. 8, art. 868 (in Russian).



19. On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authorities. Law of the Russian Federation on amendment of the Constitution of the Russian Federation 1-FKZ of 14.03.2020. Available at: <http://duma.gov.ru/news/48045/> (accessed 10 May 2020) (in Russian).
20. In the case of verifying the constitutionality of the Resolution of the State Duma no. 492-III of June 28, 2000 of the State Duma "On Amending the Resolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation "On declaring amnesty in connection with the 55th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945"" in connection with the request of the Sovetsky District Court of the city of Chelyabinsk and the complaints of a number of citizens. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 11-P of 05.07.2001. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2001, no. 29, art. 3059 (in Russian).
21. In the case of verification of constitutionality of certain provisions of paragraph 2 of article 27, parts of first, second and fourth of article 251, the second and third parts of article 253 of the Civil procedure code of the Russian Federation in connection with the request of the Government of the Russian Federation. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 1-P of 27.01.2004. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2004, no. 5, art. 403 (in Russian).
22. On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Adamyan Julietta Semyonovna on violation of her constitutional rights by provisions of Federal Laws "On labor pensions in the Russian Federation" and "On state pension provision in the Russian Federation". Court Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 146-O of 04.03.2004. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2004, no. 27, art. 2806 (in Russian).

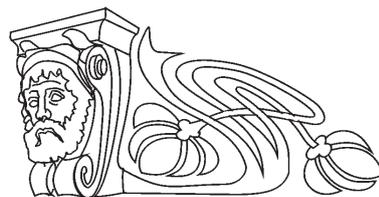
Cite this article as:

Nesmeyanova S. E. National Mechanism for Judicial Protection of Fundamental Human and Civil Rights and Freedoms in the Context of Federal Relations. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 310–319 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-3-310-319>



УДК 340.12

Философия права в контексте постнеклассической науки: методологический плюрализм и случай коммуникативной теории права



С. В. Тихонова

Тихонова Софья Владимировна, доктор философских наук, профессор кафедры социальной коммуникации, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского; профессор кафедры истории государства и права, Саратовская государственная юридическая академия, segedasv@yandex.ru

Введение. Статья посвящена роли методологического плюрализма в развитии коммуникативной теории права. Специфика современной постнеклассической рациональности детерминирует рост междисциплинарных исследований, предъявляя к философии права новые требования. В этой связи встает вопрос о реализации принципа методологического плюрализма в коммуникативном правопонимании. **Теоретический анализ.** В статье рассматривается дедуктивный монометодологический характер классических типов правопонимания, показываются барьеры, блокирующие методологический плюрализм. Коммуникативная теория права трактуется как постнеклассическая научная теория, основанная на открытом полилоге с различными социальными теориями и ориентированная на поиск интегративного правопонимания. **Эмпирический анализ.** Показана работа принципа методологического плюрализма в теории коммуникации как ключевого источника коммуникативной теории права. Представлена стратегия детализации базового категориального ряда теории коммуникации входящими в ее состав дисциплинарными направлениями, в том числе и коммуникативной теорией права. **Результаты.** Показаны способы теоретической коммуникации междисциплинарных областей в коммуникативной теории права, установлены перспективы применения принципа методологического плюрализма в коммуникативной теории права, его эвристический потенциал для ответов на вопросы о том, кто создает право, какие инструменты для этого использует и к каким последствиям для социальной системы это приводит.

Ключевые слова: философия права, коммуникативная теория права, теория коммуникации, методологический плюрализм, постнеклассическая рациональность.

Поступила в редакцию: 13.04.2020 / Принята: 17.05.2020 / Опубликовано: 31.08.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-3-320-325>

Введение

В цифровую эпоху развитие парадигмы постнеклассической научной рациональности [1] с ее междисциплинарностью, проблемной ориенти-

рованностью и включенностью социокультурных смыслов встретилось с новыми вызовами – развитием цифровых форм научной коммуникации и распределением научного знания, новыми практиками диалога науки и общества, развитием технаучи и гражданской науки. Сталкивается с ними и юридическая наука. Однако «технократическое» измерение развития юридического знания не останавливает теоретической рефлексии, детерминирующей развитие правопонимания и формирование предельного осмысления сущности права. Проблема правопонимания является ключевой для правоведения, и философия права активно осваивает междисциплинарный стиль научного мышления, стремясь отразить свой предмет во всем многообразии его динамики. В этом контексте особую актуальность обретает изучение реализации принципа методологического плюрализма, обеспечивающего коммуникацию монодисциплинарных методов в междисциплинарных постнеклассических проектах.

Базовые аспекты бытия права отрефлексированы основными школами права – юснатурализмом, юридическим позитивизмом, социологическим правоведением, марксизмом, возрожденным естественным правом, каждая из которых известна собственным категориальным аппаратом. Школы правоведения формировались в полемике друг с другом, их конкуренция связана как с методологическими особенностями, так и с развитием национальных правовых доктрин. С конца прошлого столетия актуализировалась потребность в поиске компромисса между школами права, ответом на которую стали поиски интегративного правопонимания. Последнее призвано объединить существующие типы правопонимания через поиск «общих точек соприкосновения, а не путем простого арифметического суммирования» [2, с. 143].

Однако внутренние резервы интеграции конфликтующих концептуальных структур ограничены, взаимодействие юридического позитивизма и возрожденного естественного права наглядно демонстрируют наличие пределов, за которые «школьная» система категорий не может выйти без риска неразрешимых логических



противоречий. Основные типы правопонимания организованы как дедуктивные пирамидальные иерархии понятий, что делает прямую рецепцию логических конструкций невозможной. Школы права развивались как «замкнутые теории» В. Гейзенберга, системы определений и аксиом, фиксирующие основополагающие понятия и их связи [3, с. 217], охарактеризованные им как методологическое совершенство. Замкнутые теории отличаются логично и когерентно сконструированным понятийным ядром теории, основанным на единстве метода и правил его интерпретации. Для замкнутых теорий специфичен методологический монизм. Гейзенберг рассматривал замкнутые теории на примерах естествознания, где в формировании понятий доминирует индуктивная логика. Школы права, как отмечено выше, дедуктивны, поскольку развивались не под влиянием изменений собственно правовых норм, источником их движения были масштабные социально-политические изменения и появление отражающих их фундаментальных идей (разум, развитие, позитивное знание и др.). Из этих идей и выводилось понятие права, логическими следствиями которого становились основные правовые категории. Иначе говоря, развитие правопонимания осуществлялось через обращение к внедисциплинарным для права философским концептам, даже если результатом такого обращения был принципиальный позитивистский отказ включать такие концепты в формируемую замкнутую систему.

Теоретический анализ

В этом ракурсе обращение к внедисциплинарному для юриспруденции философскому знанию как основанию и источнику интеграции закономерно. Связь школ правопонимания с господствовавшими философскими парадигмами общеизвестна. Укорененность юснатурализма в рационалистической философии, позитивизма – в методологии и философии науки, исторической школы права – в романтическом национализме, возрожденного естественного права – в базовых течениях западной философии XX в. подробно анализируется в истории политических и правовых учений. С точки зрения современного поиска внедисциплинарных оснований показательна частота обращений к социологическим теориям права в рамках интегративных проектов, возникших на рубеже XX–XXI вв. [например, 4]. Будучи тесно связанными с современной социальной теорией, они способны обеспечить гибкость реакции на те самые социально-политические изменения, которые инициируют прогресс правоведения.

Тем не менее, стремление к интеграции на «внешней» социально-теоретической платформе также сталкивается с существенными барьерами. Если бы социальная наука была способна предложить логически строгую и всеобъемлющую модель социальной реальности, задачей правоведения стало бы сведение правовых категорий к знаменателю категориальных систем и выводов социальной теории, достижение тотального «методологического совершенства». В условиях относительного характера истины в научном познании такую задачу пришлось бы всегда решать ретроспективно, следуя за социальным познанием и отставая от осмысления наличной динамики правовой жизни. Более того, социальную ориентированность правоведения осложняет методологический плюрализм. Утверждая равноправие разных методологических стратегий, методологический плюрализм тем самым ограничивает трансцендентальное притязание философских концепций на универсальность, нивелируя попытки создания «единственно верных» теорий.

Автором концепции методологического плюрализма является П. Фейерабенд. Одно из самых известных его высказываний о плюрализме метода в науке вошло в широкий оборот: «Познание... не есть ряд непротиворечивых теорий, приближающийся к некоторой идеальной концепции. Оно не является постепенным приближением к истине, а скорее представляет собой океан взаимно несовместимых альтернатив, в котором каждая отдельная теория, сказка или миф являются частями одной совокупности, побуждающими друг друга к более тщательной разработке, и благодаря этому процессу конкуренции все они вносят свой вклад в развитие нашего сознания» [5, с. 49]. Выдвинутая Фейерабендом идея пролиферации теорий означает необходимое сосуществование «несовместимых альтернатив» в рамках теоретического целого, требующееся для качественного опровержения/подтверждения выдвинутой гипотезы.

Методологический анархизм Фейерабенда как неклассическая теория научной рациональности подготовил почву для появления социально-конструктивистской парадигмы в современной эпистемологии науки [6, с. 14]. Социальный конструктивизм в науке означает интерпретацию научного познания как конструирования когнитивных феноменов, когда познающий субъект свободно реализует себя в сфере сознания, формируя конструктивное объяснение и понимание мира. По справедливому замечанию И. Т. Касавина, в конструктивизме «методологическая свобода оборачивается постоянной необходимостью решать парадоксы и антиномии, преодолевать ошибки



и заблуждения, а процесс познания оказывается весьма рискованным и ответственным мероприятием» [7, с. 377]. Методологический плюрализм как принцип познания означает необходимость рисковать, сочетая противоречивые подходы, ради более достоверного описания изучаемого объекта.

Процедура отбора используемых методов в методологическом плюрализме отличается известной интуитивностью и не может быть четко формализована, несмотря на то, что исследователи, разумеется, стремятся к формализации дизайна исследования. Как отмечает В. Н. Порус, для современных социально-гуманитарных дисциплин характерно многообразие методов, представляющих собой «прерывистый спектр», внутри которого возможен переход без четких логических и эмпирических оснований, связанный только выбором исследователя [8, с. 7]. Такая методологическая ситуация фиксируется не только на микроуровне конкретной исследовательской программы, она может быть обнаружена и при ретроспективном анализе методологии социально-гуманитарных наук. Например, Н. Л. Полякова показывает, что методологический плюрализм выступает базовой характеристикой основных традиций теоретической социологии, отмечая, что с момента своего зарождения в XIX в. теоретическая социология «состоит из множества социологических теорий, ... представляющих различные взгляды на общества и конкурирующих между собой» [9, с. 67]. Как видим, в первом приближении в силу методологического плюрализма социально-философское поле теорий мозаично и фрагментарно. Погрузившись в конкретную концепцию, трудно найти универсальную систему объяснения социальной реальности, пригодную для методологических потребностей правопонимания.

Однако методологический плюрализм предназначен не для гносеологической фиксации дискретности конгломерата методов, напротив, он обеспечивает их единство. Работая как комплементарный принцип взаимоусиления родственных и близких методов, он позволяет дополнять, калибровать и надстраивать исследовательские процедуры там, где это необходимо. Иными словами, он открывает пространство для методологического синтеза. Постнеклассические социально-гуманитарные концепции изначально конструируются не как конкурирующие и взаимоисключающие замкнутые системы понятий, а как концептуальные конструкции, открытые к диалогу, взаимодействующие друг с другом, объединяющие индуктивно-дедуктивные логики, приспособляющие методологические ансамбли к особенностям изучаемого объекта.

Эмпирический анализ

Все эти особенности характерны для «новейшего» типа правопонимания, формируемого коммуникативной теорией права. Последняя выдвигает онтологическое основание интегральности права, синтезируя модусы его бытия на основе постнеклассической рациональности [10]. Ее главные достоинства связаны с фиксацией коммуникативности как основания сконструированности, intersubjectивности, человекоразмерности, практической воспроизводимости, ментальной, социокультурной обусловленности и контекстуальности правовой реальности [11, с. 21]. По справедливому мнению Е. В. Тимошиной, характерное для коммуникативного правопонимания деление теории (философии) права на классическую и пост[не]классическую выступает способом обоснования радикальной необходимости обновления методологических оснований российского теоретического правоведения и наглядной демонстрацией невозможности мыслить право в соответствии с методологическими стандартами позапрошлого века [12, с. 64]. Используя объяснительные модели теории коммуникации, коммуникативная теория права не только предлагает широкую многоаспектную модель права, соотнося его с современными данными социогуманитаристики и преодолевая кризис методологических основ теоретического правоведения, но и открывает перспективы для модернизации юридической догматики, соединяя философию права с его теорией, а также обосновывая возможность и востребованность плюралистичной методологии в правовых исследованиях.

Методологические подходы коммуникативного правопонимания сформулированы в нынешнем столетии. Интерес к ним очевиден как в западноевропейской, так и в российской правовой мысли. В нашей стране основы коммуникативной теории права заложены А. В. Поляковым. Как показывает Д. И. Луковская, А. В. Поляков «является оригинальным разработчиком именно коммуникативной теории права, поскольку такой теории (и по названию, и по сути) ранее не существовало, несмотря на все предпосылки ее появления» [13, с. 10]. К таким предпосылкам относятся идеи петербургской школы философии права, заложенные Л. И. Петражицким в начале XX в., современной немецкой философии права (В. Кравиц, Н. Луман, Г. Шельски, Ю. Хабермас, Г. Тойбнер) [14], а также исследования intersubjectивности социального мира в русле феноменологической социологии [15, с. 8] и интегративные поиски современной Санкт-Петербургской школы философии права по обеспечению синтетической целостности правопонимания.



Таким образом, коммуникативная теория права демонстрирует широкую сеть взаимодействия разных подходов, на которые она опирается и чьи объяснительные схемы использует. Чувствительность коммуникативной теории права к методологическому плюрализму повышает и ее генетическая связь с теорией коммуникации. Важно отметить условность этого термина, несмотря на прочное его вхождение в научный оборот. Единой «замкнутой» теории своего предмета теория коммуникации не содержит. В строгом смысле она представляет собой междисциплинарную совокупность внутридисциплинарных теорий, описывающих социальную коммуникацию. Концепции коммуникации в онтологии, эпистемологии, социологии и социальной теории, лингвистике, кибернетике, массовой информации, политологии, психологии возникали в разное время с опорой на совершенно разные теоретические основания, что не мешало им тесно контактировать друг с другом, формируя единое междисциплинарное пространство. Их объединяет тезис о фундаментальности процессов коммуникации в обществе и мире, а также категориальный аппарат, фиксирующий структуру коммуникации, ее основные формы и модели.

Теория коммуникации не претендует на статус метатеории, т.е. не содержит объяснения входящих в ее состав дисциплинарных теорий. «Составные» дисциплинарные теории детализируют и конкретизируют категориальные ряды теории коммуникации в соответствии с принятой в них терминологией и методологическими правилами. Таким образом, формируется единое концептуальное целое теории коммуникации, реализующее принцип методологического плюрализма. Необходимо отметить, что качество методологической интеграции в этом концептуальном целом вариативно, временами оно достигает синтетического единства, временами ограничивается эклектикой, когда разрывы между методами открывают перспективы новых методологических поисков. Если воспользоваться метафорой, теория коммуникация далека от того, чтобы быть широким тоннелем, пролегающим сквозь различные дисциплинарные поля. Скорее она представляет собой комплекс мостков и бродов разной степени надежности между отдельными дисциплинарными территориями. Эта возможность перехода позволяет по мере необходимости актуализировать все значимые дисциплинарные багажи, предлагая вместо «единственно верной» теории единство верных теорий. Эту логику методологического плюрализма развивает и коммуникативная теория права, тесно взаимодействующая с междисциплинарными областями,

лежащими на стыке юридических и неюридических научных отраслей, – юрислингвистикой, правовой информатикой, коммуникативистикой и многими другими.

Результаты

Рассмотренные особенности коммуникативной теории права выступают точками ее методологического роста. Такие фундаментальные свойства правовой коммуникации, как полисубъектность, полифигуративность, самореферентность, потенциальная многоканальность, результативность, могут быть раскрыты только на платформе постнеклассической плюралистичной методологии, позволяющей дополнять собственно юридическую методологию широким спектром методов теории коммуникации. Коммуникативные исследования в правоведении, таким образом, способны установить, кто создает право, какие инструменты для этого использует и к каким последствиям для социальной системы это приводит. Полученные результаты при этом всегда будут служить гуманистическому развитию права, показывая его антропоцентрично, как итог активности человека, направленной на улучшение его собственной жизни.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект «Социальное конструирование исторической памяти в цифровом мире» № 19-011-00265).

Список литературы

1. Стёпин В. С. Теоретическое знание. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
2. Залоило М. В., Черкашина-Шмитд О. В. Интегративное правопонимание : новый подход (обзор заседания секции права) // Журнал российского права. 2014. № 2. С. 143–147.
3. Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М. : Прогресс, 1987. 368 с.
4. Графский В. Г. Интегральная (синтезированная) юриспруденция: актуальный и все еще незавершенный проект // Правоведение. 2000. № 4. С. 49–64.
5. Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. М. : АСТ, 2007. 413 с.
6. Смагина М. В. Тематизация социального взаимодействия в парадигме социального конструктивизма : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2007. 30 с.
7. Конструктивизм // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / под ред. И. Т. Касавина. М. : «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2009. С. 373–377.



8. Порус В. Н. От методологического плюрализма к дисциплинарному организму : случай психологии // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2015. Т. 43, № 1. С. 5–18.
9. Полякова Н. Л. Методологический плюрализм и структура социологической теории // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология*. 2015. № 4. С. 50–68. DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2015-0-4-50-68>
10. Поляков А. В. Энциклопедия права или интегральная юриспруденция? // *Энциклопедия правоведения или интегральная юриспруденция? Проблемы изучения и преподавания. Седьмые философские чтения памяти академика В. С. Нерсисянца. Тезисы участников (Москва, 2 октября 2012 г.)*. М. : Норма, 2013. С. 6–9.
11. Честнов И. Л. Перспективы постнеклассической коммуникативной теории права // *Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции. К 60-летию Андрея Васильевича Полякова : в 2 т. Т. 1. Коммуникативная теория права в исследованиях отечественных и зарубежных ученых / под ред. М. В. Антонова, И. Л. Честнова ; предисл. Д. И. Луковской, Е. В. Тимошиной*. СПб. : ИД «Алеф-Пресс», 2014. С. 20–32.
12. Тимошина Е. В. Классическое и постклассическое правопонимание как стили мышления // *Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции. К 60-летию Андрея Васильевича Полякова : в 2 т. Т. 1. Коммуникативная теория права в исследованиях отечественных и зарубежных ученых / под ред. М. В. Антонова, И. Л. Честнова ; предисл. Д. И. Луковской, Е. В. Тимошиной*. СПб. : ИД «Алеф-Пресс», 2014. С. 7–10.
13. Луковская Д. И. Не все слова уже сказаны... (о коммуникативной теории права А. В. Полякова) // *Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции. К 60-летию Андрея Васильевича Полякова : в 2 т. Т. 1. Коммуникативная теория права в исследованиях отечественных и зарубежных ученых / под ред. М. В. Антонова, И. Л. Честнова ; предисл. Д. И. Луковской, Е. В. Тимошиной*. СПб. : ИД «Алеф-Пресс», 2014. С. 63–100.
14. Антонов М. В., Поляков А. В., Честнов И. Л. Коммуникативный подход и российская теория права // *Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание. Избранные труды*. СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2014. С. 549–570.
15. Поляков А. В. Коммуникативная концепция права // *Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание. Избранные труды*. СПб. : ИД «Алеф-Пресс», 2014. С. 7–10.

Образец для цитирования:

Тихонова С. В. Философия права в контексте постнеклассической науки: методологический плюрализм и случай коммуникативной теории права // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право*. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 320–325. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-3-320-325>

Philosophy of Law in the Context of Post-non-classical Science: Methodological Pluralism and the Case of Communicative Theory of Law

S. V. Tikhonova

Sophia V. Tikhonova, <https://orcid.org/0000-0003-2487-3925>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410002, Russia; Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia, segedasv@yandex.ru

Introduction. The article deals with the role of methodological pluralism in the development of the communicative theory of law. The specificity of modern post-non-classical rationality determines the growth of interdisciplinary research, making new demands on the philosophy of law. In this connection, there is a question of the implementation of the principle of methodological pluralism in the communicative legal understanding. **Theoretical analysis.** The author examines the deductive monometological character of classical types of legal understanding, shows the barriers that block methodological pluralism. The communicative theory of law is interpreted as a post-non-classical scientific theory based on an open polylogue with various social theories and focused on the search for an integrative legal understanding. **Empirical analysis.** The author shows the work of the principle of methodological pluralism in the theory of communication as a key source of the communicative theory of law. The researcher analyzes the strategy of detailing the

basic categorical series of communication theory by its disciplinary areas, including the communicative theory of law. **Results.** The author has established the methods of theoretical communication of interdisciplinary fields in the communicative theory of law, the prospects for applying the principle of methodological pluralism in the communicative theory of law, its heuristic potential for answering questions about who creates law, what tools ones uses and what consequences for the social system it leads to.

Keywords: philosophy of law, communicative theory of law, communication theory, methodological pluralism, post-non-classical rationality.

Received: 13.04.2020 / Accepted: 17.05.2020 / Published: 31.08.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Acknowledgements: *This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project “The social construction of historical memory in the digital world” No. 19-011-00265).*

References

1. Stepin V. S. *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical knowledge]. Moscow, Progress-Tradition Publ., 2000. 744 p. (in Russian).



2. Zaloilo M. V., Cherkashina-Shmidt O. V. Integrative legal understanding: A new approach (review of the law section). *Zhurnal Rossiiskogo prava* [Journal of Russian law], 2014, vol. 2, pp. 143–147 (in Russian).
3. Heisenberg V. *Shagi za gorizont* [Steps beyond the horizon]. Moscow, Progress Publ., 1987. 368 p. (in Russian).
4. Grafsky V. G. Integral (synthesized) jurisprudence: an actual and still unfinished project. *Pravovedenie* [Jurisprudence], 2000, vol. 4, pp. 49–64 (in Russian).
5. Feyerabend P. *Protiv metoda. Ocherk anarkhistskoi teorii poznaniya* [Against method. An essay on the anarchist theory of knowledge]. Moscow, AST Publ., 2007. 413 p. (in Russian).
6. Smagina M. V. *Tematizatsiya sotsial'nogo vzaimodeistviya v paradigme sotsial'nogo konstruktivizma* [Thematization of social interaction in the paradigm of social constructivism]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philos.). Ekaterinburg, 2007. 30 p. (in Russian).
7. Constructivism. In: *Encyclopedia of epistemology and philosophy of science* [Encyclopedia of epistemology and philosophy of science. Ed. by I. T. Kasavin]. Moscow, Canon+ Pbl., Reabilitatsiya, 2009, pp. 373–377 (in Russian).
8. Porus V. N. From methodological pluralism to a disciplinary organism: the case of psychology. *Epistemology & Philosophy of Science*, 2015, vol. 43, iss. 1, pp. 5–18 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.5840/eps201543124>
9. Polyakova N. L. Methodological pluralism and structure of sociological theory. *Moscow State University Bulletin. Ser. 18. Sociology and Political Science*, 2015, vol. 4, pp. 50–68 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2015-0-4-50-68>
10. Polyakov A. V. Encyclopedia of law or integral jurisprudence? In: *Entsiklopediya pravovedeniya ili integral'naya iurisprudentsiya? Problemy izucheniya i prepodavaniya. Sed'mye filosofskie chteniya pamiati akademika V. S. Nersesianta. Tezisy uchastnikov (Moskva, 2 oktjabrja 2012 g.)* [Encyclopedia of jurisprudence or integral jurisprudence? Problems of study and teaching. Seventh philosophical readings in memory of academician V. S. Nersesyants. Abstracts of participants (Moscow, October 2, 2012)]. Moscow, Norma Publ., 2013, pp. 6–9 (in Russian).
11. Chestnov I. L. Perspectives of post-non-classical communicative theory of law. In: *Kommunikativnaya teoriya prava i sovremennye problemy iurisprudentsii. K 60-letyju Andreia Vasil'evicha Poliakova: v 2 t.* T. I. *Kommunikativnaia teoriya prava v issledovaniyakh otechestvennykh i zarubezhnykh uchenykh* [Communicative theory of law and modern problems of jurisprudence. To the 60th anniversary of Andrey Polyakov: in 2 vols. Vol. 1. Communicative theory of law in the research of domestic and foreign scientists. Ed. by M. V. Antonov, I. L. Chestnov; introductory article by D. I. Lukovskaya, E. V. Timoshina]. Saint Petersburg, ALEF-Press Publishing house, 2014, pp. 20–32 (in Russian).
12. Timoshina E. V. Classical and post-classical understanding of law as the styles of thinking. In: *Kommunikativnaya teoriya prava i sovremennye problemy iurisprudentsii. K 60-letyju Andreia Vasil'evicha Poliakova: v 2 t.* T. I. *Kommunikativnaia teoriya prava v issledovaniyakh otechestvennykh i zarubezhnykh uchenykh* [Communicative theory of law and modern problems of jurisprudence. To the 60th anniversary of Andrey Polyakov: in 2 vols. Vol. 1. Communicative theory of law in the research of domestic and foreign scientists. Ed. by M. V. Antonov, I. L. Chestnov; introductory article by D. I. Lukovskaya, E. V. Timoshina]. Saint Petersburg, ALEF-Press Publishing house, 2014, pp. 63–100 (in Russian).
13. Lukovskaya D. I. Not all words have already been said... (about the communicative theory of law of A.V. Polyakov). In: *Kommunikativnaya teoriya prava i sovremennye problemy iurisprudentsii. K 60-letyju Andreia Vasil'evicha Poliakova: v 2 t.* T. I. *Kommunikativnaia teoriya prava v issledovaniyakh otechestvennykh i zarubezhnykh uchenykh* [Communicative theory of law and modern problems of jurisprudence. To the 60th anniversary of Andrey Polyakov: in 2 vols. Vol. 1. Communicative theory of law in the research of domestic and foreign scientists. Ed. by M. V. Antonov, I. L. Chestnov; introductory article by D. I. Lukovskaya, E. V. Timoshina]. St. Petersburg, ALEF-Press Publishing house, 2014, pp. 9–19 (in Russian).
14. Antonov M. V., Polyakov A. V., Chestnov I. L. Communicative approach and Russian theory of law. In: *Polyakov A. V. Kommunikativnoe pravoponimanie. Izbrannye trudy*. [Communicative understanding of law. Selected works]. St. Petersburg, ALEF-Press Publishing house, 2014, pp. 549–570 (in Russian).
15. Polyakov A. V. Communicative concept of law. In: *Polyakov A. V. Kommunikativnoe pravoponimanie. Izbrannye trudy*. [Communicative understanding of law. Selected works]. St. Petersburg, ALEF-Press Publishing house, 2014, pp. 7–10 (in Russian).

Cite this article as:

Tikhonova S. V. Philosophy of Law in the Context of Post-non-classical Science: Methodological Pluralism and the Case of Communicative Theory of Law. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 320–325 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-3-320-325>



УДК 340.1

Правовое, социальное и полицейское государство в оценках студентов-юристов

Ф. А. Вестов, О. Ф. Фаст



Вестов Федор Александрович, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного, экологического права и криминологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, vestovfa@mail.ru

Фаст Ольга Федоровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права, Саратовская государственная юридическая академия, fastolga@mail.ru

Введение. В юридической литературе и исследованиях нет существенных различий в понимании правового государства. На основании существующих теорий правового государства современные авторы научных публикаций и учебников составляют перечни признаков «настоящего правового государства», «настоящего социального государства», а также их антипода – «полицейского государства» **Теоретический анализ.** Феномен правового государства существует в нормативно-идеологическом, институциональном и функциональном измерениях. У Российского государства, в силу естественных условий его развития на рубеже минувшего и нынешнего веков, сложился свой специфический институциональный дизайн, не всегда соответствующий тому нормативному образу российской правовой государственности, которая отображена в Конституции РФ. **Эмпирический анализ.** Проведено социологическое исследование среди студентов-юристов, обучающихся по программе бакалавриата (очная и заочная формы). Задачей исследования было установить, как именно студенты, будущие квалифицированные работники правоохранительных структур и структур государственного управления понимают, что такое правовое государство. Всего было привлечено 90 респондентов от 19 лет до 21 года. Им было предложено пять вопросов, касающихся характеристик «правового», «полицейского» и «социального» государств и шаблонные варианты ответов. Из них респонденты могли в свободном режиме и любом количестве выбирать те, которые наиболее соответствуют их пониманию предмета опроса. **Результаты.** Установлено, что студенты-юристы довольно успешно решают задачу различения разных типов государства, однако они не видят того генерального направления, в котором существенное изменение характеристик государства могло бы породить некоторое его принципиально новое качество.

Ключевые слова: правовое государство, социальное государство, полицейское государство, право, институциональное измерение, идеология.

Поступила в редакцию: 27.10.2019 / Принята: 02.03.2020 / Опубликовано: 31.08.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-3-326-332>

Введение

Представления современной отечественной юридической науки о том, что есть «правовое государство» [1], внешне выглядят простыми и законченными. По крайней мере, нам не встречались в публикациях по государствоведческой тематике признания авторов в том, что они в целом либо в какой-то важной части не понимают или недостаточно хорошо понимают, что такое «правовое государство». Есть перечень имен авторитетных зарубежных и российских государствоведов от начала Нового времени до наших дней, которые сформулировали научные определения этого политического и правового феномена. На основании этих разнообразных теорий правового государства современные авторы научных публикаций и учебников составляют перечни признаков «настоящего правового государства», «настоящего социального государства», а также их антипода – «полицейского государства» [2]. Авторы этих признаков, не всегда обращают внимание на то, что отдельные позиции, характеризующие, как они считают, один тип государства, нередко встречаются и в перечнях признаков других типов государств [3]. По отдельности, тем не менее, эти перечни признаков того или иного типа государства выглядят конкретно и непротиворечиво.

Благодаря своему внешнему непротиворечивому виду перечни эти являются для новых поколений российских юристов эффективным руководством к работе их теоретической мысли и практическим усилиям по созданию и укреплению в нашей стране правового государства, по предотвращению его трансформации в «полицейское государство».

Теоретический анализ

К определениям правового государства, созданным классиками правовой мысли в юриспруденции, нередко обращаются представители и других наук – социологи, философы, политологи. Уверенность, с которой они признают авторитет правовой науки в вопросе идентификации «правового», «социального» или «полицейского» государства, и в самих юристов вселяет уверенность, что их знания об этом предмете если не истинны, то очень близки к истине. Тем



студентам, которые изучают историю и теорию государства и права, остается, по логике такого подхода к проблеме идентификации «правового государства, только эту истину усвоить.

У разных групп граждан в современной России существуют разные, в зависимости от их политических и правовых интересов и возможностей, отношения к конституционному и текущему законодательству Российской Федерации [4]. Тем не менее, большинство участников правовой жизни в нашей стране на сегодняшний день объединяет вера в то, что какую бы демократию мы сегодня и завтра в России ни строили, в любом случае первым шагом в этом направлении должно быть создание и упрочение правовой государственности. Поэтому можно резюмировать, что феномен правового государства, прежде всего, воспринимается в нормативно-идеологическом измерении.

Другое измерение правового государства – институциональное. В большей или меньшей мере, но в большинстве стран современного мира это измерение не вполне совпадает с нормативно-идеологическим его восприятием. Где-то здание правовой государственности выстроено последовательно, устойчиво, в максимальном соответствии с теми принципами и нормами государственного строительства, которые прописаны в конституциях. Где-то, как в современной России, институты правового государства существуют как в конституционном правовом поле, так и вне его [5]. Такое отклонение реального процесса государственного строительства от конституционной нормы само по себе не делает современное Российское демократическое государство ни лучше, ни хуже других государств современного мира. В первую очередь, в плане его способности реагировать на внутренние и внешние угрозы, а также с точки зрения потенциала развития и способности решать масштабные социально-экономические задачи.

У Российского государства, в силу естественных условий его развития на рубеже минувшего и нынешнего веков, сложился свой специфический институциональный дизайн [6, 7]. Этот дизайн, может быть, не всегда в целом и в деталях соответствует тому нормативному образу российской правовой государственности, которую закрепляет Конституция РФ. Но он в значительной степени обуславливает правосознание отдельных людей и социальных групп в российском обществе. Этот дизайн достаточно устойчив, и это позволяет говорить о том, что правовое государство в своем институциональном измерении в России сегодня является реальностью.

Самостоятельность и значимость еще одного – функционального измерения, в котором существует правовое государство, сегодня особенно заметны в тех странах, которые переходят от одного политического и правового уклада жизни к другому. Это относится и к современной России. Для такого перехода очень важен конечный положительный результат. По этой причине общества и элиты, занимающиеся строительством правовой государственности, изначально соотнобразуют свои действия с этим ожидаемым результатом. Под него они подстраивают многие нормативные и институциональные параметры этой государственности, например, целенаправленно усиливают влияние силовых структур в системе правовой государственности [8]. Но на первое место по значимости обычно выходят требования к функциональности государственных институтов и правовых норм. Функциональность является во многих случаях ключевым маркером для наделения действующего государства статусом правового государства. Институционально и нормативно оформленное по всем «стандартам», но не функциональное правовое государство в ряде случаев становилось объектом претензий граждан и элит. Они требуют, чтобы в государстве были не только хорошие законы, но чтобы и само государство эти законы использовало в дальнейшем лучше, чем в настоящий момент. Зачастую такие претензии к функциональности правового государства заканчиваются «цветными революциями».

И в уже функционирующем правовом государстве начинаются конституционные реформы, вносятся радикальные изменения в текущее гражданское и уголовное законодательство, а иногда дело доходит и до прямого внеправового насилия. «Цветные революции» (если принимать во внимание не только их технологические аспекты, но также и их идеологические мотивации в гражданском сознании) в минувшие два десятилетия нового века стали популярным инструментом борьбы обществ и элит за усиление неправовыми методами правовых начал в действующих правовых государствах. В отдельных случаях это приводит к формированию авторитарных, полицейских государств, иногда с националистическим окрасом.

Измерения, в которых в современном мире существует правовое государство, разнообразны. Это разнообразие позволяет понять причину, по которой и исторически, и сегодня существуют очень разные представления о нем и о том, в частности, какова должна быть оптимальная стратегия построения правового государства. Благодаря такому разнообразию сегодня в



России структурно целостная и содержательно непротиворечивая (идеальная) программа строительства демократического правового государства, представление о путях и способах такого строительства не складывается не только в сознании большого числа российских граждан [9,10], но и ряда политических сил России.

Эмпирический анализ

Для того чтобы уяснить, каким, возможно, станет правовое государство в будущем, нами с января по июнь 2018 г. было проведено социологическое исследование среди студентов-юристов, обучающихся по программе бакалавров юридического факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского (45 – очной формы, 45 – заочной формы обучения). Задачей исследования было установить, как именно студенты, будущие квалифицированные работники правоохранительных структур и структур государственного управления, понимают, что такое правовое государство. Это те люди, от понимания которыми вопросов теории современного государственного строительства зависит, как эта теория будет работать на прогресс Российского государства. Как отмечает Н. В. Тюменева, «для правовой теории в целом типично конструирование определенных общих правовых моделей (конструкций), которые можно назвать юридическими формулами или формами правового мышления, отраженными и в самом праве. Примером формулы (формы) может служить любой тип правоотношений...» [11, с. 87]. Исходя из этого, мы стремились выяснить, насколько способны будущие юристы понять, в каких случаях имеют дело с государством правовым, а в каких – с неправовым, полицейским государством, например. В круг задач исследования входила и задача выявить, насколько органично в сознании будущих работников правового государства представление о нем сопрягается с представлениями о социальном государстве. Исследование проводилось в режиме экспертного опроса, с учетом того обстоятельства, что к моменту проведения опроса его участники уже освоили базовую программу юриста бакалавра о государстве и, соответственно, обладают необходимым объемом знаний о различных правовых характеристиках государств, в достаточной мере владеют юридической и политической терминологиями. Всего в период исследования нами было привлечено 90 респондентов от 19 лет до 21 года. Из них половина проходит обучение в очной и половина в заочной форме, и прошло достаточно времени, чтобы знания о государстве сформировались.

Респондентам было предложено пять вопросов, касающихся характеристик «правового», «полицейского» и «социального» государств. Чтобы оптимизировать обработку результатов опроса, сделать позиции респондентов более-менее сопоставимыми по содержанию и формулировкам, нами использовались шаблонные варианты ответов. Из них респонденты могли в свободном режиме и любом количестве выбирать те, которые наиболее соответствуют их пониманию предмета опроса.

Результаты опроса выглядят следующим образом. Мы приведем данные, полученные в процессе исследования, на которые указали свыше 10% респондентов. По отдельным аспектам вопроса в отношении конкретного типа государства может быть менее 10%, и не учитывались те, где по всем позициям ответы на все вопросы были менее 10%.

«Государственные политика и управление организованы в соответствии с законами» 48% опрошенных выбрали в качестве характеристики правового государства, 51% – полицейского государства, 46% – современной России, 36% – идеального государства, менее 10% – социального государства.

Такой признак, как «Государственные политика и управление организованы в соответствии с законами, защищающими интересы властвующей элиты», по мнению респондентов, характеризует лишь современную Россию – 23% и идеальное государство – 37%. Признак «Государственные политика и управление организованы в соответствии с законами, защищающими интересы государства и общества» 65% указали как характеристику правового государства, 58% – социального государства, 48% – современной России и идеального государства – 43%. Менее 10% связали с этим проявление полицейского государства. Признак «В деятельности государства социальные интересы доминируют над административными и экономическими интересами» характеризует, по мнению 60% анкетированных, только социальное государство.

«В деятельности государства при помощи законов обеспечивается оптимальный баланс политических, экономических и правовых интересов рядовых граждан и элиты» 74% посчитали это чертой правового государства, 0% – социального государства, 32% – полицейского государства, современного государства – 55%, идеального государства – 42%.

«Деятельность государства организована так, что общество и человек отстранены от власти» характеризует лишь полицейское государство, по мнению 44% респондентов.



«Деятельность государства организована так, что человек в равной мере обладает возможностями участия в общественной жизни и государственном управлении» отвечает понятию правового государства – 68%, 48% – социального государства, 0% – полицейского, современной России – 57%, 62% – идеального государства.

«Деятельность государства организована так, чтобы обеспечить порядок в обществе и государстве и стабильность в их отношениях» характеризует современную Россию, по мнению 34%, и идеальное государство – 50% опрошенных.

«Деятельность государства организована так, чтобы обеспечить максимальную безопасность для граждан от внутренних и внешних угроз» выбрали 58% респондентов как признак правового государства, социального – 29%, 0% – полицейского, современного – 36% и идеального государства – 36%.

«Государственные структуры при помощи законов жестко контролируют политическую и общественную жизнь внутри страны, соотносясь с собственными интересами» характеризует лишь современное государство – 24%.

«Государственные структуры жестко контролируют политическую и общественную жизнь внутри страны, опираясь на поддержку со стороны большинства граждан, но не всегда в соответствии с действующим законодательством» характеризует только идеальное государство – 32%.

«Государственные структуры действуют по закону, но недостаточно жестко контролируют политическую и общественную жизнь страны» – данный признак, по мнению 22% участников опроса, характеризует только современное государство.

«Государство осуществляет детальную регламентацию административного управления и общественной жизни в строгом соответствии с действующими законами и в соответствии с интересами большинства граждан» характеризует правовое государство – 63%, социальное – 33%, полицейское – 23%, современное – 0%, идеальное государство – 47%.

«Государство осуществляет детальную регламентацию административного управления и общественной жизни вопреки законам, но в соответствии с интересами благополучия и безопасности своих граждан» характеризует лишь современное государство – 18%.

«Органами исполнительной власти законы трактуются вольно и в соответствии с интересами большинства граждан, но судебная власть эти вольности элиты и общества ограничивает» – данный признак, по мнению 22% респондентов, соответствует современной России.

«Исполнительная и судебная власть строго следуют “букве закона” даже в том случае, если это противоречит интересам большинства граждан» соответствует полицейскому и современному государству – 24%.

«Исполнительная и судебная власть строго следуют “букве закона” даже в том случае, если это противоречит интересам большинства властной элиты» характеризует полицейское государство – 20%, идеальное – 32%.

«Ограничение гражданских свобод государственными структурами управления имеет место по инициативе государства и в строгом соответствии с действующими законами, но в соответствии с интересами общества и в ответ на требования последнего» 25% респондентов отметили как признак социального государства.

«Ограничение гражданских свобод государственными структурами управления имеет место по инициативе государства и в строгом соответствии с действующими законами, но вопреки общественным интересам» характеризует полицейское государство – 52%.

«Государство не стремится ограничивать гражданские свободы, даже вопреки действующему законодательству» – данный признак 34% считают присущим социальному государству, 22% – идеальному.

«Контроль гражданской оппозиции и оппозиционных СМИ административными и силовыми структурами государства осуществляется вопреки действующему законодательству, но в соответствии с интересами государственной и общественной безопасности» относится к социальному – 31%, 25% – современному и идеальному государству.

«Государство минимизирует контроль гражданской оппозиции и оппозиционных СМИ своими административными и силовыми структурами в соответствии с собственными интересами и действующими законами, но вопреки интересам гражданского общества» – 41% респондентов определили как характеристику полицейского государства.

Результаты

Полученные результаты свидетельствуют о том, что отдельные характеристики, по мнению анкетированных, соответствуют различным типам государств. Это важное обстоятельство, если учесть, что профессионалам с такими представлениями, когда они станут участвовать в строительстве современного Российского государства, придется как-то соотносить свои практические действия с предписаниями Конституции РФ, согласно которым Российская Федерация являет-



ся одновременно и «правовым», и «социальным» государством [3], а также с многократными в последнее десятилетие заявлениями российских политиков самого высокого уровня по поводу того, что нынешнее Российское государство ни при каких условиях не станет государством «полицейским». В выборе оптимального суждения для экспертов, вероятно, формулировки «в строгом соответствии с действующими законами» и «власть строго следует “букве закона”» играли определяющую роль. Причем главным маркером для профессионального сознания наших экспертов здесь, скорее всего, послужило слово «строго». Оно, вероятно, вызвало в их сознании ассоциации с силовыми действиями государства.

Связано это, возможно, с тем, что для современного юриста «право» часто тождественно по смыслу «закону». Если есть в государстве «закон», то должно быть и «право», в этом случае и государство, действия которого основаны на «законе», должно быть определено как государство «правовое». Но в «полицейском» государстве тоже все основано на «законе». Только «закон» этот больше, чем с «правом», связан с интересом определенной властной элиты любыми мерами, вплоть до прямого насилия над согражданами, удержать контроль над институтами государства. Профессиональное сознание наших экспертов, судя по всему, не всегда улавливает этот фактический разрыв между «законом» и «правом». Это разрыв в понятиях и отделяет «правовое» государство от государства «полицейского».

О том, насколько на практике не работает, условно говоря, «матричный» подход к идентификации различных типов государств на основании неких их «признаков», свидетельствуют усилия респондентов идентифицировать на основании указанных признаков тип конкретного государства, а именно Российской Федерации. В свете тех трудностей в работе с «признаками» того или иного типа государства, о которых речь шла выше, результат, в принципе, получился ожидаемым. В том смысле, что опрошенные студенты с разной долей уверенности наделили современное Российское государство характеристиками и «правового», и «социального», и «идеального» государств, но в значительно меньшей степени как «полицейского» государства.

Такой расклад предпочтений будущих юристов свидетельствует, на наш взгляд, о том, что в своей аналитической работе в данном случае они руководствовались в большей мере своим гражданским чувством и гражданским опытом, восприятием повседневной российской реальности, чем некими «матрицами», включающими в себя определенный набор признаков того или иного типа государства.

В пользу правомерности такой трактовки свидетельствует также попытка наших респондентов сконструировать тот «идеальный тип», к которому в своем дальнейшем развитии может и должно будет максимально приблизиться Российское демократическое государство. Следует заметить, что будущее «идеальное» состояние Российского государства у наших экспертов получилось уж очень похожим на то, как они видят и оценивают его нынешнее состояние. С одной стороны, этому можно порадоваться. Будущие профессиональные юристы видят недостатки работающего государственного механизма, но не считают их достаточным основанием, чтобы отказаться от своего участия в работе этого механизма. Они в данном случае занимают, судя по их солидарности с теми или иными суждениями о государстве, достаточно прочную гражданскую позицию. Позицию, которую можно назвать «государственнической».

С другой стороны, в готовности экспертов отождествить нынешнее состояние нашего государства с его ожидаемым будущим состоянием есть, на наш взгляд, определенный негатив. Получается, что те профессиональные юристы, которые призваны обеспечить своими знаниями и трудом прогресс нашего государства, большой заинтересованности в таком прогрессе не проявляют. Точнее сказать, они не видят того генерального направления, в котором существенное изменение характеристик государства могло бы породить некоторое его принципиально новое качество.

Проблема не в том, что юристы сегодня изучают государство настолько неправильно и недостаточно, что не в состоянии четко отличить один его тип от другого или спроектировать некий «идеальный тип». Они, опираясь где-то на свои знания, почерпнутые из учебных дисциплин, а где-то на гражданский опыт и профессиональную интуицию, более-менее успешно решают задачу такого различения. Проблема в том, что их профессиональное сознание нацелено (не без влияния вузовской традиции преподавания теории и истории государства и права) на поиск различий именно в типах государств.

Многих из тех сложностей с пониманием профессиональными юристами того, какое государство следует определять по каким признакам, не было бы, если бы речь шла не о признаках устойчивых типов государств, а о признаках разных стратегий строительства и развития одного и того же государства, реализуемых по очереди или вместе на разных этапах такого развития – стратегий более общих («правовое государство») и стратегий более частных («социальное государство» и «полицейское государство»).



В реальной жизни, как часто бывает с конкурирующими стратегиями, они не обособлены друг от друга, заимствуют друг у друга наиболее важные элементы, на некоторых этапах государственного строительства вообще могут становиться трудно различимыми. А понимание и выбор стратегии, участие в реализации которой может принести максимум пользы обществу и государству, понимание смысловой и структурной сложности этой стратегии в контексте других стратегий государственного строительства – это для современного профессионального юриста важнее, на наш взгляд, чем простое знание им «на память» тех или иных «признаков».

Список литературы

1. Вестов Ф. А., Фаст О. Ф. Некоторые проблемы восприятия правового государства в XXI веке // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 3. С. 342–345. DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-3-342-345
2. Вестов Ф. А., Фаст О. Ф. «Полицейское государство»: проблемы современной теории // Базис. 2019. № 1 (5). С. 37–43.
3. Фаст О. Ф., Вестов Ф. А. Некоторые аспекты признаков авторитарного государства и их восприятие студентами юристами // Право и правоохранительная деятельность в России, странах СНГ и Европейского союза : законодательство и социальная эффективность : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, практических сотрудников, студентов, магистрантов, аспирантов, соискателей. Саратов : Саратовский источник, 2018. С. 128–134.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.
5. Сергеев С. Г. Внеконституционные политические институты : правовое и политологическое измерение // Современное право. 2012. № 1. С. 7–12. URL: <https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view> (дата обращения: 10.01.2019).
6. Зазнаев О. И. Современная дискуссия о лучшей форме правления // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2013. Т. 155, № 1. С. 199–205.
7. Кузнецов И. И. Институциональный дизайн российской власти : влияние внешних факторов становления формы правления // Политическая наука. 2016. Спецвып. С. 227–244.
8. Вестов Ф. А., Фаст О. Ф. Институт правового государства и роль в нем силовых структур // Конституционные проблемы народовластия в современном мире : материалы VI Междунар. форума, посвященного 105-летию СГУ им. Н. Г. Чернышевского (Саратов, 12 декабря 2014 г.) : сб. науч. ст. Вып. 6, ч. 1. Саратов : Саратовский источник, 2015. С. 41–44.
9. Оболонский А. В. Гражданин и государство : новая парадигма взаимоотношений и шаги по ее институционализации // Вопр. государственного и муниципального управления. 2011. № 1. С. 5–16.
10. Отношение граждан Российской Федерации к институту власти // Журнал Центра экспертизы и общественного мониторинга (ЦЕОМ). 17 января 2019. URL: <http://www.ceom.ru/otnoshenie-grazhdan-rossijskoj-federacii-k-institutu-vlasti.html> (дата обращения: 18.01.2019).
11. Тюменева Н. В. Особенности применения универсальных критериев научности в юриспруденции // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 82–88. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-1-82-88>

Образец для цитирования:

Вестов Ф. А., Фаст О. Ф. Правовое, социальное и полицейское государство в оценках студентов-юристов // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 326–332. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-3-326-332>

The Legal State as a Problem of Professional Consciousness of Lawyers

F. A. Vestov, O. F. Fast

Fedor A. Vestov, <https://orcid.org/0000-0003-2833-7927>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, vestovfa@mail.ru

Olga F. Fast, <https://orcid.org/0000-0001-5799-0138>, Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, fastolga@mail.ru

Introduction. There is no sufficient difference in comprehension of the law-governed state in legal literature and research. Focusing on the existing theories of the law-governed state, modern authors of

scientific publications and manuals compose lists of features of the “true law-governed state”, “welfare state” as well as their antipode – “police ridden state”. **Theoretical analysis.** The phenomenon of the law-governed state is existing in the normative ideological, institutional and functional dimensions. Due to the national conditions of development of Russia around the turn of the past and current centuries, a specific institutional design has been formed. Sometimes it does not coincide with the normative character of Russian rule of law depicted in the Constitution of the Russian Federation. **Empirical analysis.** A sociological study was conducted among law students of the undergraduate program (full-time and part-time). The objective of the study was to establish exactly how students, future qualified employees of law enforcement agencies and public administration bodies, understand what the rule of law is. In total, 90 respondents aged 19–21 were involved. They were asked 5 questions regarding the characteristics of



the “legal”, “police” and “social” states and template answers. Of these, respondents could freely and in unlimited number choose ones that are more in line with their understanding of the subject of the survey.

Results. The survey revealed that law students quite successfully solve the problem of distinguishing between different types of states. However, they do not see the general direction in which a significant change in the characteristics of the state could give rise to some of its fundamentally new qualities.

Keywords: law-governed state, welfare state, police ridden state, law, institutional dimension, ideology.

Received: 27.10.2019 / Accepted: 02.03.2020 / Published: 31.08.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Vestov F. A., Fast O. F. Perception of the State Legal Problems in the XXI Century. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2016, vol. 16, iss. 3, pp. 342–345 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2016-16-3-342-345>
2. Vestov F. A., Fast O. F. “Police State”: Problems of the Modern Theory. *Basis*, 2019, no. 1 (5), pp. 37–43 (in Russian).
3. Fast O. F., Vestov F. A. Some aspects of the signs of an authoritarian state and their perception by law students. *Pravo i pravookhranitel'naia deiatel'nost' v Rossii, stranakh SNG i Evropeiskogo soiuza: zakonodatel'nost' i sotsial'naia effektivnost'* [Law and law enforcement in Russia, the CIS countries and the European Union: legislation and social efficiency: Materials of the V Int. sci. and pract. conf.]. Saratov, Saratovskiy istochnik Publ., 2018, pp. 128–134 (in Russian).
4. The Constitution of the Russian Federation (adopted by the popular vote of 12.12.1993) (amended by Federal Constitutional Law 6-FKZ of 30.12.2008, Federal Constitutional Law 7-FKZ of 30.12.2008, Federal Constitutional Law 2-FKZ of 05.02.2014, Federal Constitutional Law 11-FKZ of 21.07.2014). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 31, art. 4398 (in Russian).
5. Sergeev S. G. Extraconstitutional Political Institutions: Legal and Political Science Dimension. *Sovremennoe pravo* (Modern law), 2012, no. 1, pp. 7–12. Available at: <https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view> (accessed 10 January 2019) (in Russian).
6. Zaznaev O. I. A Modern Discussion about the Best Form of Government. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki* [Proceedings of Kazan University. Humanities Series], 2013, vol. 155, no. 1, pp. 199–205 (in Russian).
7. Kuznetsov I. I. Institutional design of Russian authority: The impact of external factors on the formation of government. *Political Science*, 2016, Special iss., pp. 227–244 (in Russian).
8. Vestov F. A. Institution of the rule of law and the role of power structures in it. *Konstitutsionnye problem narodovlastiya v sovremennoy mire* [Constitutional problems of democracy in the modern world: Proceedings of the VI Int. forum dedicated to the 105th anniversary of the SSU. N. G. Chernyshevsky (Saratov, December 12, 2014). Collection of scientific articles. Vol. 6, pt. 1. Saratov, Saratovskiy istochnik Publ., 2015, pp. 41–44 (in Russian).
9. Obolonsky A.V. Citizen and state: a new paradigm of relations and steps for its institutionalization. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* [Questions of state and municipal management], 2011, no. 1, pp. 5–16 (in Russian).
10. Attitude of citizens of the Russian Federation to the institution of power. *Zhurnal Tsentra ekspertizy i obshchestvennogo monitoringa* (Journal of the Center for expertise and public monitoring (CEOM)). January 17, 2019. Available at: <http://www.ceom.ru/otnosheniye-grazhdan-rossijskoj-federacii-k-institutu-vlasti.html> (accessed 18 January 2019) (in Russian).
11. Tumeneva N. V. Features of the Application of the Universal Criteria of Science in Law. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 82–88 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-1-82-88>

Cite this article as:

Vestov F. A., Fast O. F. The Legal State as a Problem of Professional Consciousness of Lawyers. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 326–332 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-3-326-332>



УДК 340.13+342.7

Информационно-коммуникативная культура как условие реализации некоторых прав граждан (на примере процессуального законодательства)



Е. Н. Тогузаева

Тогузаева Екатерина Николаевна, заведующий кафедрой гражданского права и процесса, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, belana1@yandex.ru

Введение. Статья посвящена анализу значимости уровня развития информационно-коммуникативной культуры граждан для реализации их прав в судебном процессе. Охватившие мир интернетизация и цифровизация заставляют по-новому взглянуть на необходимость осмысления уровня сформированности информационно-коммуникативной культуры при правотворческом процессе. **Теоретический анализ.** Проанализирована зависимость реализации некоторых прав граждан от уровня сформированности информационно-коммуникативной культуры граждан и общества в целом. Рассматривается неоднозначность предположения высокого уровня правовой и информационно-коммуникативной культуры при правотворческом процессе, что может в дальнейшем стать препятствием для реализации прав граждан. **Результаты.** Автор отмечает, что сокращение устности при происходящих процессах информатизации и интернетизации не должно априори вести к признанию высокого уровня сформированности информационно-коммуникативной культуры граждан, над этим процессом необходимо системно и планомерно работать. Представляется нелогичным предполагать зависимость успешной реализации некоторых норм от наличия определенной уровня правовой и информационно-коммуникативной культуры у гражданина.

Ключевые слова: информационно-коммуникативная культура, ограничения прав, процессуальные права, правотворчество.

Поступила в редакцию: 20.04.2020 / Принята: 17.05.2020 / Опубликовано: 31.08.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-3-333-338>

Введение

Возникновение и массовое распространение глобальных информационно-компьютерных технологий превратило общество в систему коммуникаций значительно более высокого уровня организации и производства, чем когда-либо ранее в истории. Интернетизация, охватившая в России более 70% населения, позволила государству посредством сети Интернет реализовывать свои основные задачи и функции, осуществлять правовое информирование, правовое просве-

щение, влиять на уровень информационной грамотности населения и на коммуникационные возможности. Многие новые государственные внедрения и правотворческие новеллы требуют обратной диалоговой связи от граждан (например, в полную силу заработал созданный несколько лет назад портал федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», на сайтах практически всех органов публичной власти открылись онлайн-приемные, появилась беспрецедентная возможность проводить публичные слушания, обсуждать законопроекты и учитывать общественное мнение с помощью онлайн-технологий).

Децентрализованная природа Интернета позволяет моделировать новые траектории взаимодействия власти и общества. Однако в любой модели обязательным является наличие обратной связи. Обратная рефлексивная деятельность от граждан и способность к такой рефлексии является в том числе индикатором развития информационно-коммуникативной культуры отдельного гражданина, социальной группы и общества в целом. Повышение информационно-коммуникативной культуры должно идти в фарватере модернизации и информатизации общества. Если информационно-коммуникативная культура граждан останется на прежнем уровне, то конструктивного диалога с властью не получится, а все усилия по информатизации общественной жизни окажутся бессмысленными.

Формирование информационно-коммуникативной культуры общества в целом должно быть целенаправленным и последовательным, упорядоченным и системным, поскольку необходимо учитывать дальнейшие масштабы влияния информационно-коммуникативной культуры: от возможностей перестраивать характер коммуникаций до изменений мировоззренческих установок, моделей формирования правомерного поведения, поэтому изучение информационно-коммуникативной культуры граждан и общества в рамках правового поля и регулятивного воздействия права остается, на наш взгляд, сегодня актуальным и необходимым.



Теоретический анализ

В настоящее время, внедряя новые нормы права, следует помнить не только о юридическом механизме действия права, но и о социальном, что способствует снижению конфликтности в обществе. Также важно детерминировать уровень сформированности информационно-коммуникативной культуры личности, претерпевающей значительные изменения в эпоху цифровизации и стремительного развития информационной индустрии, именно развитие уровня информационно-коммуникативной культуры позволит обеспечить нужный уровень ответной рефлексивной деятельности и информационного обмена. Так, например, отсутствие должного уровня сформированности правовой и информационно-коммуникативной культуры в период десятилетней давности, когда принимался Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [1], стало одним из факторов, повлиявших на то, что указанный правовой акт «не прижился» в российской действительности и не заработал в полную силу. Конечно, причин тому было несколько, но немаловажным стало и то, что граждане были не готовы эффективно использовать механизм медиации, предполагающий определенный уровень правосознания не только медиатора, но и спорящих сторон. Кроме того, многие авторы отмечают опасную тенденцию современности – поиск новых идей, установление возможностей, не характерных для российской юриспруденции, отмечая их как неблагоприятные проявления глобализации на развитие фундаментальной юридической науки [2, с. 144; 3].

Очевидно, что для полноценного и легального использования информационно-коммуникативных возможностей современного общества необходим соответствующий уровень развития информационно-коммуникативной культуры общества. Рассмотрим это на примере ограничения процессуальных прав.

Свобода мысли и слова, выражения своего мнения гарантируются Конституцией РФ, однако они не являются безграничными, так как могут носить и дестабилизирующий характер, поэтому как на национальном, так и на международном уровнях имеются нормы, призванные ограничить всевозможные злоупотребления в данной сфере. Так, к примеру, на международно-правовом уровне подобные ограничения злоупотребления свободой слова, информации, выражения своего мнения можно встретить в нормах Международного пакта о гражданских и политических правах, в ст. 29 Всеобщей декларации прав чело-

века, а также п. 2 ст. 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, где более развернуто установлен перечень возможных ограничений, в том числе и для обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.

Статья 55 Конституции РФ закрепляет возможность ограничения прав и свобод федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства [4]. В юридической литературе и научной дискуссии можно встретить и более расширенное толкование данной нормы.

Анализируя конституционные положения, В. Н. Лопатин среди оснований ограничения информационных прав граждан предлагает выделять следующие: защита основ конституционного строя; защита нравственности, здоровья, прав, законных интересов других лиц; обеспечение обороны страны и безопасности государства; обеспечение общественного спокойствия в целях предотвращения беспорядков и борьбы с преступностью; предотвращение разглашения конфиденциальной информации; обеспечение авторитета и беспристрастности правосудия; условия чрезвычайного положения [5, с. 432].

Такое толкование значительно расширяет понимание ст. 55 Конституции РФ, что, на наш взгляд, не совсем оправданно в том числе в целях обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.

Право, являясь первичным инструментом защиты личности от произвола органов власти, ограничивается только в исключительных случаях. Исключительный характер правовых ограничений подчеркивает и профессор А. В. Малько, отмечая превентивные цели правовых ограничений, он указывает, что предназначение правовых ограничений – «прежде всего не ущемить, а сузить свободу и сдержать реализацию антиобщественных интересов личности», правовые ограничения есть установленные в праве границы, в пределах которых субъекты должны действовать, исключение определенных возможностей в деятельности лиц [6, с. 240]. Однако превентивными мерами не исключаются другие цели введения ограничений. Так, на наш взгляд, ограничения могут вводиться и не с целью превенции, а с целью подчеркнуть значимость лица и выравнить его положение наряду с другими субъектами правоотношений. Над подобной целью следует задуматься в контексте тех изменений законодательства, о которых пойдет речь ниже.



С 1 октября 2019 г. вступили в законную силу изменения в действующее процессуальное законодательство, так называемая «процессуальная революция» обнажила и некоторые новые ограничения прав участников судебного процесса. Одним из новых видов ограничений прав участников судебного разбирательства стало ограничение выступлений.

Согласно ст. 159 ГПК РФ, теперь председательствующий в судебном заседании вправе ограничить от имени суда выступление участника судебного разбирательства. Это допустимо в том случае, если участник судебного разбирательства самовольно нарушает последовательность выступлений, дважды не исполняет требования председательствующего, допускает грубые выражения или оскорбительные высказывания либо призывает к осуществлению действий, преследуемых в соответствии с законом. Если на счет последних двух оснований особых вопросов не возникает, то первые два однозначного понимания не вызывают. В чем еще может проявиться самовольное нарушение последовательности выступлений, кроме недозволенных выкриков: в заявлении ходатайства на любой стадии судебного разбирательства, отвода? Может ли суд ограничить в выступлении участника судебного разбирательства в том случае, если он несколько раз заявляет ходатайство о назначении экспертизы, а суд считает это злоупотреблением правом? Обращает на себя внимание формулировка ч. 2 ст. 159 ГПК РФ: «Лица, нарушающие порядок в судебном заседании или не подчиняющиеся законным распоряжениям председательствующего, после предупреждения могут быть удалены из зала судебного заседания на все время судебного заседания либо на его часть» [7]. Возникают логичные вопросы: можно ли не подчиняться незаконным распоряжениям председательствующего? если стороны убеждены в незаконности распоряжений председательствующего, имеют ли они право не подчиняться? Учитывая, что в судах общей юрисдикции, в отличие от арбитражных, граждане чаще сами отстаивают свои права и интересы, зачастую не прибегая к помощи профессиональных представителей, возникает вопрос о том, как человеку без высшего юридического образования оценить степень законности распоряжений председательствующего в целом?

О важности соблюдения законных распоряжений председательствующего говорит и ч. 4 ст. 154 АПК РФ. Согласно ст. 154 АПК РФ, председательствующий в судебном заседании вправе ограничить от имени суда выступление

участника судебного разбирательства, если тот самовольно нарушает последовательность выступлений, дважды не исполняет требования председательствующего, допускает грубые выражения или оскорбительные высказывания либо призывает к осуществлению действий, преследуемых в соответствии с законом [8].

Совершенно очевидно, что одной из целей законодателя была унификация процессуального законодательства, достижение единообразия процессуального законодательства, регулирующего рассмотрение судами общей юрисдикции и арбитражными судами гражданских и административных дел. С учетом действующей подобной нормы в КАС РФ такие конструкции мер процессуального принуждения появились и в АПК РФ, и в ГПК РФ. Успешная реализация вышеуказанных норм предполагает наличие определенного уровня правовой и информационно-коммуникативной культуры у гражданина.

Считаем, недалеким было бы пророчить данным нормам об ограничении выступлений участникам судебного разбирательства стабильность и «живучесть», если не предпринимать системную работу по повышению правовой и информационно-коммуникативной культуры граждан; отсутствие последних принесет, наоборот, дестабилизирующую волну недовольства участников судебного разбирательства и общественности в целом. В таких нововведениях наличие определенного уровня правовой культуры и информационно-коммуникативной культуры становятся обязательным условием реализации закрепленных прав граждан. И даже если предположить, что такие нововведения имеют целью укрепление авторитета государственной власти, то возыметь положительный эффект они могут лишь в том случае, когда участники судебного процесса будут носителями указанной культуры, причем уровня выше среднего (если делить сформированные уровни на низкий, средний и высокий).

Считаем возможным подчеркнуть и выделить несколько пунктов, которые вселяют беспокойство ввиду появления нового правового ограничения в цивилистическом процессе.

1. Если указанное выше нововведение было продиктовано целями процессуальной экономии, то нельзя допустить, чтобы данный принцип стал приоритетнее принципа состязательности.

2. Очень размыты границы дозволенного поведения участников судебного разбирательства, что в последующем спровоцирует нарушение полноценной реализации их права на судебную защиту.



3. Отсутствуют четкие критерии дифференциации оснований для ограничения выступлений участника процесса, наличие неопределенности в норме права дает благодатную почву для применения судебного усмотрения, что считается одним из коррупциогенных факторов.

4. Угрозообразующим фактором видится усечение в данном случае принципа устности (ввиду ограниченности выступлений участников), одного из основополагающих принципов гражданского процесса, что видится опасной тенденцией. Усечение потенциала устности обязывает развивать другие возможности донесения нужной информации.

5. Открывается возможность для неосновательного злоупотребления правом судом.

Учитывая, что на сегодняшний день особую озабоченность вызывает проблема формирования правовой культуры общества, нельзя вводить норму, изначально предполагающую ее высокий уровень и требующую от субъектов, ее исполняющих, самого грамотного исполнения.

В какой-то мере появление подобных полномочий можно оправдать в административном судопроизводстве, поскольку «лишь в административном судопроизводстве активность суда получила статус основного принципиального положения. Причина этому кроется в специфике публичных правоотношений, обуславливающих необходимость поддержания балласта в процессуальных правах и обязанностях изначально неравных сторон, при условии не связанности суда их доводами... На объем активности суда, безусловно, повлияло введение мер процессуального принуждения, которые в ГПК РФ отсутствовали» [9, с. 109–110].

Повышенного уровня организованности и правовой культуры требует и ряд других процессуальных новелл. Так, например, теперь истец при подаче иска в суд должен сам направлять его копии сторонам и представлять суду доказательства такого направления (в том числе и при подаче иска в электронной форме), а не представлять копии иска в суд (ст. 132 ГПК РФ); к апелляционной жалобе необходимо приложить документы, подтверждающие ее направление или вручение другим лицам, в том числе даже если подается в электронной форме через сайт суда (ст. 322 ГПК РФ), при этом сокращение претерпели некоторые сроки реализации прав (ст. 376.1 ГПК РФ) [7].

Упрощение некоторых ординарных процедур, тем не менее, не повлекло упрощения

требований к обязанностям истца, заявителя, а, наоборот, требует от них наличия высокого уровня правовой культуры и владения информационно-коммуникативными навыками.

Результаты

Уже сейчас глобальная интернетизация и компьютеризация стали залогом того, что гражданин считается обладающим определенным сформированным уровнем информационно-коммуникативной культуры, новые нормы права создаются, предполагая соответствующие требования к гражданам и отдельным социальным группам.

Исследование в настоящее время готовности социальной среды к принятию тех или иных мер повышения информационно-коммуникативной культуры населения, в том числе и с помощью правовых регуляторов, должно сформировать новые подходы в правотворческой деятельности, сосредоточив внимание на важности соблюдения не только требований социальной обусловленности закона, юридической техники, но и учета уровня развития правовой культуры и информационно-коммуникативных возможностей общества, что позволит говорить о максимальной эффективности реализации прав.

Информационно-коммуникативные детерминанты вектора развития информационного общества опережают правотворческий процесс, однако, признавая необходимость реализации права только в условиях сформированности должного уровня правовой культуры и информационно-коммуникативной грамотности, необходимо говорить о системных условиях обеспечения права на сформированность такого уровня культуры.

Глубокие трансформации, связанные с развитием ИКТ, позволяют обеспечивать полицентричные информационно-коммуникативные связи. Однако только информированный субъект способен эффективно взаимодействовать в правоотношениях с органами публичной власти, в настоящее время он априори признается обладающим соответствующим уровнем развития культуры.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект «Правовая основа становления, развития информационно-коммуникативной культуры населения и пути ее повышения в эпоху цифровизации» № 20-011-00211).



Список литературы

1. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : федер. закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 31, ст. 4162.
2. Дураев Т. А., Тюменева Н. В. Влияние глобализации на государственно-правовую систему России // Вестн. Саратов. гос. юрид. акад. 2015. № 3 (104). С. 142–145.
3. Власенко Н. А. Кризис права : проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. 2013. № 8. С. 43–54.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.
5. Лопатин В. Н. Право на информацию // Бачило И. Л., Лопатин В. Н., Федотов М. А. Информационное право : учебник / под ред. Б. Н. Топорнина. СПб. : Юридический центр Пресс, 2001. 789 с.
6. Малько А. В. Ограничения в праве : проблемы теории, практики, политики // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 238–248.
7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46, ст. 4532.
8. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30, ст. 3012.
9. Голодина А. В. Проблема реализации полномочий суда в административном судопроизводстве // Проблемы судопроизводства в суде первой инстанции по гражданским, арбитражным и административным делам : сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., СПб. : ИД «Петрополис», 2019. С. 109–114.

Образец для цитирования:

Тогузаева Е. Н. Информационно-коммуникативная культура как условие реализации некоторых прав граждан (на примере процессуального законодательства) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 333–338. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-3-333-338>

Information and Communication Culture as a Condition for the Realization of Some Rights of Citizens (the Case Study of Procedural Legislation)

E. N. Toguzaeva

Ekaterina N. Toguzaeva, <https://orcid.org/0000-0003-4462-677X>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, belana1@yandex.ru

Introduction. The article is devoted to the analysis of the significance of the level of development of information and communication culture of citizens for the exercise of their rights in the trial. The internetization and digitalization that have taken over the world make us take a fresh look at the need to comprehend the level of formation of the information and communication culture in the law-making process. **Theoretical analysis.** The dependence of the realization of certain rights of citizens on the level of formation of the information and communication culture of citizens and society as a whole is analyzed. The ambiguity of the assumption of a high level of legal and information and communication culture in the law-making process is considered, which may further become an obstacle to the realization of citizens' rights. **Results.** The author notes that the reduction of orality in the ongoing processes of informatization and internetization should not a priori lead to the recognition of a high level of formation of the information and communication culture of citizens, it is necessary to work systematically on this process. It seems illogical to assume the dependence of the successful implementation of certain norms on the existence of a certain level of legal, information and communication culture of a citizen.

Keywords: information and communication culture, restrictions on rights, procedural rights, law-making.

Received: 20.04.2020 / Accepted: 17.05.2020 / Published: 31.08.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Acknowledgements: *This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project "The legal basis for the formation, development of the information and communication culture of the population and ways to increase it in the digitalization era" No. 20-011-00211).*

References

1. On an alternative dispute resolution procedure with the participation of a mediator (mediation procedure). The Law of the Russian Federation 193-FZ of 27.07.2010 (an edition of 26.07.2019). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2010, no. 31, art. 4162 (in Russian).
2. Duraev T. A., Tyumeneva N. V. The impact of globalization on state and legal system of Russia. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii* [Saratov State Law Academy Bulletin], 2015, no. 3 (104), pp. 142–145 (in Russian).
3. Vlasenko N. A. Crisis of law: problems and approaches to solving. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2013, no. 8, pp. 43–54 (in Russian).



4. The Constitution of the Russian Federation (adopted by the popular vote of 12.12.1993) (amended by Federal Constitutional Law 6-FKZ of 30.12.2008, Federal Constitutional Law 7-FKZ of 30.12.2008, Federal Constitutional Law 2-FKZ of 05.02.2014, Federal Constitutional Law 11-FKZ of 21.07.2014). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 31, art. 4398 (in Russian).
5. Lopatin V. N. Right to Information. In: *Bachilo I. L., Lopatin V. N., Fedotov M. A. Informatsionnoe pravo* [Information Law. Ed. by B. N. Topornin]. St. Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press, 2001. 789 p. (in Russian).
6. Mal'ko A. V. Limitations in law: Problems of theory, practice, politics. *Juridical Techniques*, 2018, no. 12, pp. 238–248 (in Russian).
7. Civil Procedural Code of the Russian Federation 138-FZ of 14.11.2002 (an edition of 02.12.2019). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2002, no. 46, art. 4532 (in Russian).
8. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation 95-FZ of 24.07.2002 (an edition of 02.12.2019). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2002, no. 30, art. 3012 (in Russian).
9. Golodina A. V. The problem of exercising the powers of the court in administrative proceedings. In: *Problemy sudoproizvodstva v sude pervoi instantsii po grazhdanskim, arbitrazhnym i administrativnym delam* / [Problems of legal proceedings in the court of first instance in civil, arbitration and administrative cases. Collection of articles]. St. Petersburg, Petropolis Publishing house, 2019, pp. 109–114 (in Russian).

Cite this article as:

Toguzaeva E. N. Information and Communication Culture as a Condition for the Realization of Some Rights of Citizens (the Case Study of Procedural Legislation). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 333–338 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-3-333-338>



УДК 378.14

Стратегия развития информационного общества и информационно-коммуникативной культуры в Российской Федерации



Н. В. Тюменева

Тюменева Наталия Владимировна, заведующий кафедрой теории государства и права, кандидат юридических наук, доцент, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, tumeneva82@mail.ru

Введение. Интернет-технологии на рубеже XX–XXI вв. коренным образом воздействовали на все сферы общественной жизни, привели к революционному скачку в развитии российской цивилизации. Постиндустриальное общество перешло в качественно новое состояние – информационное общество, которое характеризуется увеличением удельного веса интеллектуального труда, ростом объема научного знания и информации, которые используются в производстве; переходом экономических и социальных функций капитала к информации, которая приобретает многофункциональное значение, становясь продуктом производства, стратегическим ресурсом, объектом коммуникаций и проч. **Теоретический анализ.** Одновременно с развитием информационного общества формируется и его духовное ядро – специфическая информационно-коммуникативная культура, вбирающая в себя опыт, нормы и практики, идеологии, ценности пользователей сети. Государство, как участник интернет-пространства и центральный субъект информационного обмена, не может стоять в стороне от происходящих процессов и формулирования стратегических ориентиров развития информационного общества. **Эмпирический анализ.** Политически значимым решением России был переход к информационному обществу, который обеспечивается на основе правовых актов стратегического значения. Правовой базис формирования и развития информационного общества был подготовлен в Стратегии его развития, принятой в 2008 г., а также в Стратегии развития информационного общества в России с 2017 по 2030 г. Оба документа направлены на повышение уровня благосостояния населения, развитие интернет-индустрии, повышение качества государственных услуг, предоставляемых посредством электронных технологий, а также переориентацию социально-экономической сферы. Меры для этого, обозначенные в Стратегии 2017–2030, должны найти конкретизацию на уровне отраслевого и подзаконного законодательства. **Результаты.** В результате проведенного исследования автор приходит к выводу о необходимости государственного управления информационным обществом на основе документов стратегического планирования.

Ключевые слова: информационная политика, правовое регулирование Интернета, информационное общество, информационно-коммуникативная культура.

Поступила в редакцию: 20.05.2020 / Принята: 25.05.2020 / Опубликовано: 31.08.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-3-339-345>

Введение

Существование современного мира невозможно представить себе без сети Интернет, интернет-коммуникаций, медиа-сферы. Интернет стал новой средой обитания, в которую «перекочевала» значительная часть общественных отношений. Разноплановые, разнонаправленные процессы, участниками которых становятся пользователи сети, создают особый культурный пласт существования информационного общества. Движущей силой информационного общества является информационный обмен во всех сферах собственной жизнедеятельности. Это не раз подчеркивалось руководством страны. Так, в мае 2020 г. Президент РФ отметил, что будущее российской цивилизации зависит от успеха в развитии высоких технологий [1].

Государство, как самый мощный производитель массовой информации, должно не только обеспечить информационную безопасность и возможность беспрепятственного и оперативного получения, использования, обмена, хранения информации пользователями сети, но и установить требования к ее качеству. Именно на государстве лежит ответственность за разработку ориентиров духовного развития информационного общества, именно оно обладает наиболее развитой системой институтов, стремящихся утвердить единые для общества нормы информационных обменов [2, с. 206–207].

От политики государства в информационной сфере во многом зависит уровень информационно-коммуникативной культуры информационного общества. «Окультуривая» интернет-пространство с помощью государственно-правовых механизмов, государство предупреждает трансформацию интернет-среды, перерождение ее в непредсказуемые и асоциальные формы. В современных условиях развития цифровых технологий общественность нуждается в глубоких научных теориях, которые впоследствии станут основой для совершенствования правового регулирования интернет-сферы [3, с. 141]. Эту задачу необходимо уже сегодня решать юридической и политической наукам.

Интернет радикально изменил культуру коммуникаций, и для формирования и поддержания интернет-порядка в сети необходимы адекватные



правовые регуляторы, механизмы, которые следует формировать с помощью государственного управления и национального законодательства. Это непереносимое условие для того, чтобы виртуальное пространство было легальным, контролируемым, находящимся в правовом поле, а общение между пользователями сети было упорядоченным и правомерным.

Теоретический анализ

Изначально виртуальное пространство возникло и формировалось как сфера, свободная от официальной идеологии, императивов, бюрократических установок и запретов. Интернет-пространство позиционировалось как сфера, в которой каждый человек может неограниченно высказывать свое мнение, суждение, давать оценки чему-либо и кому-либо, причем в любой форме, в какой позволяет ему воспитание и образование. Повышение интереса к сети Интернет и массовое его распространение обусловили формирование определенных мировоззренческих ориентиров, ценностных установок, этических норм, практик и опыта коммуникаций и проч. Массовое распространение Интернета, повышение роли информации, увеличение технической оснащенности, ежегодное увеличение количества пользователей сети (например, в начале 2020 г. оно уже составило 5,11 млрд чел. [4]) обусловили качественно новое состояние общества. Оно стало цифровым.

Вместе с тем долгое время сохранялась бесконтрольность обращения с информацией в сети. В частности, имело место деструктивное влияние на мировоззрение пользователей. Отсутствие пропаганды традиционных ценностей способствовало искажению идеологических установок, привело к увеличению объемов интернет-субкультур, многие из которых являются преступными и пропагандируют антигуманные идеи, призывают к экстремизму, терроризму.

До недавнего времени интернет-пространство оставалось нерегулируемой сферой, а точнее – саморегулируемой, в которой пользователи взаимодействуют на основе собственных представлений о добре и зле, руководствуясь собственной системой ценностей, морально-нравственных, этических и проч. Идея минимизации роли государства, его невмешательства в коммуникационные взаимодействия пользователей сети привели к тому, что общественные процессы стали развиваться хаотично, утратили целенаправленность, а это с неизбежностью повлекло за собой цепную реакцию государственного и правового нигилизма, дерегулированность, раскоординированность государственных механизмов и структур.

Неконтролируемый Интернет создавал риск роста уровня преступности, с одной стороны, а с другой – тормозил правомерные процессы, связанные с развитием экономической, финансовой, социальной и прочих сфер. Необходимость государственно-правового воздействия на интернет-коммуникации, а также повышение эффективности государственного управления социально-экономическими процессами ускорили переход к информационному обществу.

В России предпосылки для этого сложились к началу XXI в. Государственное управление современной России встало перед необходимостью своей модернизации на основе информационно-коммуникативных технологий, разработки инновационных технологий управления государственными информационными ресурсами и развития информационной деятельности как постоянной функции государства.

Эмпирический анализ

Нормативной основой перехода к информационному обществу в России стала Доктрина информационной безопасности 9 сентября 2000 г. [5], в которой было закреплено, что информационная составляющая входит в сферу государственных интересов. При этом отмечалось отсутствие четкой государственной политики по формированию российского информационного пространства. Фактически это ознаменовало широкое применение правовых механизмов для регулирования интернет-коммуникаций информационного общества [6, с. 35].

Документ стратегического значения был разработан и принят в феврале 2008 г. Им стала «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации» (далее – Стратегия-2008) [7], обозначившая курс на формирование информационного общества, приоритетными направлениями которого провозглашались «повышение благосостояния, качества жизни и работы граждан, улучшение доступности и качества государственных услуг, повышение степени информированности и цифровой грамотности, развитие экономического потенциала страны с использованием современных информационных, телекоммуникационных и цифровых технологий».

Исходя из анализа Стратегии-2008, информационное общество должно стать основой реформирования, модернизации экономики и общественных отношений. Условием существования информационного общества был назван высокий уровень развития информационных и телекоммуникационных технологий и их интенсивное использование гражданами, бизнесом



и органами государственной власти. Это ставило перед государством задачу развития информационно-коммуникационной инфраструктуры, обслуживающей функционирование электронной коммерции, электронного государства, всей социальной сферы (образования, науки, здравоохранения и т. д.). Ее достижению способствовали создание единого информационного пространства; переход к цифровой экономике; внедрение информационно-коммуникативных технологий в государственное управление; доступность интернет-технологий, информационных ресурсов для населения и преодоление цифрового неравенства; повышение качества работы социальной сферы (здравоохранения, обслуживания, транспорта и т. п.) на основе применения информационно-коммуникационных технологий; обеспечение электронного правопорядка и противодействие преступности в сети Интернет.

Важный шаг на пути к информатизации и реализации целей Стратегии-2008 был сделан в связи с принятием в 2009 г. Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [8]. Результатом реализации его положений стало создание единого информационного пространства, в котором размещается официальная информация государственных органов и органов местного самоуправления. Важными требованиями к размещаемой информации являются ее достоверность, открытость, полнота. В политическом плане реализация этого Закона повысила информированность населения о принимаемых публичной властью решениях, способствовала активизации участия граждан в управлении делами государства, обеспечила рост их правовой просвещенности и повышения уровня правовой культуры.

В 2016 г. была начата разработка новой Стратегии развития информационного общества на 2017–2030 гг. (далее – Стратегия), которая была принята в 2017 г. [9]. По мнению авторов, Стратегия-2008 устарела. В отличие от предыдущих документов, примечательно то, что в действующей Стратегии сформулировано определение информационного общества – общества, в котором информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан. Кроме того, целью Стратегии является формирование в Российской Федерации общества знания – общества, в котором преобладающее значение для развития гражданина, экономики и государства имеют получение, сохранение, производство и распространение

достоверной информации с учетом стратегических национальных приоритетов Российской Федерации.

Очевидно, что информационное общество и общество знаний не являются тождественными: второе выступает целью первого. Иными словами, общество знаний – это общество более высокого уровня развития, чем информационное. Критерием их разграничения является качество информации. Так, информационное общество основано на достижениях информационных технологий, тогда как общество знаний подразумевает более широкие социальные, политические, этические параметры.

Как отмечают Н. П. Лукина и Н. Н. Самохина, «в рамках концепции общества знания были сформулированы следующие приоритеты: более справедливая оценка существующих знаний для борьбы с цифровым, когнитивным и лингвистическим расколом, сформировавшимся в информационном обществе; более широкое участие заинтересованных лиц в решении вопроса равного доступа к знаниям; более успешная интеграция политических действий в области знания» [10, с. 22]. Таким образом, для концепции общества знания ключевым параметром является качество информации – она должна быть достоверной. В этой связи приоритетным становится не организация свободной передачи информации и гарантированность каждому индивиду права на доступ к информации, а предоставление возможности проверять эту информацию на достоверность, сопоставлять ее с иными видами информации, оценивать и осмысливать ее, используя общенаучную методологию, в целях создания и воспроизводства.

Для повышения достоверности информации в сети государство предпринимает разнообразные шаги, прежде всего усиливает контроль за источником информации. Так, в ст. 23 Стратегии закреплено, что государство берет на себя создание условий для формирования пространства знаний и предоставление доступа к нему. Это выразилось в попытке создания локального Интернета, так называемой суверенизации Интернета, которая заключается в ограничении вмешательства других государств в российское интернет-пространство, а также запрете несанкционированного доступа российских пользователей к закрытым сайтам, блокировка и удаление запрещенной информации, а также интернет-ресурсов, нарушающих российское законодательство. Государство сформировало Единый реестр запрещенных сайтов [11], в который может попасть сайт, содержащий информацию о способах совершения суицида, получении нарко-



тиков, психотропных веществ и их прекурсоров, о детской порнографии и проч., антисоциальную и преступную информацию.

Меры по повышению качества размещаемой информации в сети, принятые государством, свидетельствуют о том, что право ее оценки на достоверность государство оставляет за собой. Думается, что избранные государством прямые запреты, ужесточение контроля за контентом едва ли улучшат ситуацию с общим низким уровнем правосознания населения. Полагаем, что эти меры не вполне соответствуют целям Стратегии, в частности, обеспечению прав граждан на доступ к информации; свободе выбора средств получения знаний при работе с информацией.

Стратегия подразумевает синхронное развитие информационного общества и государства. Так, в условиях массового внедрения информационных технологий государство тоже становится информационным, т.е. высокотехнологичным. Это выражается, прежде всего, в том, что социально ориентированное государство стремится повышать свою эффективность. В частности, в настоящее время государство обеспечило качественное оперативное предоставление практически всех государственных услуг населению через интернет-портал «Госуслуги»; активно внедряется электронный документооборот между государственными органами; начинается процесс формирования электронного правительства.

Вместе с тем для значительной части населения, не обладающей достаточным уровнем компьютерной грамотности, информатизация общества создает проблемы, затрудняет реализацию прав и защиту законных интересов [12, с. 112]. Особенно остро эта проблема стоит в регионах, недооснащенных электронными средствами коммуникации, что обуславливает цифровое неравенство на уровне субъектов. Низкий качественный уровень коммуникации между властью и обществом, в том числе и по технологическим причинам, является одной из ключевых проблем реализации государственной политики в сфере информационных технологий в Российской Федерации, которая, несомненно, требует своего оперативного решения.

Так, в 2018 г. по результатам исследования, проведенного ВЦИОМ, положительные оценки открытости власти отмечали только 32–35% населения; всего 36% граждан, обращавшихся за официальной информацией на порталы государственных органов, нашли нужные сведения в полном объеме и лишь 20% отметили оперативность реагирования властей на запро-

сы. При этом лично в государственные органы обратились 36% опрошенных [13]. Между тем именно от качества коммуникативного обмена зависит и отношение людей к власти, их действие или бездействие в случае принятия какого-либо решения, их реакции на деятельность органов власти и управления. Поэтому низкий качественный уровень коммуникации затрудняет процесс государственного управления как в стране, так и в регионах.

Безусловно, действующая Стратегия имеет колоссальный потенциал для развития экономической, политической, технической составляющей российского общества, однако духовно-нравственный аспект развития информационного общества представлен не столь однозначно. Так, в Стратегии сформулирован приоритет традиционных российских духовно-нравственных ценностей и соблюдение основанных на этих ценностях норм поведения при использовании информационных и коммуникационных технологий. Иными словами, все информационно-коммуникативные и высокотехнологические процессы не должны сопровождаться изменением иерархии и содержания ценностей традиционного общества. Это важный аспект сохранения гуманистической и антропоцентрической основы современной государственной информационной политики.

Понимая это, разработчики Стратегии отмечают риск глобальной интернетизации, что отрицательно влияет на мировоззрение и духовное развитие человека. В частности, в ст. 16 Стратегии констатируется, что смещение акцентов в восприятии окружающего мира, особенно в сети Интернет, с научного, образовательного и культурного на развлекательно-справочный сформировало новую модель восприятия – так называемое клиповое мышление, характерной особенностью которого является массовое поверхностное восприятие информации. Однако угрозу разработчики Стратегии видят не в том, что мировосприятие людей становится примитивным, потеря концентрации внимания, неспособность к объективной оценке, отсутствие критического мышления приводят к деградации, а в том, что экономическую и политическую выгоду от этого получают те государства и организации, «которым принадлежат технологии распространения информации».

Очевидно, что риск снижения информационно-коммуникативной культуры не должен рассматриваться как незначительный побочный фактор интернетизации. Напротив, задача государства заключается не только в том, чтобы от-



стоять свое право на суверенизацию Интернета, а в том, чтобы не допустить общего упадка культурного уровня развития общества, достигнуть баланса между внедрением и использованием IT-технологий и сохранением традиционных ценностей.

Следует отметить, что в целях Стратегии упомянуто сохранение традиционных культурных ценностей. Однако по факту остается все меньше сфер, где бы преобладали, традиционализм, морально-нравственные устои сохранялись, преумножались и имели бы определяющее значение. Например, для системы образования и науки сохранение духовных ценностей имеет колоссальное значение, однако переход к дистанционному обучению вытесняет эту составляющую из образовательного и воспитательного процессов.

Пандемия COVID-19 ускорила оптимизацию в сфере образования и процесс перехода образовательного процесса в высшей и средней школе на дистанционные платформы. Так, в принятой Целевой модели цифровой образовательной среды [14], которая должна быть реализована во всех регионах к концу 2024 г., приоритет отдан технической оснащенности, развитию материально-технической базы образовательных учреждений, предоставлению образовательных услуг в электронной форме. Вместе с тем все эти аспекты касаются формальной и организационной стороны образовательного процесса и в меньшей степени затрагивают его качественную составляющую, методическую и научную наполняемость программ обучения.

Это создает риски перекоса развития национальной информационной инфраструктуры в ущерб формированию и распространению качественного достоверного знания, ставят под угрозу многие элементы творческого научного поиска, такие как постановка исследуемой проблемы, выработка критериев и алгоритма отбора информации и др. Эти умения невозможно заложить в компьютерные программы. Таким образом, в случае массового перехода на дистанционное обучение основным навыком станет освоение технических средств для оперативного поиска информации, а не получение и усвоение достоверного научного знания.

Таким образом, Стратегия не создает действенных правовых, управленческих, организационных гарантий сохранения традиционных ценностей во всех сферах общественной жизни. Особенно это касается сферы науки и образования, где новые технократические идеи Стратегии не находят реального отражения. В этой связи считаем, что современные информационные

технологии должны иметь вспомогательное значение, особенно в образовательной сфере, использоваться для улучшения материально-технического оснащения учебного процесса.

Результаты

Таким образом, научно-технический прогресс и информационно-коммуникативные технологии обусловили переход общества в качественно новое состояние информационного общества. Для минимизации деструктивных явлений в сети, роста интернет-преступности необходимо государственное управление информационными процессами и правовое регулирование интернет-коммуникаций, что требует стратегического планирования. В России последовательно принимались документы стратегического значения, в каждом из которых ставились более сложные управленческие, организационные и технические задачи, прежде всего перед федеральными органами исполнительной власти. Однако в действующей Стратегии и отраслевом законодательстве не уделено должного внимания духовному развитию информационного общества, мерам повышения правовой грамотности через сеть Интернет, росту информационно-коммуникативной культуры населения в целом.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект «Правовая основа становления, развития информационно-коммуникативной культуры населения и пути ее повышения в эпоху цифровизации» № 20-011-00211).

Список литературы

1. Путин : будущее российской цивилизации зависит от успеха в развитии высоких технологий. URL: <https://nauka.tass.ru/> (дата обращения: 18.05.2020).
2. Политические коммуникации : учеб. пособие для студентов вузов / Петрунин Ю. Ю. [и др.] ; под ред. А. И. Соловьева. М. : Аспект Пресс, 2004. 332 с.
3. Анненкова И. В., Заложило М. В. Новая культура коммуникаций в условиях цифровой и социокультурной глобализации : право, медиа и национальная идентичность // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 3. С. 140–155.
4. Вся статистика интернета на 2019 год – в мире и в России. URL: <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-na-2019-god-v-mire-i-v-rossii/> (дата обращения: 10.02.2020).
5. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации : утв. Президентом РФ от 9 сентября 2000 г. № Пр-1895 (утратила силу) // Рос. газ. 2000. 28 сент.



6. Тогузаева Е. Н. Техничко-юридические приемы закрепления запрета деструктивных видов пропаганды в конституционных актах современных государств // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 5. С. 35–37.
7. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации : утв. Президентом РФ от 07.02.2008 г. (утратила силу) // Рос. газ. 2008. 16 февр.
8. Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления : федер. закон от 09.02.2009 г. № 8-ФЗ (ред. от 27.12.2017) // Рос. газ. 2009. 13 февр. ; 2017. 31 дек.
9. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. : утв. Указом Президента РФ от 17.05.2017 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 20, ст. 2901.
10. Лукина Н. П., Самохина Н. Н. От информационного общества к обществам знания : теория и практика перехода // Гуманитарная информатика. 2013. Вып. 7. С. 9–27.
11. Об информации, информационных технологиях и защите информации : федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 27.12.2019 г.) // Рос. газ. 2006. 29 июля ; 2019. 31 дек.
12. Николаев А. И. Государственно-правовые аспекты становления информационного общества в Российской Федерации // Российское государственное управление. 2016. № 1. С. 111–117.
13. Государство и общество в России : запросы, ожидания, надежды. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8945> (дата обращения: 19.05.2020).
14. Об утверждении Целевой модели цифровой образовательной среды : приказ Министерства просвещения РФ от 02.12.2019 № 649. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 19.05.2020).

Образец для цитирования:

Тюменева Н. В. Стратегия развития информационного общества и информационно-коммуникативной культуры в Российской Федерации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 339–345. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-3-339-345>

The Role of the Russian State in Shaping the Information Society Development Strategy

N. V. Tyumeneva

Nataliya V. Tyumeneva, <https://orcid.org/0000-0002-1227-6923>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410002, Russia, tumeneva82@mail.ru

Introduction. Internet technologies at the turn of the XX–XXI centuries radically affected all spheres of public life, led to a revolutionary leap in the development of Russian civilization. Post-industrial society has moved to a qualitatively new state – the information society, which is characterized by an increase in the share of intellectual labor, an increase in the volume of scientific knowledge and information used in production; the transition of economic and social functions of capital to information, which becomes a multifunctional value, becoming a product of production, a strategic resource, an object of communication, etc. **Theoretical analysis.** Simultaneously with the development of the information society, its spiritual core is being formed – a specific information and communication culture that incorporates the experience, norms and practices, ideologies, and values of network users. The state, as a participant in the Internet space, as a central subject of information exchange, cannot fail to engage in ongoing processes and the formulation of strategic guidelines for the development of the information society. **Empirical analysis.** The legal basis for the formation and development of the information society was prepared in the Strategy for its development adopted in 2008, as well as in the strategy for the development of the information society in Russia from 2017 to 2030. However, the 2017–2030 Strategy has a significant potential for long-term development, involving the transition from the information society to the knowledge society,

in which the primary importance will not be technical equipment (a high level of IT technologies should already be achieved by this time), but the creation of technologies for the transfer, exchange, and use of reliable information between network users – citizens, organizations and government agencies. **Results.** As a result of the research, the author comes to the conclusion that it is necessary to manage the information society on the basis of strategic planning documents.

Keywords: information policy, legal regulation of the Internet, information society, information and communication culture.

Received: 20.05.2020 / Accepted: 25.05.2020 / Published: 31.08.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Acknowledgements: *This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project “The legal basis for the formation and development of information and communication culture of the population and ways to improve it in the era of digitalization” No. 20-011-00211).*

References

1. *Putin: budushee rossiiskoi tsivilizatsii zavisit ot uspekha v razvitiy vysokikh tekhnologiy* (Putin: the future of Russian civilization depends on success in developing high technologies). Available at: <https://nauka.tass.ru/> (accessed 18 May 2020) (in Russian).
2. *Politicheskie kommunikatsii* [Political communications. Textbook for university students. Petrunin Yu. Yu., etc.; ed. by A. I. Solovyov]. Moscow, Aspekt Press, 2004. 332 p. (in Russian).



3. Annenkova I. V., Zaloilo M. V. New culture of communications in the conditions of digital and socio-cultural globalization: law, media and national identity. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2019, no. 3, pp. 140–155 (in Russian).
4. *Vsya statistika interneta na 2019 god – v mire i v Rossii* (All Internet statistics for 2019 – in the world and in Russia). Available at: <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-na-2019-god-v-mire-i-v-rossii/> (accessed 10 February 2020) (in Russian)
5. Information security doctrine of the Russian Federation: approved of the President of the Russian Federation on September 9, 2000, no. Pr-1895 (expired). *Rossiiskaia gazeta* [Russian newspaper], 2000. 28 September (in Russian).
6. Toguzueva E. N. Technical and Legal Techniques of Securing Prohibition of Destructive Types of Propaganda in Constitutional Acts of Modern States. *Konstitusionnoe i munistipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law], 2016, no. 5, pp. 35–37 (in Russian).
7. Strategy for the development of the information society in the Russian Federation: approved by the President of the Russian Federation on 07.02.2008 (expired). *Rossiiskaia gazeta* [Russian newspaper], 2008, 16 February (in Russian).
8. On ensuring access to information about the activities of state bodies and local self-government bodies. Federal Law 8-FZ of 09.02.2009 (an edition of 27.12.2017). *Rossiiskaia gazeta* [Russian newspaper], 2009, 13 February; 2017, 31 December (in Russian).
9. On the Strategy for the development of the information society in the Russian Federation for 2017–2030: approved by the Decree of the President of the Russian Federation of 17.05.2017. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2017, no. 20, art. 2901 (in Russian).
10. Lukina N. P., Samohina N. N. From the Information Society to the Knowledge Society: Theory and Practice of Transition. *Gumanitarnaya informatika* [Humanitarian informatics], 2013, iss. 7, pp. 9–27 (in Russian).
11. On information, information technologies and information protection. Federal Law of the Russian Federation 149-FZ of 27.07.2006 (an edition of 27.12.2019). *Rossiiskaia gazeta* [Russian newspaper], 2006, 29 July; 2019, 31 December (in Russian).
12. Nikolaev A. I. State-legal aspects of formation of information society in the Russian Federation. *Rossiiskoe gosudarstvovedenie* [Russian State Studies], 2016, no. 1, pp. 111–117 (in Russian).
13. *Gosudarstvo i obshchestvo v Rossii: zaprosy, ozhidaniya, nadezhdy* (State and society in Russia: requests, expectations, hopes). Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8945> (accessed 19 May 2020) (in Russian).
14. On approval of the Target model of the digital educational environment. Decree of the Ministry of education of the Russian Federation no. 649 of 02.12.2019. Available at: www.pravo.gov.ru (accessed 19 May 2020) (in Russian).

Cite this article as:

Tyumeneva N. V. The Role of the Russian State in Shaping the Information Society Development Strategy. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 339–345 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-3-339-345>



УДК 342.81

Принцип всеобщности и разумность ограничения пассивного избирательного права

О. В. Кузнецова

Кузнецова Ольга Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов, член избирательной комиссии Саратовской области, kuznecolga@yandex.ru

Введение. Принцип всеобщности выдвигается на первое место среди принципов избирательного права и означает предоставление государством большинству своих граждан права на участие в формировании органов публичной власти. Однако всеобщность не является абсолютной и предполагает определенные изъятия в виде условий реализации права быть избранным и требований к кандидатам в депутаты и на выборную должность. Цель настоящего исследования – определить, обеспечивается ли в России принцип всеобщности пассивного избирательного права, а также проанализировать разумность и обоснованность вводимых избирательных цензов. **Теоретический анализ.** Установление требований к кандидатам и условий реализации ими права быть избранными, по сути, являются ограничениями пассивного избирательного права. Целью же любых ограничений прав человека и гражданина может быть только предупреждение наступления вредных для общества и индивидов последствий. **Эмпирический анализ.** Практика российских выборов показала, что законодательные условия предоставления права быть избранным могут меняться с завидной регулярностью, при этом они не всегда отвечают конституционным положениям и международным стандартам выборов. На это указывают приведенная в работе судебная практика, аналитические материалы, размещенные на сайте Центральной избирательной комиссии РФ и в средствах массовой информации. Отмечается особая роль в защите избирательных прав Конституционного Суда Российской Федерации, который неоднократно признавал неконституционными нормы Закона о выборах в случае необоснованной дискриминации избирательных прав российских граждан. **Результаты.** Проведенное исследование показало, что избирательные цензы в Российской Федерации являются в целом общепринятыми изъятиями из всеобщего избирательного права и соответствуют стандартам демократических выборов. Автор приходит к выводу, что ограничения пассивного избирательного права, введенные в последнее десятилетие, направлены на защиту конституционно охраняемых ценностей, являются разумными и обоснованными. Предложение вписать последние в текст Конституции РФ направлено на обеспечение стабильного демократического развития России. Вместе с тем предполагается более целесообразным включить избирательные цензы в ст. 32 Конституции РФ. **Ключевые слова:** принцип всеобщности, избирательные цензы, ограничения избирательных прав, пассивное избирательное право.

Поступила в редакцию: 20.03.2020 / Принята: 06.05.2020 / Опубликовано: 31.08.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-3-346-353>



Введение

Принцип всеобщности выдвигается на первое место среди принципов избирательного права и означает предоставление государством большинству своих граждан права на участие в формировании органов публичной власти. «В пассивном избирательном праве, как и в активном, всеобщность означает, что избирательным правом обладают все взрослые граждане государства независимо от пола, расы, национальности, отношения к религии и убеждений, а также, как правило, независимо от имущественного и должностного положения» [1, с. 112]. При этом в практике выборов сложился разный подход к понятию всеобщности для избирателей и избираемых. Для последних избирательное право имеет более ограничительный характер. Обосновано законодательное установление разумных требований к кандидату, чтобы предоставить избирателю выбор из граждан, имеющих определенный опыт и доверие избирателей. Данной позиции придерживается и Европейский суд по правам человека: «...право лица выдвигать свою кандидатуру не носит абсолютного характера» [2]. Отсутствие в Конвенции (ст. 3 Протокола № 1) определения пассивного избирательного права открывает государствам возможность выдвигать определенные требования к кандидатам, которые не должны ограничивать избирательные права «до такой степени, чтобы исказить саму их сущность и лишить их эффективности» [2]. Следует разбираться с разумностью требований к избираемым лицам в России, т.е. насколько они адекватны и отвечают современным политическим реалиям и запросам российских избирателей.

Теоретический анализ

Установление требований к кандидатам и условий реализации ими права быть избранными, по сути, являются ограничениями пассивного избирательного права. Целью же любых ограничений прав человека и гражданина могут быть только предупреждение наступления вредных для общества и индивидов последствий. Указанные ограничения и условия получили название «избирательные цензы».

Избирательные цензы закрепляются либо в конституции (гражданства, свободы и дееспособности, возрастной (для кандидатов в Президенты



РФ и депутатов Государственной Думы), оседлости для кандидата на должность Президента РФ), что гарантирует им стабильный характер, либо в текущем законодательстве (возрастной ценз для кандидатов на региональных и муниципальных выборах, ценз судимости, ценз гражданства или вида на жительство иностранного государства, ценз несовместимости и неизбирательности) [3, с. 85].

Эмпирический анализ

Практика российских выборов показала, что законодательные условия предоставления права быть избранным могут меняться с завидной регулярностью, при этом они не всегда отвечают конституционным положениям и международным стандартам выборов.

Отмечается в качестве положительного опыта отмена ряда цензов для кандидатов на региональных и муниципальных выборах. Федеральный закон 1994 г. предусматривал возможность «законами и иными нормативными правовыми актами законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Федерации устанавливать дополнительные условия приобретения гражданином РФ пассивного избирательного права, связанные со сроком проживания на определенной территории (соответственно уровню проводимых выборов); знания языка (характерно для республик в составе РФ), максимального возраста и ряда других» [4].

Российскую избирательную систему ждут кардинальные преобразования в сфере регулирования избирательных цензов. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 [5] предусматривает введение цензов оседлости, гражданства, возраста, отсутствия денежных средств и ценностей за границей.

Для Президента РФ предлагается увеличить срок постоянного проживания на территории России до 25 лет; ценз оседлости – ввести для депутатов Государственной Думы и глав субъектов Федерации как требование постоянного проживания на территории России без установления его продолжительности и срока.

Конституция РФ (ст. 32) закрепляет право быть избранными только за гражданами Российской Федерации. Президент РФ предложил внести в Конституцию РФ поправки, касающиеся ценза гражданства применительно ко всем избираемым органам государственной власти и должностным лицам: не иметь гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание на территории иностранного государства; для Президента РФ

требование более жесткое – он не должен иметь иностранного гражданства и вида на жительство не только на момент избрания, а не иметь их никогда ранее. При этом только для данной должности предлагается сделать исключение для лиц, имевших гражданство иностранного государства, ставшего частью России. Данный ценз, связанный с наличием правовой связи с иностранным государством, существует довольно продолжительное время и был успешно апробирован на выборах различного уровня: были и отказы в регистрации, и отмена регистрации кандидатов по данному обстоятельству. Так, в 2007 г. ЦИК РФ отказала в регистрации группы избирателей, созданной для поддержки самовыдвижения Б. кандидатом на должность Президента РФ. Основанием для принятия данного решения, в частности, послужило наличие у Б. вида на постоянное жительство в Великобритании. Решение ЦИК РФ было поддержано Верховным Судом РФ [6]. В 2011 г. Верховным Судом отменена регистрация кандидата в депутаты Государственной Думы шестого созыва С., включенной в зарегистрированный федеральный список кандидатов, выдвинутый Политической партией «Справедливая Россия» [7], а также избирательной комиссией Вологодской области аннулирована регистрация С. в качестве кандидата в депутаты Законодательного собрания Вологодской области в связи с наличием у нее гражданства Республики Молдова [8].

Предоставление иностранцам национального правового режима, признание общепризнанных принципов и норм международного права частью правовой системы России стало основой для нормативного закрепления права постоянно проживающих в России иностранных граждан избирать и быть избранными в органы местного самоуправления [9].

Наделение иностранцев избирательными правами обусловлено для России потребностью укрепления связей между странами-участницами СНГ и интеграционными процессами в рамках Евразийского экономического союза.

Анализ положений российского законодательства показал, что для наделения избирательными правами иностранных граждан на местных выборах необходимо: заключение международного договора с иностранным государством о взаимном наделении избирательными правами граждан договаривающихся сторон; постоянное или преимущественное проживание иностранного гражданина на территории соответствующего муниципального образования; принятие закона, регулирующего порядок участия иностранцев в выборах.



Что касается первого условия, то такие международные договоры существуют, однако их содержание не позволяет с достоверностью определить перечень избирательных прав, которыми наделяются граждане государств-участников.

Договор между государствами-членами Евразийского экономического союза наделяет «постоянных жителей» избирательными правами наравне с гражданами страны проживания с изъятиями, установленными Договором и Конституцией государства. Договор закрепляет *возможность* ограничения права избирать и быть избранным на высшие государственные должности и в выборные государственные органы Стороны проживания [10].

Договор между Российской Федерацией и Туркменистаном устанавливает, что граждане не могут пользоваться правом быть избранными на высшие государственные должности и высшие органы государственной власти страны проживания. Отсюда следует, что граждане Туркменистана могут быть избраны в органы местного самоуправления [11].

Договор с Кыргызской Республикой [12] исключает из перечня органов публичной власти, в которые могли бы избираться граждане обеих стран, высшие государственные должности и представительные органы власти. Отсюда следует, что договор позволяет гражданам Киргизии избираться на должность главы муниципального образования в России.

Договор с Республикой Армения (п. 2 ст. 4.1) в целом исключает из перечня взаимно предоставляемых право быть избранными в органы государственной власти и местного самоуправления [13].

Проведенный анализ действующих международных договоров позволяет определить, что избирательными правами в России могут быть наделены граждане Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана и Туркменистана только на муниципальных выборах. Причем существует правовая неопределенность для граждан Кыргызской Республики, так как двухсторонний Договор с Россией позволяет участвовать только в выборах главы муниципального образования, тогда как Договор в рамках ЕврАзЭС предусматривает также участие в выборах в представительный орган власти.

Если говорить о третьем условии наделяния иностранцев избирательными правами, то законодательного закрепления процессуального порядка реализации этих прав не последовало. В настоящее же время реализация пассивного избирательного права иностранных граждан, постоянно проживающих в России, по этой причине невозможна.

Содержание возрастного ценза составляет признание за лицом избирательной правосубъектности, т. е. юридической способности быть носителем определенных прав, обязанностей и ответственности в избирательном процессе [14]. Введение данного ограничения вызвано тем, что «для осуществления управления государством необходим тот уровень зрелости человека, при котором накоплено определенное количество информации об окружающем мире, сформировались навыки в решении жизненных проблем и способность понимать эти проблемы» [15, с. 105]. При этом не оценивается способность осознавать проблемы и принимать решения при достижении преклонного возраста. Установление максимального возраста кандидата, по достижении которого он утрачивает пассивное избирательное право, не допускается.

В Конституции РФ возрастной избирательный ценз для пассивного избирательного права изначально закреплен лишь для Президента РФ и для депутатов Государственной Думы РФ – 35 лет и 21 год соответственно. Закон РФ о поправке к Конституции РФ предусматривает включение в текст Основного закона возрастные ограничения и для глав субъектов РФ – 30 лет. Возрастной ценз для кандидатов на эту должность в 30 лет, так же как и для кандидатов в депутаты представительного органа муниципального образования – 18 лет, в настоящее время устанавливает федеральный закон. Следует указать на то, как последовательно федеральный законодатель изъясил у субъектов Федерации право самостоятельно регулировать возрастной ценз применительно к указанным выборам законами от 02.05.2012 № 40-ФЗ [16] и от 09.11.2009 № 250-ФЗ [17]. Более того, для высшего должностного лица субъекта РФ этот ценз предлагается возвести в ранг конституционного, что является спорным для федеративного государства.

Субъекты РФ вправе устанавливать минимальный возраст кандидата лишь на выборах депутатов регионального парламента и выборного должностного лица местного самоуправления, но не старше 21 года на день голосования. В том случае, если таковой не установлен, то избираться в данные органы можно начиная с 18-летнего возраста. По состоянию на октябрь 2009 г. (период обсуждения и принятия изменений, касающихся достижения определенного возраста для депутатов муниципального уровня) «в 28 субъектах Российской Федерации пассивное избирательное право на выборах депутатов представительных органов муниципальных образований предоставлялось гражданам, достигшим на день голосования возраста 18 лет, в одном субъекте Российской



Федерации – достигшим 20 лет, в 51 субъекте Российской Федерации – достигшим 21 года» [18]. Даная практика демонстрирует, что изменение законодательства о выборах предоставляет право баллотироваться на муниципальных выборах более широкому кругу лиц.

Следует отметить также, что в Федеральном законе от 09.11.2009 № 250-ФЗ закрепили пояснение, что право выдвижения у кандидата появляется при достижении установленного возраста именно на день голосования, а не на день выдвижения или регистрации (п.1 и 8 ст. 4) [17].

В целом позиция законодателя при регулировании возрастных избирательных цензов соответствует современным критериям демократизма избирательной системы государства.

Следующие ограничения пассивного избирательного права связаны с конституционно предусмотренной обязанностью защищать интересы общества и государства, а также права и законные интересы одних граждан от злоупотреблений правами и свободами со стороны других граждан. Справедливо утверждение: «Защита указанных прав и интересов осуществляется посредством лишения избирательных прав той категории граждан, которая по объективным обстоятельствам либо не может их использовать, либо существует вероятность, что использование ими этих прав может нанести вред» [19, с. 19]. Считаем обоснованным и резонным лишение права избирать и быть избранными граждан, признанных судом недееспособными, а также содержащихся в местах лишения свободы по приговору суда.

Ограничение избирательной правосубъектности перечисленных категорий граждан носит временный характер. Избирательные права восстанавливаются в полном объеме после освобождения гражданина из мест лишения свободы, истечения срока судимости либо признания его дееспособным лицом по решению суда [14].

Представляются оправданными и отвечающими положениям Конституции РФ ограничения пассивного избирательного права, введенные Федеральным законом от 05.12.2006 для лиц, осужденных к лишению свободы за совершение тяжких, особо тяжких преступлений, в том числе преступлений экстремистской направленности и имеющих на день голосования неснятую и непогашенную судимость за указанные преступления [20]. Они закрыли дорогу в органы публичной власти криминальным структурам и, безусловно, были восприняты обществом с пониманием. Конституционный Суд признал, что «ограничение пассивного избирательного права, не являющееся уголовным наказанием,

может применяться в механизме общеправовых последствий осуждения без специального указания в приговоре в качестве установленного на определенный срок конституционно-правового дисквалифицирующего препятствия для занятия такими лицами выборных публичных должностей после отбытия ими наказания» [21].

Более жесткая формулировка была принята в мае 2012 г., в соответствии с которой права быть избранными лишились лица, «осужденные когда-либо к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений» [22]. Она вызвала возмущение как среди кандидатов, снятых с регистрации, так и среди научной общественности. Гражданам запрещалось выдвигаться даже после погашения судимости, т.е. навсегда. Пятеро российских предпринимателей, снятых с регистрации в судебном порядке на октябрьских выборах 2012 г., дошли до Конституционного Суда РФ. Они заявили, что этот закон нарушает их конституционные права, пожизненно лишая права быть избранными, фактически дважды наказывает за совершение одного и того же преступления уже после снятия судимости [23].

Л. А. Нудненко отмечает, что «эта поправка носит с очевидностью дискриминационный люстрационный характер, прямо противоречащий самому смыслу современного законодательства. Смысл любого наказания за преступления (кроме смертной казни и пожизненного заключения) предусматривает возможность последующей гражданской реабилитации» [24, с. 43].

На несправедливость рассматриваемого положения указывает и Конституционный Суд РФ, отмечая, что оно «ограничивает пассивное избирательное право бессрочно и необратимо» [21]. В связи с этим «сроки ограничения пассивного избирательного права осужденного должны соотноситься со сроками судимости в рамках Уголовного кодекса. В исключительных случаях за отдельные преступления (вследствие повышенной степени их общественной опасности) могут быть установлены более продолжительные сроки ограничения в разумных пределах» [21]. Эти разумные пределы определены законодателем в 10 лет после снятия (погашения) судимости за тяжкие преступления и 15 лет – за особо тяжкие преступления.

Но и после корректировки законодателем рассматриваемой нормы многие кандидаты не смогли реализовать свое пассивное избирательное право ввиду несоблюдения указанного выше ограничения на выдвижение. По информации ЦИК РФ, за три с половиной года действия данной нормы почти 250 кандидатов



не были допущены до различного уровня выборов (имевшие снятую (погашенную) судимость за мошенничество, присвоение или растрату, получение взятки, призывы к осуществлению экстремистской деятельности и др.) [25]. Среди них и те, кто ранее успешно баллотировались на выборные должности.

Ценз несовместимости является общепринятым правилом, обеспечивающим принцип разделения властей и эффективное ограничение коррупционных проявлений. Свое начало он получил в конституционных требованиях к депутатам Государственной Думы. Применительно ко всем избираемым лицам означает запрет на совмещение мандата в течение срока своих полномочий с другой оплачиваемой деятельностью, занятием определенных должностей, нахождением на государственной или муниципальной службе.

Неизбираемость предполагает невозможность при определенных условиях выдвинуть кандидатуру на выборах и наступает, например, при лишении лица по решению суда права в течение определенного срока занимать определенные должности (п. 7 ст. 4 Федерального закона) [9]. Данное лицо не может быть зарегистрировано в качестве кандидата на выборах, если голосование состоится до истечения установленного судом срока. Это ограничение является видом наказания по уголовному законодательству. В качестве ценза неизбираемости можно привести также запрет на избрание для членов избирательных комиссий, судей Конституционного Суда РФ.

Цензы неизбираемости и несовместимости обеспечивают соблюдение принципа равного избирательного права для кандидатов путем недопущения использования в период избирательной кампании должностного или служебного положения указанными выше лицами.

Результаты

Проведенное исследование показало, что конституционный минимум избирательных цензов является показателем демократичности избирательной системы России. Остальные требования к кандидатам на выборные должности могут быть сформулированы в федеральном и региональном законодательстве. Избирательные цензы в Российской Федерации являются в целом общепринятыми изъятиями из всеобщего избирательного права и соответствуют стандартам демократических выборов. Ограничения пассивного избирательного права, введенные в последнее десятилетие, направлены на защиту конституционно охраняемых ценностей, являются разумными и обоснованными. Предложение

вписать их в текст Конституции РФ направлено на обеспечение стабильного демократического развития России. Особенно хотелось бы отметить как положительное – требование постоянного проживания на соответствующей территории для кандидатов в депутаты Государственной Думы и на должность главы субъекта РФ. Вместе с тем представляется целесообразным не рассредоточивать цензы гражданства и отсутствия денежных средств за границей по отдельным статьям Конституции РФ, а включить в статью 32, закрепляющую различные права граждан на участие в управлении делами государства, реализация которых поставлена в зависимость от данных ограничений.

Список литературы

1. Кузнецова О. В. Реализация конституционного принципа равенства прав граждан России в пассивном избирательном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010. 247 с.
2. Постановление ЕСПЧ от 02.03.1987 «Матье-Моэн (Mathieu-Mohin) и Клерфейт (Clerfayt) против Бельгии» (жалоба № 9267/81). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Кузнецова О. В. Понятие и сущность пассивного избирательного права в Российской Федерации // Вестн. ПАГС. 2007. № 12. С. 81–87.
4. Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации : федер. закон от 06.12.1994 № 56-ФЗ (утратил силу) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 33, ст. 3406.
5. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 11, ст. 1416.
6. Определение Верховного Суда РФ от 15.01.2008 № КАС08-5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Об удовлетворении заявления об отмене регистрации кандидата в депутаты ГД ФС РФ шестого созыва Смирновой М. В., включенной в зарегистрированный федеральный список кандидатов, выдвинутый политической партией «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ» : решение Верховного Суда РФ от 21.11.2011 № ГКПИ11-1910. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Кандидата в депутаты ЗСО Марину Смирнову сняли с выборов // Newsvo : [сайт]. URL: <https://newsvo.ru/gubrics/politika/2011/12/01/16:36:14.html> (дата обращения: 18.03.2020).
9. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : федер. закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 29.05.2019) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 24. Ст. 2253.



10. О Договоре о правовом статусе граждан одного государства, постоянно проживающих на территории другого государства-участника Договора от 29 марта 1996 года : решение № 28 Межгосударственного Совета Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Российской Федерации. (Принято в г. Москве 28.04.1998) // Рос. газ. (Экономический союз). 1998. 12 мая.
11. Договор между Российской Федерацией и Туркменистаном о правовом статусе граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории Туркменистана, и граждан Туркменистана, постоянно проживающих на территории Российской Федерации. Ратифицирован 25 ноября 1996 года, вступил в силу для Российской Федерации 10 июня 1997 года // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 32, ст. 3748.
12. Договор между Российской Федерацией и Киргизской Республикой о правовом статусе граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории Киргизской Республики, и граждан Киргизской Республики, постоянно проживающих на территории Российской Федерации. Ратифицирован 19 марта 1997 г., вступил в силу для Российской Федерации 6 января 2001 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 9, ст. 786.
13. Договор между Российской Федерацией и Республикой Армения о правовом статусе граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории Республики Армения, и граждан Республики Армения, постоянно проживающих на территории Российской Федерации (вступил в силу 17 октября 2000 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 8, ст. 747.
14. Командирова Т. Г., Кузнецова О. В., Немчинов А. Л. Комментарий к Федеральному закону от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
15. Алейник А. А. Проблемы статуса и профессионализации деятельности депутатов в современный период : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. 211 с.
16. О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» : федер. закон от 02.05.2012 № 40-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 19, ст. 2274.
17. О внесении изменений в статью 3 приложения к Федеральному закону «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления» и статью 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» : федер. закон от 09.11.2009 № 250-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 45, ст. 5268.
18. Заместитель Председателя ЦИК России Леонид Ивлев проинформировал руководителей избирательных комиссий муниципальных образований о законодательных инициативах в сфере избирательного права. URL: <http://www.cikrf.ru/newsite/news/cik/2009/09/08/ivlev.jsp> (дата обращения: 18.02.2020).
19. Крылов Б. С. Проблемы равноправия и равенства в российском конституционном праве // Журнал российского права. 2002. № 11. С. 13–24.
20. О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 05.12.2006 № 225-ФЗ (ред. от 08.03.2015) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 50, ст. 5303.
21. По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г. Б. Егорова, А. Л. Казакова, И. Ю. Кравцова, А. В. Куприянова, А. С. Латыпова и В. Ю. Синькова : постановление Конституционного Суда РФ от 10.10.2013 № 20-П // Рос. газ. 2013. 23 окт.
22. О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» : федер. закон от 02.05.2012 № 40-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 19, ст. 2274.
23. Конституционный суд решит, смогут ли Навальный и другие осужденные участвовать в выборах. URL: <https://www.newsru.com/russia/20sep2013/ks.html> (дата обращения: 18.02.2020).
24. Нудненко Л. А. К вопросу о люстрации в законодательстве и практике ее реализации в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 9. С. 41–44.
25. Разъяснение ЦИК России о действующих нормах по ограничению права быть избранными лиц, имевших судимость. URL: <http://www.cikrf.ru/news/cec/23508/> (дата обращения: 18.02.2020).

Образец для цитирования:

Кузнецова О. В. Принцип всеобщности и разумность ограничения пассивного избирательного права // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 346–353. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-3-346-353>



The Principle of Universality and the Reasonableness of Limiting Passive Suffrage

O. V. Kuznetsova

Olga V. Kuznetsova, <https://orcid.org/0000-0002-0119-3233>, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 23/25 Sobornaya St., Saratov 410031, Russia, kuznetcolga@yandex.ru

Introduction. The principle of universality is put forward in the first place among the principles of suffrage, and means the provision by the state of the majority of its citizens with the right to participate in the formation of public authorities. However, universality is not absolute and involves certain exceptions in the form of conditions for the realization of the right to be elected and requirements for candidates for deputies and for an elected post. The purpose of this study is to determine whether the principle of universality of passive suffrage is ensured in Russia, and also to analyze the reasonableness and validity of introduced electoral qualifications. **Theoretical analysis.** Establishing requirements for candidates and the conditions for their exercise of the right to be elected are, in fact, limitations of passive suffrage. The purpose of any restrictions on human and civil rights can only be to prevent the onset of harmful consequences for society and individuals. **Empirical analysis.** The practice of Russian elections has shown that the legislative conditions for granting the right to be elected can change with enviable regularity, while they do not always meet constitutional provisions and international election standards. This is indicated by the judicial practice cited in the work, analytical materials posted on the website of the Central Election Commission of the Russian Federation and in the media. A special role of the Constitutional Court of the Russian Federation in protecting the electoral rights is noted. It has repeatedly recognized the provisions of the Law on Elections as unconstitutional in case of unjustified discrimination of the electoral rights of Russian citizens. **Results.** The study showed that electoral qualifications in the Russian Federation are generally generally accepted exemptions from universal suffrage, and comply with the standards of democratic elections. The author concludes that the restrictions on passive suffrage introduced in the last decade are aimed at protecting constitutionally protected values, are reasonable and justified. The proposal to include the latter in the text of the Constitution of the Russian Federation is aimed at ensuring stable democratic development of Russia. At the same time, it is supposed to be more expedient to include election qualifications in article 32 of the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: principle of universal suffrage, electoral qualifications, restrictions on electoral rights, passive suffrage.

Received: 20.03.2020 / Accepted: 06.05.2020 / Published: 31.08.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Kuznetsova O.V. *Realizatsiya konstitutsionnogo printsipa ravenstva prav grazhdan Rossii v passivnom izbiratel'nom prave* [Implementation of the constitutional principle of equality of rights of Russian citizens in passive suffrage: dis.cand. legal sciences]. Diss. Cand. Sci. (Jur.) Saratov, 2010. 247 p. (in Russian).
2. Case of Mathieu-Mohin and Clerfayt v. Belgium of 02.03.1987 (Application no. 9267/81). Available at: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57536> (accessed 10 March 2020).
3. Kuznetsova O. V. The Concept and Essence of the Passive Electoral Right in the Russian Federation. *Vestnik Povolzhskoi akademii gosudarstvennoi sluzhby* [Bulletin of the Volga Region Academy for Civil Service], 2007, no. 12, pp. 81–87 (in Russian).
4. On the basic guarantees of the electoral rights of citizens of the Russian Federation. Federal Law 56-FZ of 06.12.1994 (expired). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1994, no. 33, art. 3406 (in Russian).
5. On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authority. RF Law on the amendment of the Constitution 1-FKZ of 14.03.2020. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2020, no. 11, art. 1416 (in Russian).
6. The ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.01.2008 no. KAS08-5. *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
7. On satisfaction of the application for cancelling the registration of a candidate for deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the sixth convocation Smirnova M. V., included in the registered federal list of candidates nominated by the JUST RUSSIA political party. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of 21.11.2011 no. GKPI11-1910. *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
8. Marina Smirnova, candidate for deputies of the Federal Assembly, was removed from the election. *Newsvo. Site*. Available at: <https://newsvo.ru/rubrics/politika/2011/12/01/16:36:14.html> (accessed 18 March 2020) (in Russian).
9. On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation. Federal Law 67-FZ of 12.06.2002 (an edition of 29.05.2019). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2002, no. 24, art. 2253 (in Russian).
10. On the Agreement on the Legal Status of Citizens of one State Resident Permanently in the Territory of Another State Party to the Treaty of March 29, 1996. Decision no. 28 of the Interstate Council of the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, and the Russian Federation (Adopted in Moscow on 04.28.1998). *Rossiiskaia gazeta* [Russian newspaper (Economic Union)], 1998, 12 May (in Russian).
11. The agreement between the Russian Federation and Turkmenistan on the legal status of citizens of the Russian Federation permanently residing in the territory of Turkmenistan and citizens of Turkmenistan permanently residing in the territory of the Russian Federation. Ratified on November 25, 1996, entered into force for the Russian Federation on June 10, 1997. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1997, no. 32, art. 3748 (in Russian).



12. The agreement between the Russian Federation and the Kyrgyz Republic on the legal status of citizens of the Russian Federation permanently residing in the territory of the Kyrgyz Republic and citizens of the Kyrgyz Republic permanently residing in the territory of the Russian Federation. Ratified on March 19, 1997, entered into force for the Russian Federation on January 6, 2001. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2001, no. 9, art. 786 (in Russian).
13. The agreement between the Russian Federation and the Republic of Armenia on the legal status of citizens of the Russian Federation permanently residing in the territory of the Republic of Armenia and citizens of the Republic of Armenia permanently residing in the territory of the Russian Federation (entered into force on October 17, 2000). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2002, no. 8, art. 747 (in Russian).
14. Komandirova T. G., Kuznetsova O. V., Nemchaninov A. L. *Kommentariy k Federal'nomu zakonu ot 10 yanvaria 2003 g. no. 19-FZ "O vyborakh Prezidenta Rossiiskoi Federatsii"* (Commentary to the Federal Law no. 19-FZ of January 10, 2003. "On the Election of the President of the Russian Federation"). *ATP «Garant»* [electronic resource] (in Russian).
15. Aleynik A. A. *Problemy statusa i professionalizatsii deiatel'nosti deputatov v sovremennyy period* [Problems of the status and professionalization of the activities of deputies in the modern period]. Diss. Cand. Sci. (Jur.) Moscow, 1996. 211 p. (in Russian).
16. On amendments to the Federal Law "On the General Principles of Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation". Federal Law 40-FZ of 02.05.2012. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2012, no. 19, art. 2274 (in Russian).
17. On amendments to article 3 of the appendix to the Federal Law "On ensuring the constitutional rights of citizens of the Russian Federation to elect and be elected to local authorities" and article 4 of the Federal Law "On basic guarantees of electoral rights and the right to participate in a referendum of citizens of the Russian Federation". Federal Law 250-FZ of 09.11.2009. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2009, no. 45, art. 5268 (in Russian).
18. *Zamestitel' Predsedatelia TSIK Rossii Leonid Ivlev proinformiroval rukovoditelei izbiratel'nykh komissiy munitsipal'nykh obrazovaniy o zakonodatel'nykh initsiativakh v sfere izbiratel'nogo prava* (Deputy Chairman of the CEC of Russia Leonid Ivlev informed the heads of election commissions of municipalities about legislative initiatives in the field of electoral law). Available at: <http://www.cikrf.ru/newsite/news/cik/2009/09/08/ivlev.jsp> (accessed 18 September 2019) (in Russian).
19. Krylov B. S. Problems of Equality and Equality in Russian Constitutional Law. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2002, no. 11, pp. 13–24 (in Russian).
20. On Amending the Federal Law "On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in the Referendum of Citizens of the Russian Federation" and the Civil Procedure Code of the Russian Federation. Federal Law 225-FZ of 05.12.2006 (an edition of 08.03.2015). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2006, no. 50, art. 5303 (in Russian).
21. In the case of the constitutionality of subparagraph "a" of paragraph 3.2 of Article 4 of the Federal Law "On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in the Referendum of Citizens of the Russian Federation", part one of Article 10 and part six of Article 86 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with complaints by citizens G. B. Egorov, A. L. Kazakov, I. Yu. Kravtsov, A. V. Kupriyanov, A. S. Latypov and V. Yu. Sinkov. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 20-P of 10.10.2013. *Rossiiskaia gazeta* [Russian newspaper], 2013, 23 October (in Russian).
22. On Amendments to the Federal Law "On General Principles of Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation" and the Federal Law "On Basic Guarantees of Voting Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation". Federal Law 40-FZ of 02.05.2012. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2012, no. 19, art. 2274 (in Russian).
23. *Konstitutsionnyi sud reshit, smogut li Naval'nyi i drugie osuzhdennye uchastvovat' v vyborakh* (The Constitutional Court will decide whether Navalny and other convicts will be able to participate in the elections). Available at: <https://www.newsru.com/russia/20sep2013/ks.html> (accessed 18 February 2020) (in Russian).
24. Nudnenko L. A. On the issue of lustration in the legislation and practice of its implementation in the Russian Federation. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State power and local self-government], 2015, no. 9, pp. 41–44 (in Russian).
25. *Razyasnenie TSIK Rossii o deistvuiuschikh normakh po ogranicheniyu prava byt' izbrannymi lits, imevshikh sudimost'* (Clarification of the CEC of Russia current standards on the restriction of the right to be elected of persons who have a criminal record). Available at: <http://www.cikrf.ru/news/cec/23508> (accessed 18 February 2020) (in Russian).

Cite this article as:

Kuznetsova O. V. The Principle of Universality and the Reasonableness of Limiting Passive Suffrage. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 346–353 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-3-346-353>



УДК 342.565.2

Судебная власть и конституционное равновесие

Н. Г. Стеничкин

Стеничкин Никита Геннадьевич, соискатель кафедры конституционного и муниципального права, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, stenichkin_ng@mail.ru

Введение. В статье анализируются предпосылки для изменения Конституции РФ, существующие в системе российского права. Для России, имеющей четвертьвековой законодательский опыт в условиях демократических общественно-политических отношений и рыночной экономики, крайне актуален вопрос оценки потенциала действующей редакции Конституции.

Теоретический анализ. В Конституции РФ важным векторным принципом является ее нацеленность на личность человека, обеспечение его прав и свобод. Данный конституционный принцип реализуется путем наделения каждой из ветвей власти равным объемом полномочий и ответственности для участия в государственном управлении. **Эмпирический анализ.** Доказано, что наиболее распространенной причиной нарушения баланса в системе сдержек и противовесов являются сами изменения, происходящие в обществе. Рассматриваются отдельные признаки имеющегося дисбаланса между ветвями государственной власти. **Выводы.** Делаются выводы об отсутствии объективных оснований для пересмотра основных положений Конституции РФ или принятия ее новой редакции. При этом рассматривается возможность внесения отдельных, точечных изменений в положения Конституции РФ, касающиеся полномочий ветвей государственной власти.

Ключевые слова: Конституция РФ, ветви власти, полномочия, судебная власть, система разделения властей.

Поступила в редакцию: 27.01.2020 / Принята: 26.02.2020 / Опубликовано: 31.08.2020

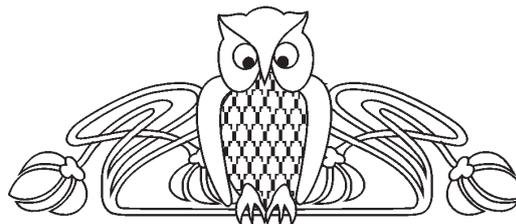
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-3-354-362>

Введение

Конституция РФ преодолела двадцатипятилетний рубеж и является достаточно молодым законом в сравнении с конституциями некоторых других стран. При этом Конституция РФ демонстрирует адаптивность к происходящим изменениям и необходимый уровень правовой абстракции, дающие ей возможность выстраивать согласованную и логичную правовую систему в государстве.

Для России, имеющей четвертьвековой законодательский опыт в условиях демократических общественно-политических отношений и рыночной экономики, крайне актуален вопрос



оценки потенциала действующей редакции Конституции РФ для применения в дальнейшем. При этом основным в этом анализе должно являться выявление конституционных положений, позволяющих обеспечить прорывное развитие страны в перспективе ближайших десятилетий, что подчеркивает Президент России в своих Посланиях Федеральному Собранию [1].

Принцип разделения властей – неотъемлемая основа демократического государства, ключевое условие разумной организации государственной власти. Права и свободы личности при таком распределении власти получают наибольшую полноту, гарантированность и защищенность.

Теоретический анализ

Исторически принцип разделения властей, известный еще с античных времен, являлся важнейшей гарантией их эффективной работы [2]. Так, в Древнем Риме ревизионными полномочиями были наделены сенат, народное собрание и народные трибуны. Элементы сдержек и противовесов в системе государственной власти присутствовали и в Средние века, когда абсолютную власть монарха уравновешивала церковная власть. Позднее в некоторых странах появились представительные учреждения – парламенты, которые также участвовали в уравновешивании и сокращении абсолютной власти самодержца. Ш. Л. Монтескье указывал, что для исключения «возможности злоупотребления властью необходим такой порядок вещей, при котором различные власти могли бы взаимно сдерживать друг друга» [3, с. 12].

Конституция РФ в ст. 10 провозглашает принцип разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную, при этом обращая внимание на то, что все три ветви власти самостоятельны [4]. В развитии данного положения Конституционный Суд РФ в своей правовой позиции, высказанной в Постановлении от 29 мая 1998 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности части 4 статьи 28 Закона Республики Коми “О государственной службе Республики Коми”», указал, что разделение властей относится к числу общих принципов демократического правового федеративного государства. Закрепленное в Конституции РФ



в качестве одной из основ конституционного строя для Российской Федерации в целом, оно обязательно не только для федерального уровня, но и для организации государственной власти в субъектах Федерации [5].

В этом же положении Конституционный Суд РФ раскрывает содержание принципа разделения властей. При этом указывает, что данный принцип предполагает не только распределение властных полномочий между органами различных ветвей государственной власти, но и взаимное уравнивание ветвей власти, невозможность ни для одной из них подчинить себе другие. В том виде, как он закреплен в Конституции Российской Федерации, данный принцип не допускает сосредоточения функций различных ветвей власти в одном органе, а следовательно, и совмещения депутатского мандата с занятием должности на государственной службе [5].

Принцип разделения властей получает свое воплощение в таком устройстве государственной власти, при котором законодательная ветвь власти играет ведущую роль в законотворческом процессе, формирует законодательную базу, на которую опирается и которой руководствуется исполнительная ветвь власти, воплощая в жизнь дух и букву принятых законов, а судебная ветвь власти, обеспеченная возможностью на практике реализовать принцип независимости, осуществляя правосудие, выступает охранителем законности, прав и свобод человека, права в целом, компенсируя и восполняя его нарушение. При этом существуют и реализуются на практике такие законодательно установленные полномочия ветвей власти, которые в состоянии обеспечивать и исполнение непосредственных функций, сдерживать и препятствовать расширению полномочий других ветвей власти, не допуская выхода за их пределы, гарантировать баланс всей системы.

В такой реализации принципа разделения властей находит свое отражение термин «конституционное равновесие», т. е. такое сбалансированное состояние разделенной между ветвями государственной власти, которое позволяет реализовывать свои конституционные полномочия, исполнять свои функции, гарантируя при этом равновесие и стабильность в их распределении, оставаясь при этом единой, целостной системой. Следует обратить внимание на то, что «конституционное равновесие» как понятие, описывающее баланс и состояние внутри конституционно-правового регулирования и системы распределения и функционирования государственной власти, созданной на основе положений, реализованных в Основном законе, использовался в научной литературе и судебной практике не

единожды. Так, М. Ю. Орлова, оценивая прецедентную активность Европейского Суда по правам человека, указывала, что «доминирующая на сегодняшний день роль Суда ЕС приводит к искаженному конституционному равновесию» [6, с. 142]. Конституционный Суд РФ, проверяя конституционность пп. 2 и 3 ч. 2 ст. 30 и ч. 2 ст. 325 УПК РФ, оценивая состояние государственности, обращался к термину «конституционное равновесие» [7].

Таким образом, можно говорить о разделении властей как об исторически сложившейся необходимости и утверждать, что чем контрастнее и яснее разделены полномочия между ветвями власти и чем полнее объем власти каждой из них, тем надежнее гарантированы права человека и тем выше качество демократии. Разбалансировка системы сдержек и противовесов и взаимное неравноправие ветвей власти, напротив, создают угрозу основам антропоцентричного, социально ориентированного государственного устройства.

В Конституции РФ важным векториальным принципом является ее нацеленность на личность человека, обеспечение его прав и свобод. Данный конституционный принцип реализуется путем наделения каждой из ветвей власти равным объемом полномочий и ответственности для участия в государственном управлении, будь то вопросы федеративного устройства, законотворчества, политической свободы, бюджетного обеспечения, безопасности страны, социальной защиты населения, духовно-нравственного состояния общества. Декларируемая Конституцией РФ социальная направленность государства, достойная жизнь и свободное развитие человека [4] является конечной целью и ориентиром развития для всех элементов системы государственного управления.

Конституция возлагает на Президента РФ функции координатора и гаранта стабильности триединой конструкции системы государственной власти. Поддержание баланса между исполнительной, законодательной и судебной ветвями власти – одна из ключевых функций института президентства в России. Реализация всеми субъектами своих полномочий в границах, предписанных Конституцией, гарантирует достижение целей развития, в частности, при реализации национальных проектов во всех ключевых сферах социально-экономического развития страны до 2024 г.

Эмпирический анализ

Говоря о принципе разделения государственной власти как о неременном условии высоких стандартов демократии, необходимо помнить о



ключевом условии реализации этого принципа на практике – балансе полномочий между ветвями власти. Недостаточно номинально иметь разделенную на три ветви государственную власть, необходимо наделить их равноценными полномочиями и создать условия для эффективной реализации этих полномочий.

Баланс в буквальном переводе с французского *balance* – весы. В русском языке баланс понимается во многих различных смыслах, в том числе как равновесие, уравнивание, соотношение взаимосвязанных показателей какой-либо деятельности, процесса [8]. Такое понимание термина «баланс» характерно и для юридической науки. Исходя из этимологии термина, «баланс» – это такое состояние равновесия, которое во всех случаях не подразумевает статики, но предполагает движение. Баланс в природе, по законам физики, – это действие двух сил, взаимно уравнивающих друг друга. В государственном управлении баланс достигается равным объемом полномочий всех ветвей власти, в том числе полномочий, установленных на конституционном уровне. Непрерывность изменений в обществе и государстве обусловлена их динамической природой, разница только в интенсивности и глубине таких изменений. В этой связи очевидно, что сохранение баланса между ветвями власти в условиях постоянно меняющейся обстановки вызывает естественный и кратковременный дисбаланс.

В свою очередь, антонимом термина «баланс» является «дисбаланс» или «дебаланс», что предполагает неуравновешенность, отсутствие баланса.

Наиболее распространенной причиной нарушения баланса в системе сдержек и противовесов государственной власти является получение одной из ветвей дополнительных законодательных полномочий, которые, пусть и в незначительной степени, но перераспределяют объем государственной власти внутри системы в пользу одной из ветвей. Причиной таких законодательных изменений, создающих дополнительные или развивающие уже имеющиеся полномочия у ветвей власти, чаще всего являются непосредственно изменения в обществе – новые или изменившиеся общественные отношения, требующие регулирования. Сначала меняется жизнь, а уже вслед за ней изменяется законодательство. Законодатель не всегда способен предвосхитить общественные явления, и потому нормы регулирования зачастую разрабатываются с достаточной долей абстракции, с учетом будущих, предполагаемых, возможных общественных изменений. При этом предполагается, что правовая абстракция законо-

дательными изменения постепенно может снижаться или в связи с неэффективностью самого регулирования, либо в связи с наличием излишних допущений в правовой норме, двойных толкований. Но чаще всего законотворчество – это реакция на произошедшие события в обществе, а не стратегическое планирование, и реакция эта в силу объективных особенностей законотворческого процесса имеет запаздывающий характер. В этой связи дисбаланс в системе разделения властей или перераспределение государственной власти наступает в результате законодательных изменений, обусловленных изменениями в общественной, политической жизни.

Причины, служащие катализатором изменений в законодательстве (которые, в свою очередь, влекут дисбаланс в системе сдержек и противовесов), могут быть естественными и искусственными. К естественным причинам можно отнести природные, экологические, военные, техногенные, экономико-политические процессы (например, изменение экономической модели, политического режима, государственного строя). В подобных случаях одна из ветвей власти берет на себя ведущую роль в государственном управлении. При этом непременным условием является временный характер такого делегирования, обусловленный необходимостью преодоления кризисной ситуации, послужившей причиной дисбаланса.

В свою очередь, временный характер разбалансировки системы сдержек и противовесов предполагает сохранение общего вектора на достижение задач и целей Конституции с неизбежным возвращением к исходному состоянию системы. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 18 января 1996 г. «По делу о проверке Устава (Основного Закона) Алтайского края» обратил на это обстоятельство особое внимание и указал, что разделение властей предполагает установление такой системы правовых гарантий, сдержек и противовесов, которая исключает возможность концентрации власти у одной из них, обеспечивает самостоятельное и независимое осуществление всех ветвей власти и одновременно их взаимодействие [9]. То есть государственная власть не может быть сконцентрирована в какой-то одной ветви власти, такое положение противоречило бы смыслу принципа разделения властей.

Но такая концентрация власти не происходит лишь в том случае, если ветви власти эффективно реализуют свои полномочия – это является непременным условием для сохранения баланса при условии сохранения общего вектора на принцип разделения властей. То есть речь идет о том, что баланс может быть нарушен в результате



управленческого бездействия одной из ветвей власти. К примеру, в том случае, если законодательная ветвь власти перестанет формировать правовую систему путем принятия законов, эту функцию возьмет на себя исполнительная власть или Президент РФ, что и наблюдалось в правовой системе России 1990-х гг., когда большое количество вопросов, относящихся к федеральному законодательству, решались указами президента [10–12]. В части, касающейся решения данного вопроса, Конституционный Суд РФ признал не противоречащим Конституции РФ издание президентом указов, восполняющих пробелы в правовом регулировании по вопросам, требующим законодательного решения, при условии, что такие указы не противоречат Конституции РФ и федеральным законам, а их действие во времени ограничено периодом до принятия соответствующих законодательных актов [13].

В случае, когда причины дисбаланса носят искусственный характер, усиление одной из ветвей власти за счет других происходит поступательно и закрепляется на постоянной основе. При этом инициатива на усиление одной из ветвей власти исходит из нее самой. Такая ситуация противоположна той, когда усиление одной ветви власти происходит в результате ослабления другой. Вследствие этого вырисовываются угрозы узурпации одной из ветвей полномочий других ветвей, а поскольку разделение власти и баланс внутри этой системы является важнейшей реальной гарантией демократического государства [14], то перманентный дисбаланс в системе неизбежно приводит к существенному снижению качества демократии или полному отказу от нее, поскольку дисбаланс влечет противоречащую Конституции РФ излишнюю концентрацию государственной власти в одной из ветвей.

В настоящее время в Российской Федерации конституционные компетенции всех ветвей власти, позволявшие еще 20 лет назад говорить о наличии реального баланса между ними, сейчас все отчетливее обнаруживают признаки разбалансированности во всей системе государственной власти, что отмечают многие эксперты [15, 16]. Такая ситуация сложилась не одномоментно, но в силу названных ранее причин в настоящее время можно фиксировать отчетливую асимметрию в правовой и управленческой системах.

В условиях коренного переустройства или масштабного реформирования экономики и социальной сферы временные элементы дисбаланса даже необходимы, но вместе с тем цементирование подобного дисбаланса создает угрозы для стратегического развития государства в качестве правового и демократического.

В существующей в настоящее время системе распределения государственной власти, можно утверждать, полномочия исполнительной ветви власти крайне значительны. Влияние исполнительной ветви власти на жизнь человека и тот объем свобод, который реализуется в государстве, постепенно и постоянно увеличивается. Исходя из этого, возникает важная проблема – распределение ответственности между ветвями власти при возрастании объема полномочий. Увеличение объема полномочий неизбежно аккумулирует ответственность за результаты правоприменительной деятельности, а соответственно, за экономическую, социальную, политическую ситуацию в государстве. В этой связи представляется, что система, при которой ответственный за совместную работу остается в одиночестве, нуждается в дополнительном переосмыслении. Объем полномочий и, соответственно, объем ответственности законодательной и судебной ветвей власти за правоприменение в самом широком смысле слова, т. е. в целом за развитие страны, является явно недостаточным. Распределение ответственности за государственное развитие должно быть равным распределению полномочий. Ответственность не может лежать лишь на том, кто принимает юридическую норму, она лежит и на том, кто ее применяет, и на том, кто гарантирует ее соблюдение и компенсацию средствами права. Такая ситуация рождает конкуренцию между ветвями власти, которая может перетекать в противоборство.

В своих правовых позициях Конституционный Суд РФ обращал внимание на то, что правовая логика Конституции заключается в том, чтобы в условиях разделения властей не допускать их противоборства, которое не согласуется с тем, что единственным источником, из которого они проистекают, и носителем воплощаемого ими суверенитета является многонациональный народ Российской Федерации [17]. То есть противоборство между ветвями власти по своей сути и содержанию лишено смысла и является неестественным, неорганичным процессом, поскольку суть каждой из ветвей власти есть одно и то же – источник этой самой власти – многонациональный народ России. Противоборство между ветвями есть процесс неестественный – как, скажем, конкуренция частей тела в организме человека, этот процесс носит деструктивный, разрушительный, вредный характер, поскольку имеет своей целью не общее благо, а экспансию, захват полномочий, что в конечном итоге грозит разрушением или фрагментацией всей системы.

Рассматривая полномочия судебной ветви власти, можно сказать, что степень влияния на



формирование правовой системы в государстве у судейского корпуса достаточно разнообразна. У Конституционного Суда РФ это происходит посредством конституционного правосудия и правовых позиций, высказываемых в связи с рассмотрением дел. Верховный Суд РФ делает это посредством нормоконтроля, разъяснений по вопросам судебной практики, обзоров судебной практики и т.д. По сути, большая доля ответственности за единообразное правоприменение в широком смысле, включающем и применение права судами, целостность правоприменительной системы и судебной практики лежит на судебной ветви власти. В этом смысле актуальным является вопрос о соотношении по степени важности полномочий Верховного Суда РФ по формированию правоприменительной и судебной практики в стране и полномочий по отправлению правосудия в целом для правовой системы, для государства.

В свою очередь, законодательная ветвь власти имеет свои механизмы влияния на правоприменительную деятельность. К таким инструментам относится в том числе форма парламентского контроля, которая реализуется посредством отдельного органа – Счетной палаты РФ. Существуют регламентированные процедуры отчета Председателя Правительства РФ и федеральных министров перед Государственной Думой.

Несмотря на разнообразие и объем полномочий у законодательной и судебной ветвей власти, конституционно-правовой потенциал таких полномочий остается нереализованным в части влияния на систему государственного строительства и управления. Так, например, судебная власть, осуществляя нормоконтроль, практически не подвергает ревизии нормативные правовые акты Правительства РФ, не отменяя их и не приостанавливая их действие. При том что и обращения по этому поводу существуют, и акты Правительства РФ безупречны. Отсутствие реакции или корректировки исполнительной власти со стороны судебной власти в такой ситуации смотрится как излишне осторожное понимание принципа самостоятельности ветвей власти. Актуальной задачей для законодательной ветви власти является поиск баланса между принятием федеральных законов прямого действия и федеральных законов, предусматривающих нормативное правовое сопровождение со стороны Правительства РФ. И в этом смысле приоритетом для законодательной ветви власти должно стать создание механизма правоприменительного мониторинга. То есть такого механизма, который бы позволил производить исследования деятельности исполнительной ветви власти по применению

законов, что, в свою очередь, создало бы базу для осмысленной реализации права законодательной инициативы субъектами такого права. При этом, несмотря на наличие консенсуса в вопросе актуальности этой задачи, она остается нерешенной. Права и полномочия у законодательной ветви власти на осуществление деятельности по мониторингу правоприменения средствами парламентского контроля существуют и закреплены в законодательстве. Однако мобилизации ресурсов законодательной ветви власти для достижения этой масштабной и общегосударственной цели развития правовой системы не происходит.

Приведенные примеры характеризуют лишь отдельные случаи неиспользования ветвями власти своих полномочий. Но на основании даже этих примеров можно сделать обобщенный вывод, что есть случаи, когда бездействие ветвей власти или недостаточная активность в реализации имеющихся у них полномочий является одной из причин, которые влияют на формирующийся дисбаланс в распределении государственной власти.

Причины невмешательства или недостаточного влияния одной власти на деятельность другой лежат не только в плоскости неиспользования имеющихся компетенций или полномочий. Полагаем, что в отдельных аспектах государственного управления имеющихся у ветвей власти полномочий недостаточно.

Актуальным является ответ на вопрос, достаточно ли последующего влияния судебной власти на деятельность исполнительной ветви власти, чтобы исправлять имеющуюся правоприменительную «кривизну», или же судебной ветви власти нужны дополнительные полномочия? Верховный Суд РФ посредством права законодательной инициативы, официальных отзывов на законопроекты и в других формах принимает участие в законотворческой работе, т. е. в непосредственном создании законов. Но, как правило, Верховный Суд РФ не инициирует проекты законов, которые вносят изменения в отраслевое законодательство. То есть вопрос, пользуется ли Верховный Суд РФ своим конституционным правом в полном объеме или уклоняется от прямого участия в решении отдельных законотворческих вопросов, и если да, то каковы причины этого, остается открытым.

Законодательная ветвь власти принимает участие в формировании судейского корпуса Верховного Суда РФ. Однако следует констатировать, что судебная ветвь власти полностью, а законодательная власть практически полностью лишены возможности влиять на формирование органов исполнительной власти. В каком



объеме нужны такие полномочия, в какой трактовке они должны быть изложены и насколько глубоко должно быть взаимовлияние ветвей власти – вопрос крайне актуальный. Очевидно одно: полномочия по влиянию ветвей власти друг на друга должны совершенствоваться и развиваться, что будет являться гарантией стабильности, целостности и устойчивости правовой системы.

Выводы

Таким образом, можно сделать обобщенный вывод о том, что к настоящему моменту в России сформировалась такая система сдержек и противовесов в вопросах реализации государственной власти между ветвями власти, которая позволяет говорить о реализации на практике конституционного принципа разделения властей.

При этом средством реализации принципа разделения властей является поддержание конституционно-правового баланса в системе государственного управления путем перераспределения полномочий между ветвями власти. Такое состояние баланса характеризует понятие «конституционное равновесие».

Поддержание конституционного равновесия – приоритетное направление развития правовой системы государства, поскольку только в таких условиях государство способно к гармоничному развитию, а права и свободы человека получают всестороннюю защищенность и гарантированность.

При этом существуют значительные риски нарушения конституционного равновесия. Природа таких угроз заключается в неравномерном распределении полномочий между ветвями власти. Признаками нарушения конституционного равновесия являются концентрация большого объема полномочий в одной из ветвей власти, начало противоборства и противостояния между ветвями власти, несоблюдение или умаление принципа самостоятельности ветвей власти, уменьшение гарантий независимости судебной власти.

Еще одним источником дисбаланса в системе конституционного равновесия может являться недостаточное использование ветвями власти своих властных полномочий, что в конечном итоге приводит к противоестественному усилению одной из ветвей власти. Вследствие этого правомерен вывод о том, что активное использование конституционно-правовых полномочий ветвями власти в определенной мере гарантирует сохранение баланса в системе разделения властей и сохранение конституционного равновесия.

Отсутствие достаточных полномочий у одной из ветвей власти в какой-либо из сфер государственного управления также является одной из причин, создающих угрозу утраты баланса между ветвями власти. Достаточность полномочий у ветвей власти определяется возможностью влиять или участвовать в стратегическом государственном управлении (формировании органов власти, правовой политики, государственном строительстве и т.д.) в равной или сопоставимой степени у всех ветвей власти при условии наличия механизмов сдержек и противовесов, уравнивающих полномочия каждой из ветвей государственной власти.

Законодательные изменения, перманентный характер законотворческого процесса, обусловленный изменениями в общественных отношениях и необходимостью их регулирования посредством закона, также могут выступать источниками деструктивного перераспределения властных полномочий между ветвями власти, которое влечет нарушение конституционного равновесия.

Недостаток полномочий или неиспользование имеющихся полномочий у ветвей власти, отсутствие эффективного механизма внутренней балансировки системы и другие указанные причины ведут к опасному и рискованному крену в сторону одной из ветвей власти.

Причины слабости двух ветвей или силы одной из ветвей власти не имеют решающего значения для оценки негативного результата, поскольку угрозы умаления прав и свобод человека вполне осязаемы.

Однако слабость или сила ветвей власти имеет значение в ситуации дисбаланса на стадии компенсации нарушенного права, что само по себе является симптоматикой уменьшения объема прав и свобод человека. То есть если права и свободы систематически претерпевают ущемление в результате перераспределения полномочий и дисбаланса системы, то это свидетельствует о системном характере дисбаланса.

В свою очередь, признаки системного нарушения конституционного равновесия вызывают необходимость принятия мер к конституционно-правовым изменениям, совершенствованию системы сдержек и противовесов, перераспределению властных полномочий, переосмыслению подходов к реализации принципа разделения властей.

Действующая Конституция РФ с учетом исторического опыта ее применения, а также имеющегося потенциала и способности отвечать высоким демократическим стандартам в дли-



тельной временной перспективе все же может претерпевать естественную процедуру донстройки отдельных ее положений. В отдельные конституционные полномочия могут и должны с течением времени вноситься изменения. Реформирование Конституции, ее переосмысление и принятие поправок – явление естественное, которое неизбежно в развивающемся обществе и должно происходить регулярно, с определенной периодичностью.

В настоящее время отсутствуют объективные основания для фундаментальных изменений Конституции РФ и тем более для принятия ее новой редакции, но вместе с тем закон всегда должен адаптироваться к изменениям жизни. В условиях необходимости наличия в государстве долговечной политической системы, адаптированной к современным реалиям, с большим запасом прочности, формирования новых отраслей в экономике, появления новых общественных отношений, в том числе ранее неизвестных человечеству и других факторов – изменения в Конституцию как базовый закон и основу всего законодательства в стране просто необходимы. Конституция во многом предопределяет развитие государства, вследствие чего ее изменения должны служить целям придания дополнительного импульса для достижения национальных целей развития страны.

Список литературы

1. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию // Рос. газ. 2018. 3 марта.
2. *Аблаева Э. Б.* История развития теории разделения властей : определение роли судебной системы // Вестн. Поволж. ин-та управления. 2018. Т. 18, № 4. С. 52–62. DOI 10.22394/1682-2358-2018-4-52-62
3. *Батиев Л. В.* Учение Ш. Л. Монтескье «О духе законов» // Юрид. вестн. РГЭУ. 2005. № 33. С. 11–18.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.
5. По делу о проверке конституционности части 4 статьи 28 Закона Республики Коми «О государственной службе в Республике Коми» : постановление Конституционного Суда РФ от 29.05.1998 № 16-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 23, ст. 2626.
6. *Орлова Ю. М.* Суд ЕС и правовая интеграция государств-членов Европейского союза // Вестн. ННГУ. 2014. № 6. С. 142–145.
7. По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части 2 статьи 30 и части второй статьи 325 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Р. Р. Зайнагутдинова, Р. В. Кудяева, Ф. Р. Файзулина, А. Д. Хасанова, А. И. Шаваева и запросом Свердловского областного суда : постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2010 № 8-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 18, ст. 2276.
8. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998. 1534 с.
9. По делу о проверке конституционности ряда положений Устава (Основного Закона) Алтайского края : постановление Конституционного Суда РФ от 18.01.1996 № 2-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 4, ст. 409.
10. *Мазуров А. В.* Указ Президента Российской Федерации как источник права : проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 202 с.
11. *Скуратов Д. Ю.* Проблемы участия Президента Российской Федерации в правотворческом процессе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 220 с.
12. *Лебедева Н. В.* Акты Президента Российской Федерации в системе источников конституционного права // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 7. С. 45–48.
13. По делу о проверке конституционности п. 2 Указа Президента Российской Федерации от 3 октября 1994 года № 1969 «О мерах по укреплению единой системы исполнительной власти в Российской Федерации» и п. 2.3 Положения о главе администрации края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа Российской Федерации, утвержденного названным Указом : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30.04.1996 № 11-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 19, ст. 2320.
14. *Зорькин В. В.* Буква и дух Конституции // Рос. газ. 2018. 9 окт.
15. *Володин В. В.* Живая Конституция развития // Парламентская газета. 2019. 17 июля.
16. *Медведев Д. А.* 25 лет Конституции : баланс между свободой и ответственностью // Закон. 2018. № 12. С. 8–17.
17. По делу о толковании положений части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации : постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.1998 № 28-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 52, ст. 6447.

Образец для цитирования:

Стеничкин Н. Г. Судебная власть и конституционное равновесие // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 354–362. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-3-354-362>



Judiciary and Constitutional Balance

N. G. Stenichkin

Nikita G. Stenichkin, <https://orcid.org/0000-0003-4284-0975>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, stenichkin_ng@mail.ru

Introduction. The article analyzes the prerequisites for changing the Constitution of the Russian Federation existing in the system of Russian law. For Russia, having a quarter-century legislative experience under conditions of democratic socio-political relations and a market economy, the issue of assessing the potential of the current edition of the Constitution is extremely relevant.

Theoretical analysis. An important vectorial principle in the Constitution of the Russian Federation is its focus on the human rights, ensuring rights and freedoms of people. This constitutional principle is implemented by endowing each of the branches of power with an equal amount of authority and responsibility to participate in public administration. **Empirical analysis.** We proved that the most common cause of imbalance in the system of checks and balances is the changes in society itself. The individual signs of the existing imbalance between the branches of power are considered. **Conclusions.** We highlighted the lack of objective grounds for reviewing the main provisions of the Constitution of the Russian Federation or the adoption of its new version. At the same time, the possibility of making separate, point-wise amendments to the provisions of the Constitution of the Russian Federation regarding the powers of the branches of state power is considered.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, branches of state power, powers of branches of state power, judiciary, system of separation of power.

Received: 27.01.2020 / Accepted: 26.02.2020 / Published: 31.08.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly. *Rossiiskaia gazeta* [Russian Newspaper], 2018, 3 March (in Russian).
2. Ablayeva E. B. Development history of the theory of separation of powers: Defining the role of the judiciary. *Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*, 2018, vol. 18, no. 4, pp. 52–62 (in Russian). DOI: 10.22394/1682-2358-2018-4-52-62
3. Batiyev L. V. The doctrine of Sh. L. Montesquieu “On the spirit of laws”. *Yuridicheskiy vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Legal Bulletin of Rostov State Economic University], 2005, no. 33, pp. 11–18 (in Russian).
4. The Constitution of the Russian Federation (adopted by the popular vote of 12.12.1993) ((amended by Federal Constitutional Law 6-FKZ of 30.12.2008, Federal Constitutional Law 7-FKZ of 30.12.2008, Federal Constitutional Law 2-FKZ of 05.02.2014, Federal Constitutional Law 11-FKZ of 21.07.2014). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 31, art. 4398 (in Russian).
5. On the Case of Verifying the Constitutionality of Part 4 of Article 28 of the Law of the Komi Republic “On Public Service in the Komi Republic”. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 16-P of 29.05.1998. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1998, no. 24, art. 2626 (in Russian).
6. Orlova Yu. M. The European Court of Justice and Legal Integration of EU Members. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2014, no. 6, pp. 142–145 (in Russian).
7. On the case of the verification of the constitutionality of clauses 2 and 3 of part 2 of article 30 and part two of article 325 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with complaints by citizens R. R. Zainagutdinov, R. V. Kudaev, F. R. Fayzulin, A. D. Khasanov, A. I. Shavaev and the request of the Sverdlovsk Regional Court. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 8-P of 19.04.2010. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2010, no. 18, art. 2276 (in Russian).
8. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Large explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg, Norint Publ., 1998. 1534 p. (in Russian).
9. In the case of the verification of the constitutionality of a number of provisions of the Charter (Basic Law) of the Altai Territory. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 2-P of 18.01.1996. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1996, no. 4, art. 409 (in Russian).
10. Mazurov A. V. *Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii kak istochnik prava: problem teorii i praktiki* [Decree of the President of the Russian Federation as a source of law: Problems of theory and practice]. Diss. Cand. Sci. (Jur.). Moscow, 1999. 202 p. (in Russian).
11. Skuratov D. Yu. *Problemy uchastiya Prezidenta Rossiiskoi Federatsii v pravotvorcheskom protsesse* [Problems of participation of the President of the Russian Federation in the legislative process]. Diss. Cand. Sci. (Jur.). Moscow, 2002. 220 p. (in Russian).
12. Lebedeva N. V. Acts of the President of the Russian Federation in System of Constitutional Law Sources. *Konstitusionnoe i munistipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law], 2017, no. 7, pp. 45–48 (in Russian).
13. On the case of the verification of constitutionality of clause 2 of Decree of the President of the Russian Federation no. 1969 of October 3, 1994 “On measures to strengthen the unified system of executive power in the Russian Federation” and 2.3 Provisions on the head of the administration of the territory, region, city of federal significance, autonomous region, autonomous region of the Russian Federation approved by the said



- Decree. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 11-P of 30.04.1996. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1996, no. 19, art. 2320 (in Russian).
14. Zor'kin V. V. The letter and the spirit of the Constitution. *Rossiiskaia gazeta* [Russian newspaper], 2018, 9 October (in Russian).
15. Volodin V. V. Living Constitution of development. *Parlamentskaia gazeta* [Parliamentary newspaper], 2019, 17 July (in Russian).
16. Medvedev D. A. The 25th Anniversary of the Constitution: Balancing Freedom and Responsibility. *Zakon* [Law], 2018, no. 12, pp. 8–17 (in Russian).
17. In the case of the interpretation of the provisions of paragraph 4 of Article 111 of the Constitution of the Russian Federation. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 28-P of 11.12.1998. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1998, no. 52, art. 6447 (in Russian).

Cite this article as:

Stenichkin N. G. Judiciary and Constitutional Balance. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 354–362 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-3-354-362>
